

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 1(15)

январь – март

2017

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
От редакции.	6
Состав редакционного совета журнала	8
Состав редакционной коллегии журнала	10

Философия информационного общества

Информатизация образования: достоинство и обратная сторона <i>У. Ю. Осипенко, В. Е. Быданов</i>	12
Информационная война как процесс и деятельность <i>М. Л. Бурова</i>	25
Особенности коммуникации в эпоху новых информационных технологий <i>О. В. Печенина</i>	35

Философия и экология

Предостережение Всемирной метеорологической организации Парижской конференции по климату 2015 <i>И. Г. Малкин</i>	46
--	----

Теория и история культуры

Влияние культуры на ценностные установки молодёжи в эпоху информационного общества <i>С. В. Карпунин, Н. Б. Колокольцева</i>	88
Религиоведческое образование в контексте культуры информационного общества <i>Н. А. Селиверстова</i>	97

Из истории отечественной науки

Русская лексикография: история и перспективы <i>А. О. Гребенников</i>	107
Диалектический подход В. С. Дерябина к рассмотрению учения о прогрессивном параличе <i>О. Н. Забродин</i>	121
Профессор В. С. Дерябин. Ошибки формальной логики в истории учения о прогрессивном параличе <i>В. С. Дерябин (публикация О. Н. Забродина)</i>	126

Объявления

Концепция виртуальной реальности	133
--	-----

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	134
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial	6
Editorial Council of the Journal	8
Editorial Board of the Journal.	10

Philosophy of Information Society

Informatization of Education: Dignity and the Reverse Side <i>U. Y. Osipenko, V. E. Bydanov</i>	12
Information Warfare as a Process and Activity <i>M. L. Burova</i>	25
Communication Features in the Era of New Information Technologies <i>O. V. Pechenina</i>	35

Philosophy and Ecology

Warning of the World Meteorological Organization to the Paris Climate Change Conference 2015 <i>J. G. Malkin</i>	46
--	----

Theory and History of Culture

The Influence of Culture on Young People's Values in the Era of Information Society <i>S. V. Karpukhin, N. B. Kolokoltseva</i>	88
Religious Studies in the Cultural Context of Information Society <i>N. A. Seliverstova</i>	97

From the History of the Science of Our Country

The Lexicography of Russian: the History and Trends for Further Development <i>A. O. Grebennikov</i>	107
The Dialectical Approach of V. S. Deryabin to the Consideration of the Doctrine of Progressive Paralysis <i>O. N. Zabrodin</i>	121
Professor V. S. Deryabin. The Mistakes of Formal Logic in the History of Progressive Paralysis Doctrine <i>V. S. Deryabin (publication of O. N. Zabrodin)</i>	126

Announcements

Virtual Reality Concept.	133
----------------------------------	-----

Article Presentation Rules

Article Presentation Rules.	134
-------------------------------------	-----

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

24.00.00 – культурология;

19.00.00 – психологические науки.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

От редакции

Первый номер журнала за 2017 год открывается статьей **У. Ю. Осипенко и В. Е. Быданова «Информатизация образования: достоинства и обратная сторона»**. Авторы обращают внимание на наличие как позитивных, так и негативных последствий компьютеризации системы образования (к негативным отнесены дезинформация, интернет-зависимость и т. п.). Организовать противодействие негативным тенденциям позволяет, в первую очередь, гуманитарный подход в образовании. Одной из специфических агрессивных социальных технологий эпохи информационного общества является информационная война, особенности которой рассматривает **М. Л. Бурова** в работе **«Информационная война как процесс и деятельность»**. **О. В. Печенина** в статье **«Особенности коммуникации в эпоху новых информационных технологий»** описывает коммуникацию как специфическую сферу человеческой деятельности, новую гиперреальность, требующую переосмысления отношений человека и техники.

В разделе «Философия и экология» помещена обширная работа **И. Г. Малкина «Предостережение Всемирной метеорологической организации Парижской конференции по климату 2015»**. На первый взгляд она может показаться слишком эмпирической. Однако в ней содержится важная, требующая всестороннего философского осмысления информация как по исследованиям изменений климата, проводившимся во всем мире под эгидой ООН, так и по проблеме выработки научно обоснованной, адекватной политики мирового сообщества, которая позволила бы эффективно противостоять разнообразным возникающим угрозам.

Раздел «Теория и история культуры» содержит две публикации, посвященные происходящему в настоящее время формированию специфического типа культуры информационного общества. **С. В. Карпухин и Н. Б. Колокольцева** в статье **«Влияние культуры на ценностные установки молодежи в эпоху информационного общества»** проводят мысль, что негативным чертам массовой культуры – например, ориентации на потребление – можно противопоставить популяризацию традиционной культуры посредством технологий культуры современной, а также создание новых направлений в развитии духовной жизни общества – например, объединения культуры нескольких возрастных групп. **Н. А. Селиверстова** (статья **«Религiovедческое образование в контексте культуры информационного общества»**) показывает, что современная технизация образования – особенно в технических вузах – делает студентов беззащитными перед лицом многочисленных проблем, связанных с отношением к религии, тоталитарным сектам и технологиям идеологического воздействия экстремистских псевдорелигиозных сил.

Раздел «Из истории отечественной науки» открывается статьей **А. О. Гребенникова «Русская лексикография: история и перспективы»**. Первые, еще примитивные разработки по проблемам лексики русского языка появились в XI веке. С тех пор сложилась сложная, постоянно развивающаяся

система словарей, которая позволяет языку динамично развиваться, отражая теперь и быстро меняющуюся реальность информационного общества. **О. Н. Забродин** впервые публикует и комментирует статью ученика И. П. Павлова, русского психолога и психиатра **В. С. Дерябина «Ошибки формальной логики в истории учения о прогрессивном параличе»**. Уже в 1934 году ученый обращает внимание на необходимость диалектического подхода в лечебной практике и на конкретном примере показывает, как метафизический стиль мышления приводит к ошибкам, ограничивающим возможности творческого развития медицинской науки. Хотелось бы добавить, что реальный метод, который предлагает В. С. Дерябин – это диалектико-материалистический метод исследования. Традиционная недооценка в отечественной философии материалистического компонента научного метода в течение многих десятилетий обуславливала сведение последнего к диалектике.

Главный редактор

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Орлов Владимир Вячеславович – профессор кафедры философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, советник ректора Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Игнатьев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Казанская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций ГУАП.

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.

Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.

Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

Малкин Иосиф Гилевич – эксперт, руководитель информационно-аналитического отдела.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 37.03:004

Информатизация образования: достоинство и обратная сторона^{*}

Осипенко Ульяна Юрьевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)», кафедра ресурсосберегающих технологий, старший преподаватель, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: osipenko.u@gmail.com

190013, Россия, Санкт-Петербург, Московский проспект, дом 26,
тел.: 8(964)372-12-11.

Быданов Виктор Евгеньевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)», кафедра философии, заведующий кафедрой, кандидат философских наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: follibilizm@yandex.ru

190013, Россия, Санкт-Петербург, Московский проспект, дом 26,
тел.: 8(812)494-24-56.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В связи с развитием информационных и коммуникационных технологий стало актуальным широкое внедрение в учебный процесс информационных систем. Этот подход имеет очевидные достоинства, о которых много писали в литературе, однако к настоящему времени стали понятны и его недостатки.

Результаты: Повсеместное распространение информатизации и компьютеризации порождает ряд новых социальных проблем – свободный доступ к информации, дезинформация, интернет-зависимость, манипулирование общественным мнением и преуменьшение роли человека в образовательном процессе. Они не сводятся только к юридическим или техническим вопросам, эти проблемы возникают в определенном культурном контексте и имеют непосредственное отношение к системам ценностей. Информационно-психологическая безопасность субъекта зависит в значительной степени от него самого, его способности к самостоятельному, осознанному выбору информации, отсутствия установок на подражательство, сопротивляемости манипулятивным информационным воздействиям. Последнее слово остается за нравственным развитием человека.

^{*} © У. Ю. Осипенко, В. Е. Быданов, 2017.

Выводы: Научно-технический прогресс усилил значимость и актуальность гуманитарного образования, вносящего огромный вклад в культурное и нравственное развитие студентов и оказывающего большое влияние на формирование личности. Гуманитарный подход способствует сохранению уникальности и незаурядности. Он учит человека мыслить нестандартно, уметь донести свои мысли и идеи до окружающих; учит принятию и осмыслению своего места в мире и в целом способствует гармоничному развитию личности.

Ключевые слова: информационные технологии; Интернет; компьютерная виртуальная реальность; дистанционное обучение; информационная безопасность; самопрезентация; самоопределение.

Informatization of Education: Dignity and the Reverse Side

Osipenko Uliana Yurevna – St. Petersburg State Technological Institute (Technical University), Resource Saving Technologies Department, lecturer, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: osipenko.u@gmail.com
26, Moskovsky prospect, Saint Petersburg, 190013, Russia,
tel: 8(964)372-12-11.

Bydanov Viktor Evgenevich – St. Petersburg State Technological Institute (Technical University), Philosophy Department, Head of Department, Ph. D (Philosophy), Associate Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: follibilizm@yandex.ru
26, Moskovsky prospect, Saint Petersburg, 190013, Russia,
tel: 8(812)494-24-56.

Abstract

Background: In connection with the development of information and communication technologies, the widespread introduction of information systems in the educational process to improve the effectiveness of the educational process has become topical. This approach has obvious merits, of which much has been written in the literature, but its shortcomings have become clear by now.

Results: The widespread dissemination of informatization and computerization creates a number of new social problems – free access to information, disinformation, Internet addiction, manipulation of public opinion and minimizing the role of a person in the educational process. They are not limited only to legal or technical issues, these problems arise in a specific cultural context and are directly related to value systems. Information-psychological security of the subject depends largely on himself, his ability to independently, conscious choice of information, the lack of rigs for imitation, resistance to manipulative information influences. The last word remains for the moral development of man.

Conclusion: Scientific and technological progress has strengthened the relevance of humanitarian education, which makes a huge contribution to the cultural and moral development of students and has a great influence on the formation of the individual. The humanitarian approach promotes the preservation of uniqueness and uncommonness. He teaches a person to think outside the box, be able to convey his

thoughts and ideas to others; teaches the acceptance and comprehension of one's place in the world and, on the whole, promotes the harmonious development of the individual.

Keywords: information technologies; the Internet; computer virtual reality; distance learning; information security; self-presentation; self-determination.

Введение

Первые эксперименты по применению информационных технологий в образовании относятся к концу 50-х годов. Техническая база и программное обеспечение того времени еще не создавали предпосылок для успешного решения поставленных проблем [10].

В настоящее время в связи с быстрым развитием информационных и коммуникационных технологий закономерно возникает потребность использовать их более эффективно. Уже давно стало актуальным широкое внедрение в учебный процесс автоматизированных систем обучения и диагностики качества знаний специалистов [9; 12; 16].

Автоматизированные системы обучения относятся к классу наиболее эффективных средств воздействия на обучаемых [16]. В литературе можно найти множество примеров описания достоинств автоматизированных обучающих систем, связанных с их применением в обучении и повышении квалификации. Это приводит ко все более масштабному использованию в образовательном процессе новейших достижений информационных и телекоммуникационных технологий, способствует включению обучающегося в мировое постиндустриальное информационное пространство [12].

Разработчики дистанционного обучения утверждают, что обучающие компьютерные программы являются самым эффективным средством тренировки и совершенствования мыслительных навыков учащихся и способности принимать самостоятельное решение [9]. Еще одно несомненное достоинство применения автоматизированных систем обучения – введение в мыслительные операции новых семиотических средств. Известно, что изобретение технологии письменной речи радикально расширило диапазон навыков мышления и воображения. И, возможно, семиотические средства компьютерных информационных технологий в еще большей мере расширят диапазон средств мышления и воображения, делая их более гибкими и пластичными [9]. Правда, это относится, прежде всего, именно к обогащению навыков мышления, то есть набору языковых и семиотических привычек интеллектуальной деятельности, а не к «сознанию» как таковому.

Сегодня вряд ли кто станет отрицать, что с помощью компьютера приобретаются и тренируются очень полезные когнитивные и исследовательские навыки мышления: навыки планировать, связывать поставленные задачи с имеющимися средствами (инструкциями выполнения задачи); строить прогнозы возможных результатов; развивать способность к самокоррекции; грамотно анализировать проблемы; осваивать алгоритмические процедуры; прорабатывать детали и прочее [9].

Сложно оспорить общеизвестный факт: повсеместная компьютеризация и информатизация общества оказались настолько значительны, что привели к изменению сложившейся системы отношений между людьми, породили новую форму культуры и вызвали новые социальные и этические проблемы. С этой точкой зрения можно подробнее ознакомиться в работах [1–3; 7; 9; 11; 13; 14; 17; 18; 20]. Компьютеры и Интернет изменили саму культуру мышления и мировоззрения современного человека. А компьютерная виртуальная реальность занимает заметное место в иерархии ценностей современной культуры и личности [3].

Одна из самых разительных черт нашего времени, связанная с социальным и нравственным содержанием компьютеризации – это изменения в общественном разделении труда, в социальной структуре, в мотивационно-потребностной сфере, в культуре и моральном сознании [6]. Будет ли компьютеризация служить приумножению социальных и духовных ценностей или останется лишь средством повышения эффективности, производительности и качества труда – это центральный вопрос для социально-философского анализа [6].

Человечество переходит на новый этап развития, породивший новое информационное общество, новую информационную этику и культуру. Взаимодействие двух сторон – человека и компьютера – это взаимодействие противоположных по своей сущности, по способу и целям существования объектов [2]. И эти изменения носят противоречивый характер, что связано, например, с трудностями культурно-психологической адаптации человека к нетрадиционным информационным средствам и технологиям. Проблемы сохранения человеческой личности и определения места человека в современном обществе приобретают особую важность. К тому же прогресс компьютеризации сопровождается все нарастающим явлением привязанности человека к компьютеру.

В технизированном мире личность зачастую оценивается по ее знаниям и способностям, а применение компьютера усиливает эту тенденцию [6]. Это чревато серьезными нравственными потерями и способствует формированию сугубо рационалистического отношения к человеку.

Множество авторов поднимают вопросы изменяющейся системы ценностей, новой компьютерной этики, норм морали в сегодняшнем информационном мире [1–3; 6; 7; 11; 13; 14; 17; 20].

Так каковы же основные достоинства и недостатки информатизации?

Качество информации

Широкое распространение локальных сетей, персональных компьютеров и рабочих станций в 1980 году обеспечило процветание зарождающейся сети Интернет, а к 1989 году – ее распространение уже практически по всему миру.

С начала XX века А. Азимов, Э. Форстрер, М. Лейнстер, Стругацкие, С. Снегов и др. предсказывали появление современного Интернета. В своих научно-фантастических произведениях они описывали компьютерные сети, повсеместную информатизацию и общение людей и роботов в сети. Н. Винер

предвидел сегодняшний глобальный характер информатизации общества, предполагая, что в будущем «развитию обмена информацией между человеком и машиной, между машиной и человеком и между машиной и машиной суждено играть все возрастающую роль...» [4, с. 30].

Советский физик А. Сахаров писал в своей статье: «В перспективе, быть может, позднее, чем через 50 лет, я предполагаю создание всемирной информационной системы, которая сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной...» [19]. Еще в 1974 он считал, что это окажет глубокое воздействие на жизнь каждого человека, на его досуг, интеллектуальное и художественное развитие.

Интернет сейчас – это всемирная система объединённых компьютерных сетей для хранения и передачи данных. Главное информационное достижение глобальной сети – это перевод в цифровую форму гигантских массивов аналоговой информации, накопленной за всю историю человечества. Перенос в сеть научного и культурного достояния человечества, стремительный рост числа электронных изданий и выпусков электронных версий обычных печатных изданий, проведение встреч, конференций и обучение через Интернет создают впечатление, что глобальная сеть способна объединить все и всех [3]. Однако у нее есть и другая сторона.

Сейчас многим пользователям, особенно школьникам и студентам, гораздо удобнее отыскивать информацию в глобальной информационной сети, нежели в печатных источниках. Ведь будучи в электронном виде в Интернете, огромные объемы информации становятся доступными в любой точке планеты. Особое значение в этом случае приобретает проблема качества источников информации.

В идеале развитие глобальных сетей должно удовлетворять потребности человека в оперативном получении полной и достоверной информации любого вида и назначения. Но это касается не только научной информации. Благодаря Интернету пользователь действительно получает беспрецедентные возможности доступа к ресурсам библиотек, научных изданий, а также возможности непосредственного общения с учеными, однако все это относится и к информации других видов. Глобальная сеть создает благоприятные условия не только для распространения информации, но и для распространения дезинформации. Нередко за помещаемую в Интернет информацию не несет ответственности ни автор, ни провайдер.

Оценивая образовательную роль русского сектора Интернета, И. Ю. Алексеева пишет, что трудно определить, какие из предоставляемых сетью возможностей используются сегодня больше – возможности образования или его имитации [3]. Известно, что в Интернете предлагаются наборы рефератов и дипломов, использующие опубликованные на русском языке источники информации, которых в Интернете просто нет. В частности, речь идет об отсутствии обеспечения в Интернете такого свойства информации, как надежность. Увеличение объемов информационных ресурсов и легкость доступа к ним не отменяет проблемы семантических и прагматических качеств информации.

В современной реальности, когда любая информация становится доступна в самые короткие сроки, когда объемы информации превышают возможности человека в ее изучении, наступает пресыщение информацией. И самое страшное в этой ситуации, что ценность ее падает, и невозможно отделить важную информацию от ненужной, бесполезной или даже вредной.

Специфическим образом в гипертекстовой среде проявляется и такая характеристика, как деперсонализация автора, считает О. В. Новожевина [3]. Деперсонализация имеет несколько уровней – начиная с самого общего, теоретического и заканчивая чисто юридическими и техническими аспектами, связанными, в частности, с проблемой авторского права в глобальной сети. С другой стороны, простота и доступность средств создания информации делают каждого такого субъекта потенциальным автором. Однако насколько качественными будут тексты и насколько достоверной будет информация, которую принесут все эти «новые» авторы?

Самопрезентация и самоопределение

Виртуальное общение имеет определенную специфику субъект-субъектных отношений, связанную как с самопрезентацией, так и с восприятием Другого, пишет Л. В. Баева [2]. Важнейшим аспектом общения является презентация себя: своего образа, убеждений, интересов, чувств и т. д. Тенденция создания домашних страниц обусловлена отношением к Интернету как к месту обитания, которое требует благоустройства согласно своим представлениям, стилю жизни, вкусам и т. д.

Интернет, задуманный первоначально как средство коммуникации и получения информации, в итоге стал средой, культивирующей самовыражение, поскольку он предоставляет человеку для этого уникальные возможности, которые отсутствуют в реальном мире [3]. Вопрос о самопрезентации и самоопределении стоит в контексте актуальной сегодня проблемы выявления и оценки возможных психологических последствий информатизации.

Современный уровень виртуального общения из простого написания писем превратился в нечто гораздо большее. Потребность «приобщиться», включиться в виртуальный диалог с другими стала для многих практически атрибутивной [2]. Это выражается в почти постоянном пребывании людей разного возраста в социальных сетях, многочасовых коммуникациях на игровых порталах, ведении блогов, «живых журналов» и пр. Сегодня многие люди, как известно, проводят в Интернете свой досуг. В связи с этим стоит отметить, что для Интернета становится обычен высокий уровень ошибок, для него характерна тенденция к упрощению грамматических правил, отказу от пунктуации и широкое использование аббревиатур. Это все приводит к сознательному коверканью слов.

Совершенно ясно, что именно виртуальная коммуникация дает современному человеку, однако не следует закрывать глаза и на то, что она отнимает. Обязательства, ответственность, сопереживание и глубина присущи реальному общению, а в виртуальном мире глубина заменяется множеством,

сопереживание – повышенным вниманием к самому себе, ответственность – развлечением, а обязательства – игрой, свободной от контроля цензуры [2].

А. И. Ракитов в книге [17] описывает исследования Ш. Теркли, которые показывают, что дети, вырастающие в тесном общении с компьютерами и электронными игрушками, в психологическом, морально-духовном и мировоззренческом плане довольно существенно отличаются как от своих «некомпьютеризованных» сверстников, так и от детей предшествующих поколений. Речь идет не только о навыках владения вычислительной техникой, но об изменениях фундаментальных духовно-культурных структур, понятий и представлений.

«Выросло новое поколение со сниженными ожиданиями того, чем может быть личность и кем способен стать отдельный человек», – отмечает Ланир Джарон, специалист в области визуализации данных и биометрических технологий, в книге [13, с. 13]. Ланир говорит также о последствиях, к которым приводит анонимность пользователей в Интернете, рассуждает о так называемой «свободной культуре», которая наносит серьезный урон миру музыки, литературы и кино. Кроме того, автор обращает внимание на то, что в новой идеологии идея индивидуальной точки зрения отодвинута на второй план. В социальных сетях и таких сервисах, как «Википедия», слишком большое значение уделяется мнению толпы, что снижает значимость индивидуальности в архитектуре общества. Он считает, что современная тенденция развития виртуальных технологий принизила роль обычных людей.

Такие ресурсы, как «Википедия», обладают слишком большим влиянием на формирование мнения человека. А ведь «Википедия» на сегодняшний день является открытым онлайн изданием. Это значит, что любой может поучаствовать в ее разработке. Что может нести в себе статья, составленная не специалистами, а любителями? Что может нести в себе информация, представленная неизвестными лицами как факт? «“Истина” теперь то, что таковой считает “Википедия”», – пишет Уотсон Р. [20, с. 13].

Главной ошибкой современной цифровой культуры является то, что она раскалывает сообщество людей настолько мелко, что остаются лишь помехи [13]. В Интернете все заботятся о сетевой абстракции больше, чем о реальных людях, входящих в эту сеть, и забывают о том, что сеть сама по себе ничего не значит, значим только сам человек.

Унификация массового сознания

Компьютеры и Интернет изменили культуру мышления и мировоззрения современного человека [14]. Умело манипулируя общественным мнением, они воздействуют на каждого человека и способствуют унификации массового сознания, массовой культуры.

Глобальная сеть быстро превращается в мощное средство пропаганды [3]. И наряду с неоспоримыми преимуществами, получаемыми благодаря новым компьютерным технологиям, чрезмерный объем поступающей информации создает предпосылки манипулирования общественным мнением, зачастую

угрожая сохранности духовных ценностей и этических норм, сложившихся в обществе.

В связи с этим помимо актуальности проблемы информационной безопасности возникает современная проблема информационно-социальных систем – обеспечение защиты «от информации» [15].

От реальности к виртуальности

Взаимодействие в среде виртуальной реальности происходит таким же образом, как и в подлинной реальности – с помощью систем восприятия и передачи информации. Виртуальная реальность задействует работу человеческих органов чувств, и последние десятилетия дали понять, что ее возможности в этой области действительно велики. Кроме того, виртуальная реальность для пользователя – это реальность среди других реальностей, и она занимает определенное место в иерархии ценностей современной культуры и личности [3].

Б. Гейтс [5] рассматривает виртуальную реальность как инструмент исследования и убежден в том, что моделирование как одна из функций системы виртуальной реальности особенно полезно при изучении наук. Виртуальная реальность предоставляет человеку отличные возможности для проведения различного рода исследований, в том числе психологического характера.

Виртуальная реальность с ее способностью моделирования любой ситуации может служить средством приобретения и закрепления жизненных умений, а также навыков общения и жизнедеятельности в социуме. Это может повлиять не только на качественно новое развитие любой производственной, торговой, финансовой и других структур, но и на всю экономику страны в целом [11].

Основная причина такого оптимистического прогноза использования виртуальной реальности в качестве инструмента исследования состоит в наличии массивов хранящейся в ней информации, а также в возможности манипулирования ее компонентами [5]. И при умелом манипулировании она может стать хорошим помощником для любого человека в области получения профессиональных знаний и улучшения профессиональных навыков.

Однако насколько реальна виртуальная реальность для пользователя? Насколько четкой сознание видит границу между этими двумя реальностями? Проблема в том, что существует тенденция к ее истиранию, и это создает отличные возможности для манипулирования сознанием и подсознанием человека [11].

За время, проводимое в виртуальном мире, человек не только не решает важных для себя проблем, но и останавливается в своем духовном развитии, полностью перемещаясь в виртуальный мир, где ощущает себя более комфортно [3]. Все это – стремление уйти от реальности.

Современные компьютерные средства вместе с информационными технологиями создают иллюзорный мир, и эта иллюзия реальности очень сильна [3]. Если что-то в «реальной реальности» не устраивает человека –

возникает соблазн ускользнуть туда, где окружающий мир будет строиться по собственному желанию.

В виртуализации образа жизни современного человека Л. В. Баева видит его постепенный переход от реальной формы бытия к информационной. Ведь потребность в виртуальной коммуникации из модной привычки или удобной формы дистанционной передачи эмоций и новостей способна перерасти в некую форму зависимости, постоянного желания находиться в потоке передаваемой и получаемой информации [2].

С развитием технологий систем виртуальной реальности растет и число людей, увлекающихся этим явлением [11]. Б. Гейтс еще в 1996 году писал в своей книге [5], что в том случае, когда виртуальная реальность станет доступной всем, это может вырасти в серьезную проблему, поскольку некоторые люди будут пользоваться системой в ущерб всему остальному. Б. Гейтс утверждал, что виртуальная реальность сильнее любой видеоигры, и что впасть в зависимость от нее очень легко.

В своей статье [11] С. В. Коловоротный пишет, что сравнительно несложно привить зависимость нахождения в виртуальной реальности. Он связывает это, прежде всего, с объективными психологическими факторами. В. М. Розин также отмечает, что далеко не каждый человек будет убегать от реальности, что к такому поведению склонны люди с особым типом личности, предрасположенные к различным зависимостям [3].

Заключение

Не исключено, что сетевое сообщество выработает определенные формы контроля за движением информации в глобальных сетях и определит место человека в информационном пространстве. Однако социальные проблемы повсеместной информатизации не сводятся лишь к юридическим или техническим вопросам. Они возникают в определенном культурном контексте и имеют непосредственное отношение к системам ценностей. Информационно-психологическая безопасность субъекта зависит в значительной степени от него самого, его способности к самостоятельному, осознанному выбору информации, отсутствию установок на подражательство, сопротивляемость манипулятивным информационным воздействиям [3]. Последнее слово остается за нравственным развитием человека.

В таком случае становится очевидно, что повышение духовного, нравственного и культурного уровня личности может оказаться если не решением, то хотя бы методом борьбы с возникающими в современном обществе социальными проблемами информатизации. В связи с этим нельзя не отметить роль образования. На формирование личности в целом, на возможность ориентироваться в мире и в смысле всего происходящего оказывают существенное влияние в первую очередь гуманитарные знания. Именно гуманитарные науки вносят огромный вклад в культурное и нравственное развитие студентов и оказывают решающее воздействие на формирование их мировоззрения. Гуманитарный подход способствует сохранению уникальности и незаурядности. Он учит человека мыслить

нестандартно, уметь донести свои мысли и идеи до окружающих; учит принятию и осмыслению своего места в мире и в целом способствует гармоничному развитию личности.

Особую актуальность описанные социальные проблемы приобретают в технических ВУЗах, где доля гуманитарных дисциплин значительно снижена по сравнению со всеми остальными.

Получается, что научно-технический прогресс только усилил значимость и актуальность гуманитарного образования, которое стало неотъемлемой частью современной образовательной системы, ведь оно формирует ценностные ориентиры и жизненные позиции студентов [8].

Возможно, именно в этой области и лежит основной путь к решению проблем повсеместной информатизации и компьютеризации общества.

Список литературы

1. Алексенко Н. Н. Психоаналитические аспекты поведения человека в киберпространстве // Журнал Практической психологии и психоанализа. – 2000. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2889> (дата обращения 10.03.2017).
2. Баева Л. В. Виртуальная коммуникация: особенности и этические принципы // Философские науки. – 2015. – № 10. – С. 5–10.
3. Влияние Интернета на сознание и структуру знания / под. ред. В. М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2004. – 239 с.
4. Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Иностранная литература, 1958. – 200 с.
5. Гейтс Б. Дорога в будущее. – М.: Русская редакция. – 1996. – 312 с.
6. Дрозд А. Л. Проблема «человек и компьютер» как предмет философского анализа // IV Державинские чтения. – 2001. – С. 47–49.
7. Емелин В. А. Человек технологический. Трансформация идентичности в условиях развития информационного общества // Философские науки. – 2015. – № 2. – С. 154–157.
8. Ербаева Н. А., Истомина О. Б. К вопросу о гуманитаризации высшей технической школы // Проблемы высшего технического образования в России и за рубежом: материалы международной научно-методической конференции. – Улан-Удэ, 2012. – С. 489–495.
9. Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского – М.: ИИнтелЛ, 2006. – 448 с.
10. Карпова И. П. История и перспективы развития автоматизированных обучающих систем // Компьютеры в учебном процессе. – 2002. – № 9. – С. 89–95.
11. Коловоротный С. В. Виртуальная реальность: манипулирование временем и пространством // Журнал Практической психологии и психоанализа. – 2003. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2892> (дата обращения 10.03.2017).

12. Кудинов Д. Н. Перспективы разработки автоматизированных обучающих систем // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – № 6. – С. 46–50.
13. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. – М.: Астрель, 2011. – 112 с.
14. Малинецкий Г. Г., Ахромеева Т. С. Вызовы, возможности и бифуркация виртуальной реальности // Философские науки. – 2015. – № 11. – С. 67–82.
15. Новиков Д. А. Кибернетика: Навигатор. История кибернетики, современное состояние, перспективы развития. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 160 с.
16. Опарина Н. М. Проблемы оптимизации и эффективности подготовки специалистов с использованием автоматизированных систем обучения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2005. – № 12. – 5 т. – С. 301–311.
17. Ракитов А. И. Философия компьютерных революций. – М.: Политиздат, 1991. – 287 с.
18. Сергеева Л. А. Современные проблемы техники и информатики в контексте мировоззренческого подхода // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2010. – № 1. – С. 204–210.
19. Сахаров А. Д. Мир через полвека. – 1974. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_31.html (дата обращения 10.03.2017).
20. Уотсон Р. Файлы будущего: история следующих 50 лет. – М.: Эксмо, 2011. – 583 с.

References

1. Aleksenko N. N. Psychoanalytical Aspects of Human Behavior in Cyberspace [Psikhoanaliticheskie aspekty povedeniya cheloveka v kiberprostranstve]. *Zhurnal Prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza* (Practical Psychology and Psychoanalysis Journal), 2000, № 3. Available at: <https://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2889> (accessed 10 March 2017).
2. Baeva L. V. Virtual Communication: Classification and Specifics [Virtualnaya kommunikatsiya: osobennosti i eticheskie printsipy]. *Filosofskie nauki* (Philosophic Sciences), 2015, № 10, pp. 5–10.
3. Rozin V. M. (Ed.) The Influence of the Internet on the Consciousness and the Knowledge Structure [*Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya*]. Moscow, IF RAN, 2004, 239 p.
4. Wiener N. The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society [*Kibernetika i obschestvo*]. Moscow, Inostrannaya literatura, 1958, 200 p.
5. Gates B. The Road Ahead [*Doroga v budushee*]. Moscow, Russkaya redaktsiya, 1996, 312 p.
6. Drozd A. L. The Question of Man and Computer as a Topic of Philosophical Analysis [Problema “chelovek i kompyuter” kak predmet filosofskogo analiza]. *IV Derzhavinskie chteniya* (The Reading of Derzhavin IV), 2001, pp. 47–49.
7. Emelin V. A. The Technological Man. The Transformation of Identity under the Conditions of Information Society Development [Chelovek tekhnologicheskii.

Transformatsiya identichnosti v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obschestva]. *Filosofskie nauki* (Philosophic Sciences), 2015, № 2, pp. 154–157.

8. Erbaeva N. A., Istomina O. B. The Question of Humanization of Higher Technical School [K voprosu o gumanitarizatsii vysshey tekhnicheskoy shkoly]. *Problemy vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya v Rossii i za rubezhom: materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* (The Problems of Higher Technical Education in Russia and Abroad: Proceedings of International Research and Methodology Conference). Ulan-Ude, 2012, pp. 489–495.

9. Dubrovskiy D. I., Lektorskiy V. A. (Eds.) Artificial Intelligence: Interdisciplinary Approach [*Iskusstvennyy intellekt: mezhdistsiplinarnyy podkhod*]. Moscow, InteLL, 2006, 448 p.

10. Karpova I. P. History and Development Prospect of Automatic Training Systems [Istoriya i perspektivy razvitiya avtomatizirovannykh obuchayuschikh system]. *Kopyutery v uchebno protsesse* (Computers in the Educational Process), 2002, № 9, pp. 89–95.

11. Kolovorotnyy S. V. Virtual Reality: Manipulation of Time and Space. [Virtualnaya realnost: manipulirovanie vremenem i prostranstvom]. *Zhurnal Prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza* (Practical Psychology and Psychoanalysis Journal), 2003, № 1. Available at: <https://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2892> (accessed 10 March 2017).

12. Kudinov D. N. The Prospect of Automatic Training System Development [Perspektivy razrabotki avtomatizirovannykh obuchayuschikh system]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* (The Modern Problems of Science and Education), 2008, № 6, pp. 46–50.

13. Lanier J. You Are Not a Gadget: A Manifesto [*Vy ne gadzhet. Manifest*]. Moscow, Astrel, 2011, 112 p.

14. Malinetskiy G. G., Akhromeeva T. S. The Challenges, Capabilities and Bifurcation of Virtual Reality [Vyzovy, vozmozhnosti i bifurkatsiya virtualnoy realnosti]. *Filosofskie nauki* (Philosophic Sciences), 2015, № 11, pp. 67–82.

15. Novikov D. A. Cybernetic: Navigator. History of Cybernetic, Contemporary State and Future Development [*Kibernetika: Navigator. Istoriya kibernetiki, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya*]. Moscow, LENAND, 2016, 160 p.

16. Oparina N. M. The Questions of Optimization and Efficiency Training Expert Using Automatic Training System [Problemy optimizatsii i yeffektivnosti podgotovki spetsialistov s ispolzovaniem avtomatizirovannykh system obucheniya]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* (Bulletin of RGPU named after A. I. Gertsen), 2005, № 12, pp. 301–311.

17. Rakitov A. I. The Philosophy of Computer Revolutions [*Filosofiya kompyuternykh revolyutsiy*]. Moscow, Politizdat, 1991, 287 p.

18. Sergeeva L. A. The Modern Troubles of Equipment and Informatics in the Context of Worldview Approach [Sovremennye problemy tekhniki i informatiki v kontekste mirovozzrencheskogo podkhoda]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* (Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace), 2010, № 1, pp. 204–210.

19. Sakharov A. D. The World in Half a Century [*Mir cherez polveka*]. 1974. Available at: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_31.html (accessed 10 March 2017).

20. Watson R. Future Files: A Brief History of the Next 50 Years [*Fayly buduschego: istoriya sleduyuschikh 50 let*]. Moscow, Eksmo, 2011, 583 p.

УДК 355.01

Информационная война как процесс и деятельность^{*}

Бурова Мария Леонидовна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Е-mail: marburova@yandex.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,

тел: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Информационная война представляет собой особый вид войны, соответствующий новым условиям существования общества. Это позволяет рассматривать ее в соответствии с историко-философской традицией исследования войн как социальный процесс и деятельность. Можно интерпретировать информационную войну как процесс, осуществляющийся в динамической системе, на стыке виртуальной и социальной реальности, и как искусную деятельность в виде технологии и игры.

Результаты: В широком смысле информационную войну можно рассматривать как процесс создания, передачи, распространения и навязывания информационного продукта, способного повлиять на сознание, предпочтения, поведение человека как прямого объекта воздействия. К её количественной стороне относятся физические характеристики и направленность, локальность, прерывность, случайность. Как технологический процесс информационная война имеет свои циклы и фазы. С качественной стороны информационная война представляет собой незавершенный текст с символами, сюжетами и ассоциативными связями, что позволяет определять ее как процесс коммуникации, связанный с пониманием и интерпретацией. Информационная война как специфическая технология представляет собой совокупность способов и методов преобразования как самой информации, так и сознания, поведения человека, основанных на техническом и психологическом знании. Она представляет собой многоуровневую систему, включающую знания, цели, методы и практические действия, то есть выступает как искусная деятельность. Отдельные технологии могут быть сопоставимы с конкретными методиками воздействий на целевую аудиторию. В качестве игры информационная война строит свою иллюзорную реальность, обладает свойствами повторяемости, вариативности, сопричастности. Выступая в разнообразных феноменах общества и культуры как многоплановая деятельность субъектов различного уровня, она не может быть прекращена или завершена.

Область применения результатов: Философское исследование информационных войн.

^{*} © М. Л. Бурова, 2017.

Выводы: Информационная война предстает как противоречивое единство процесса и деятельности, где внешней стороной оказывается динамичность, непрерывность в пространственных и временных формах, а внутренней, содержательной стороной является человеческая деятельность в ее различных феноменах. Информационная война становится атрибутом информационного общества, динамичным взаимодействием его участников, где победа или проигрыш носят лишь временный, но не окончательный характер.

Ключевые слова: информационная война; количественная и качественная стороны процесса; коммуникационный процесс; текст; технология; игра.

Information Warfare as a Process and Activity

Burova Maria Leonidovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, associate professor, Ph. D. (philosophy), Saint Petersburg, Russia.

E-mail: marburova@yandex.ru

15, Gastello st., Saint Petersburg, 196135, Russia,

tel: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Background: Information warfare is a special kind of war, corresponding to the new conditions of society existence. This allows us to consider it in accordance with the historical and philosophical tradition of the war study as a social process and activity. It is possible to interpret information warfare as a process occurring in a dynamic system, at the interface of virtual and social reality, and as a skillful activity in the form of technology and a game.

Results: In a broad sense, information warfare can be regarded as a process of creating, transmitting, disseminating and imposing an information product that can affect the consciousness, preferences, and behavior of a person as a direct object of that influence. Physical characteristics and orientation, locality, discontinuity, randomness belong to its quantitative aspect. As a technological process, information warfare has its own cycles and phases. From the qualitative point of view, information warfare is an unfinished text with symbols, plots and associative relations, which allows us to define it as a communication process associated with understanding and interpretation. Information warfare as a specific technology is a combination of ways and methods of transforming both information itself and consciousness, human behavior based on technical and psychological knowledge. It is a multi-level system which includes knowledge, goals, methods and practices, that is, acts as a skillful activity. Separate technologies can be comparable with specific methods of impact on the target audience. As a game, information warfare builds its illusory reality, has the properties of repeatability, variability, involvement. Being represented in various phenomena of society and culture as multifaceted activity of subjects of various levels, it cannot be terminated or completed.

Research applications: Philosophical study of information warfare.

Conclusion: Information warfare is manifested as contradictory unity of process and activity, where the external aspect is dynamism, continuity in spatial and temporal forms, whereas the internal, content aspect is human activity in its various phenomena. Information warfare is becoming an attribute of information society, dynamic interaction of its participants, where victory or loss is only temporary, but not final.

Keywords: information warfare; quantitative and qualitative aspects of the process; communication process; text; technology; game.

Сложность философского исследования информационной войны связана с тем, что она существует как данность, в которой мы уже находимся, и которая постоянно свершается. Это некая уже привычная составляющая нашего бытия, непрестанно уходящая в прошлое. Поэтому недостаточно рассматривать информационную войну только в качестве термина, который вполне справедливо представляется нечетким в формально-логическом смысле, с неограниченным рядом предикатов [6, с. 11], концепта, несущего в себе образную составляющую [2, с. 33], а также обращаться к привычным политическим оценкам. Поскольку информационная война является особым видом войны, соответствующим новым условиям существования общества, она может быть представлена в соответствии с историко-философской традицией исследования войн как социальный процесс и как деятельность.

Рассмотрение войны (борьбы) как всеобщего процесса, источника всего нового и закономерности всего сущего, как движущей космической силы восходит к досократикам (Гераклиту и Эмпедоклу). В Новое время понимание войны как процесса можно отметить у Гегеля, связывающего ее с развертыванием абсолютного духа, а также у Клаузевица (война – продолжение политики иными средствами). Последнюю позицию разделяет марксизм, рассматривающий войны как специфические явления на пути исторического развития общества, выражавшие природу классово-антагонистического строя [7, с. 211]. Предложенный социальной философией марксизма конкретно-исторический подход позволил создать типологию войн, а методология исследования причинности социальных явлений через взаимодействие объективного и субъективного факторов является продуктивной и в наше время. Война как социальный процесс имеет объективный характер, а если это уже завершившийся процесс, то к нему применимо исследование через его условия, источники и движущие силы, характер, пространственно-временные характеристики и другие свойства. Но и сами понятия источника и движущих сил, составляя объективную и субъективную стороны процесса, несут в себе изменение и становление. Война предстает и как событие, и как со-бытие, как изменение социального бытия, а не как свершившийся неизменный факт. Именно поэтому мы переосмысливаем войны как часть не только нашего исторического прошлого, но и настоящего, способного влиять на будущее.

Отношение к войне как к деятельности также восходит к античности. У Платона война есть искусная деятельность, к которой нужно готовиться

[9, с. 136; 185] и направленная на справедливость [8, с. 227–228]. Для Аристотеля вся человеческая жизнь распадается на занятия и досуг, деятельность (занятия) направлена как на необходимое и полезное, так и на прекрасное. Война существует ради мира [2, 1333a30]. Военные упражнения граждан нужны для того, чтобы граждане не попали в рабство, достигали гегемонии для пользы подвластных и господствовали над теми, кто достоин быть рабом [2, 1334a]. Таким образом, война рассматривается как целенаправленная, искусная и полезная человеческая деятельность. Характеристику войны как особого рода искусства, хитрой и даже обманной деятельности можно отметить у Сунь-Цзы. Положение Гоббса о «войне всех против всех» особенно подходит для характеристики информационной войны, учитывая характерную для нее полисубъектность и неопределенность.

Для рассмотрения информационной войны как процесса необходимо использовать категории системы, условия, источника, движущей силы. Представляется возможным рассматривать информационную войну как процесс, осуществляющийся в динамической системе, на стыке виртуальной и социальной реальности. При ведении информационной войны, как и любой войны, ставятся конечные политические, экономические, идеологические цели, отвечающие объективным интересам различных социальных субъектов. Осуществляясь в информационном пространстве посредством изменения и интерпретации информационных данных, она влияет на массовое и индивидуальное сознание. Изменения в сознании и поведении становятся решающим средством, движущей силой для достижения целей.

Информационная война стала частью нашей повседневной жизни в последние десятилетия. Но будет вполне оправданным отнести начало этого процесса к появлению письменных источников как носителей информации, что явилось важнейшим условием для создания образов врагов, мифологизации отдельных исторических событий, народов и лиц. С появлением же массовых средств информации, используемых как средства пропаганды, можно говорить об ускорении, активизации информационных и дезинформационных действий, расширении их масштаба. В широком смысле информационную войну можно рассматривать как процесс создания, передачи, распространения и навязывания информационного продукта, способного повлиять на сознание, предпочтения и даже поведение человека как прямого объекта воздействия. Не менее важной составляющей является хранение, кодирование секретной информации, если ее утечка является важным средством давления на противоположную сторону, ослабления ее позиций в информационной войне. Но и простое хранение даже старых данных о событиях, действиях или намерениях людей позволяет при необходимости выдать их в качестве новых или иначе интерпретировать [см.: 5, с. 17].

Это истолкование информационной войны позволяет выделить определенные измеряемые физические характеристики (время, скорость, интенсивность, пространство, объем информации). К количественной стороне информационной войны как процесса можно отнести также её направленность. Даже поверхностное исследование деятельности средств массовой информации

позволяет дифференцировать различные направленные потоки, рассчитанные на целевую аудиторию (молодежь, этнические, религиозные группы). Часть же транслируемой информации может носить широкий, ненаправленный или даже разнонаправленный характер (если учитывать горизонтальные и вертикальные параметры). Так, Интернет представляет собой большей частью горизонтальную сеть, в которой возможны и иерархические уровни. СМИ, напротив, предлагает нисходящие к аудитории потоки информации, которую зритель-слушатель может воспринимать, осмысливать, переживать или не соглашаться.

Информационная война изначально имела локальный и прерываемый характер, что было связано с ее служебным, пропагандистским значением по отношению к предполагаемым или реальным военным действиям. В современных условиях этот процесс стал непрерывным и регулярным, содержащим как латентные, так и активные эпизоды, что выглядит на внешнем уровне как изменение динамики. Поводом для начала активных атак или их прекращения может послужить любое действие, событие, высказывание, имеющее политический, идеологический или экономический характер и затрагивающее действительные или мнимые интересы участвующих сторон. Можно считать, что информационной войне свойственен элемент случайности и, в некоторой степени, непредсказуемости.

С другой стороны, информационная война является технологическим процессом, который идет по разработанному плану, имеет фазы и этапы, представляет собой некоторый цикл. Технологический процесс обычно управляем – полностью или частично, автоматически или в «ручном режиме». Поскольку в ходе информационной войны осуществляется манипулирование сознанием или поведением человека, то разработка и исследование механизма и технологии информационного воздействия, связанного с использованием собственно технических средств и психологических методов, ведется в последние годы очень активно. Но сами технологии как способы ведения войны должны быть отнесены к деятельности.

Качественная сторона информационной войны связана с содержанием и смыслом передаваемой информации, что предполагает рассмотрение человека не только как информационного объекта, но и как понимающего и оценивающего субъекта, мышление которого имеет минимальную свободу оценки и способности к рациональной критике, но должно быть восприимчивым к навязываемым устойчивым стереотипам.

По утверждению И. Ю. Алексеевой и Е. Н. Шклярник, человек как информационный объект характеризуется нелинейностью, незамкнутостью, а сами границы информационного субъекта и объекта не определены. Информационная война является глобальным и не всегда управляемым коммуникационным процессом. Особенно это характерно для интернет-пространства, где постоянно меняются пространственно-временные, содержательные и целевые границы коммуникации [1, с. 72]. В таком смысле информационная война – уже не просто процесс передачи данных. Она представляет собой развертывающийся незавершенный текст, где можно

выделить определенные устойчивые символы, идеологические коннотации и особый хронотоп.

Как замечает Л. К. Салиева, «совокупность отобранных сообщений в любом выпуске любого СМИ представляет собой коллажный текст. Такой составленный из синхронных событий текст создает единый смысловой образ мира. Образ мира формируется в результате того, что каждый орган массовой информации отбирает и модифицирует (в форме и в нефактологическом содержании) сообщения о событиях по-своему» [10, с. 11]. Привычными, даже стандартными являются сейчас такие образы-символы как «слеза ребенка», «территория (страна) зла», «хакер» (вор-разбойник, крадущий не только собственность, но и информацию). Но конкретная географическая привязка территории зла постоянно меняется, образ одного и того же страдающего ребенка многократно повторяется на разных каналах, хакера можно персонифицировать или представить в виде нечеткого множества. Новые образы-символы (как, например, «русский мир») несут положительную или отрицательную коннотацию, что связано не только с характером источника, но и с установкой воспринимающего субъекта. Также создаются новые ассоциативные связи – например, спорт и допинг.

Л. К. Салиева отмечает способность одного и того же текста (в частности, массовой информации) выступать в качестве разного типа высказываний для разных аудиторий. Для профессионалов и журналистов массовая информация – нарратив, в котором они разделяют содержание и его трактовку – то, о чем повествуется – и цель, ради которой информация передается-повествуется. Для обывателя, не знающего приемов создания массовой информации, ее содержание мифологично, образ здесь совпадает с реальностью, он и есть реальность [10, с. 7]. Сюжет, заложенный в информации, может не совпадать с действительным событием или полностью отличаться от него, но в этом и задача информационной войны – дезинформировать, выдать за истину ложь, при этом охватив максимально возможную аудиторию как в своем государстве, так и в государствах-союзниках или соперниках. При этом использование компьютерных технологий позволяет многократно передавать и умножать информацию, создавая многослойные коммуникационные связи. Взаимодействие и общение людей происходит с целью обмена и мыслями, и эмоциями, при недостатке одного всегда будет избыток другого, при этом истинность или ложность повода-события вторична. Поэтому информационная война как коммуникационный процесс бесконечна, не может завершиться победой любой из взаимодействующих сторон, если только не прекратить внешними мерами возможность всякого общения. Но и в широком смысле, как процесс создания и передачи информации, информационная война непрерывна во времени.

Что же представляет собой информационная война как деятельность? Предполагается возможным рассматривать ее как технологию и как игру. Любой подход позволяет рассматривать информационную войну достаточно конкретно – с позиции субъекта деятельности, ее средств и результатов.

В качестве технологии в целом информационная война представляет собой способы и методы преобразования информации, а также сознания и поведения человека, в том числе ценностного сознания [3], основанные на техническом и психологическом знании. Успешность любой технологии зависит от единства объективных и субъективных факторов. Объективная сторона информационной войны как технологии связана с наличием техники (в данном случае речь идет о развитии систем связи, компьютеров и наличии Интернета). Субъективная сторона связана с наличием у населения определенной технической культуры, компьютерной грамотности, навыков виртуального общения, что делает молодежь, с ее увлечением гаджетами и недостаточной критичностью, особенно уязвимой к информационному воздействию. К субъективным факторам следует отнести мотивы, интересы, настроения, которые являются одновременно условием результативности информационной войны и ее объектом. Информационная война как технология шире, чем совокупность отдельных технологий информационных войн. Она представляет собой многоуровневую систему, состоящую из знаний, целей, методов, практических действий и отдельных операций, то есть выступает как искусная деятельность. Это тот широкий фронт, которому сложно противостоять. Отдельные технологии могут быть сопоставимы с конкретными методиками воздействий на целевую аудиторию.

Технологии ведения информационных войн направлены, прежде всего, на массовое сознание и имеют, главным образом, психологический характер. Так, Е. Г. Зорина выделяет меметическое воздействие (посредством демотиваторов, комиксов), политический нейминг (двусмысленное наименование партий, движений, лиц), таргетинг (вбрасывание определенных новостей на первый план в новостных лентах социальных сетей), создание киберсимулякров (виртуальных личностей с их «мнением») и вирусный маркетинг [4, с. 79–80]. Как видим, они неравнозначны. Мем привлекает ироничностью, нейминг – контекстуальностью, что дает возможность объединения людей посредством понимания смыслов. С роботами и вирусными роликами можно справиться, используя компьютерные программы.

А. Кугушева отмечает технологию воздействия на поведение людей с целью выработки автоматических реакций и стереотипов, так называемый супернадж [6, с. 20], что отсылает нас к бихевиористской методологии. Но создание заведомо стандартных ситуаций, где не нужно мыслить, а можно реагировать практически рефлексивно, в постоянно меняющейся сложной социальной реальности представляется трудно выполнимой задачей.

Данные технологии выступают как средства, используемые различными политическими и социальными субъектами в процессе их взаимодействия ради продолжения самой информационной войны, а не ее окончания. Информационная война как цель в себе не зависит от успешности сменяющихся технологий.

Представление информационной войны как игры позволяет особо отметить спонтанность и неожиданность ее элементов, театральность, определенный азарт ее участников. Ход и результат игры, даже если

соблюдается сценарий, не всегда легко прогнозировать. Конечно, информационная война может принести практическую пользу, игра же обычно рассматривается как свободная от утилитарного значения. Но информационная война, как игра, строит свою иллюзорную реальность, причем враждующие стороны прекрасно понимают различие между миром реальных и выдуманных событий, сомнительным представляется добросовестное заблуждение или наивная вера в свои утверждения. Вполне вероятно, что хитрая уловка, обманное действие или суждение доставляют удовольствие тому, кто их использует. И в этом информационная война схожа с игрой.

В. П. Крутоус и А. В. Явецкий, сравнивая позиции Г.-Г. Гадамера и Ю. М. Лотмана по поводу двойственности игры, отмечают участие в ней разума, отвечающего за соблюдение правил, ритмичность, самоупорядочивание, структурность. В результате создается новая реальность через преобразование. Сущность игровой деятельности предполагает сосуществование условного и обыденного отношений к действительности, создаваемой в игре. Осознание «как будто» не меняет отношения к ситуации как реальной, причем допускается множество истолкований и значений элементов. Игра выступает как аналог действительности, познавательная модель, где элементы могут выходить за свои пределы [5, с. 158–159]. Представляет интерес сделанный авторами анализ игры как структуры. Повторяемость, то есть возможность еще раз воспроизвести структуру игры и переиграть неудавшийся ход, может быть применена к информационной войне, где однотипные сюжеты годятся для многократного использования несмотря на абсурдность содержания, и где сама целостность сюжета предполагает конкретный набор частей-элементов в их определенной последовательности. Информационная война выступает как ритуал и как проверка – испытание соперника. Вариативность как совершение движений или восприятие игры с некоторой долей свободы допускает в информационной войне не просто качественное разнообразие интерпретаций, а также разный уровень их интенсивности (от жестких обвинений до намеков, от открытой вражды до имитации нейтральности). Сопричастность превращает зрителя в участника, в «достраивателя» смыслов, а игру – в явление собственной истины. Информационная война как зрелище не может существовать без зрителя, воспринимающего навязываемые ценности и оценки и убеждающегося в результате манипуляций и уловок в реальности сообщаемого события-явления. Так, компьютерная игра, созданная на якобы исторический сюжет, запоминается лучше, чем факты, изложенные в солидном научном труде. А псевдодокументальный агитационный фильм о внешней угрозе заставляет обывателя задуматься об укрытии и обороне.

Выделенные свойства игры указывают на то, что она как деятельность субъектов различного уровня, выступая в многообразных феноменах общества и культуры, не может быть прекращена или завершена, в том числе победой или поражением одного из участников, хотя отдельные участники могут добавляться или исключаться из этого действия. Информационная война как один из феноменов современного общества, как своеобразная форма

проявления активности человека, как реальность, может изменяться, но не может перестать быть.

Итак, процесс реализуется в деятельности, а деятельность оказывается процессом. Информационная война предстает как их противоречивое единство, где внешней стороной оказывается процессуальность, непрерывность в пространственных и временных формах, а внутренней, содержательной стороной является человеческая деятельность в ее различных феноменах. Информационная война становится атрибутом информационного общества, динамичным взаимодействием его участников, где победа или проигрыш носят лишь временный, но не окончательный характер.

Список литературы

1. Алексеева И. Ю., Шкляр Е. Н. Что такое компьютерная этика? // Вопросы философии. – 2007. – № 9. – С. 60–72.
2. Аристотель. Политика // Сочинения: в 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль. 1983. – 830 с.
3. Бурова М. Л. Информационные войны: аксиологический аспект // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 4(6). – С. 31–39.
4. Зорина Е. Г. Технологии подрыва легитимности государственной власти, используемые в интернет-пространстве // Информационные войны. – 2016. – № 1. – С. 78–80.
5. Крутоус В. П., Явецкий А. В. Введение к статье Г.-Г. Гадамера «Игра искусства» // Вопросы философии. – 2006. – № 8. – С. 155–163.
6. Кугушева А. От информационных войн к поведенческим // Информационные войны. – 2016. – № 1(37). – С. 11–22.
7. Материалистическая диалектика. Т 4. – М.: Мысль, 1984. – 320 с.
8. Платон. Алкивиад 1 / Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 860 с.
9. Платон. Государство / Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
10. Салиева Л. К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://istina.msu.ru/media/publications/article/076/cf6/2967914/_doc_1.pdf (дата обращения: 15.03.2017).

References

1. Alekseeva I. Yu., Sklarek E. N. What is Computer Ethics? [Chto takoe kompyuternaya etika?]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2007, № 9, pp. 60–72.
2. Aristotle. Politics [Politika]. *Sochineniya: v 4 t. T. 4* (Works: In 4 vol. Vol. 4). Moscow, Mysl, 1983, 830 p.
3. Burova M. L. Information Warfare: The Axiological Aspect [Informacionnye voyny: aksiologicheskiy aspekt]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informacionnom*

obschestve (Philosophy and Humanities in the Information Society), 2014, № 4(6), pp. 31–39.

4. Zorina E. G. The Online Technologies of Undermine Legitimacy of the Government. [Tekhnologii podryva legitimnosti gosudarstvennoy vlasti, ispolzuemye v internet-prostranstve] *Informatsionnye voyny* (Information Warfares), 2016, № 1 (37), pp. 78–80.

5. Kratos V. P., Jaweck A. V. Introduction to H.-G. Gadamer's Article "The Art Game". [Vvedenie k state G.-G. Gadamera "Igra iskusstva"]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2006, № 8, pp. 155–163.

6. Kugusheva A. From the Information Wars to Behavioral. [Ot informacionnyh voyn k povedencheskim]. *Informatsionnye voyny* (Information Warfares), 2016, № 1 (37), pp. 11–22.

7. The Materialist Dialectic. Vol. 4 [*Materialisticheskaya dialektika. T. 4*]. Moscow, Mysl, 1984, 320 p.

8. Plato. 1 Alcibiades [Alkiviad 1]. *Sobranie sochineniy v 4 t. T. 1* (Collected Works: in 4 vol. Vol. 1). Moscow, Mysl, 1990, 860 p.

9. Plato. Government [Gosudarstvo]. *Sobranie sochineniy v 4 t. T. 3* (Collected works: in 4 vol. Vol. 3). Moscow, Mysl, 1994, 654 p.

10. Salieva L. K. Narrative Analysis. History and the Present. Areas of Application. [*Narrativnyy analiz. Istoriya i sovremennost. Sfery prilozheniya*]. Available at: https://istina.msu.ru/media/publications/article/076/cf6/2967914/_doc_1.pdf (accessed 15 March 2017).

УДК 316.73

Особенности коммуникации в эпоху новых информационных технологий*

Печенина Ольга Викторовна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)», кафедра философии, кандидат философских наук, старший преподаватель, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: navsikaya77@yandex.ru

190013, Россия, Санкт-Петербург, Московский проспект, дом 26,
тел.: 8(953)367-88-85.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В настоящее время философы, социологи, культурологи и футурологи обращают все больше внимания на противоречивые процессы, происходящие в обществе под влиянием развития информационных технологий. На наших глазах письменная культура трансформируется в культуру масс-медиа, где в качестве средств коммуникации выступают не письменные знаки, наделенные внутренним значением, подлежащим расшифровке, а сложное переплетение образов и звуков, действующих в обход сознания и оперирующих бессознательными желаниями человека. При этом оценки происходящих культурных изменений и прогнозы на будущее неоднозначны.

Результаты: Средства массовой коммуникации в настоящее время понимаются не просто как технологические способы передачи информации, но проявляют себя как новая реальность человеческого опыта. В качестве средств коммуникации могут выступать дороги, жилище, реклама и т. д. Они реорганизуют способ мировосприятия и образ жизни. Сегодня ведущими медиа вместо слов и понятий становятся образы и звуки. Аудиовизуальные символы, которые использует современная культура, не осмысливаются нами подобно абстрактным понятиям печатной культуры. Они определяют наши реакции непосредственно. «Гиперреальность» образов замещает реальность человеческого опыта. И если ранние исследования (М. Маклюэн) оптимистично рассматривали новые медиа, то более поздние (Ж. Бодрийяр) вообще не склонны трактовать медиа коммуникацию как коммуникацию, поскольку масс-медиа запрещает ответ и превращает человека в потребителя.

Область применения результатов: Осмысление коммуникации как способа бытия человека и общества может способствовать решению ряда антропологических и социокультурных проблем. Новые электронные медиа нуждаются в детальном анализе, поскольку их развитие влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия. В отдельном анализе нуждается проблема соотношения письма и голоса в современной культуре.

* © О. В. Печенина, 2017.

Выводы: Культурные и антропологические последствия аудиовизуальной коммуникации пока трудно оценить, ведь мы находимся еще в точке перехода книжной культуры в культуру электронных медиа, когда они все сосуществуют. Наряду с оптимистичным взглядом на динамику форм коммуникации всё большее распространение получают тревожные опасения, касающиеся искажения коммуникации под влиянием новых медиа, уничтожения смысла межличностных отношений и утраты социального как такового.

Ключевые слова: информационные технологии; информационное общество; массовая коммуникация; массовая культура; средства массовой коммуникации; гиперреальность.

Communication Features in the Era of New Information Technologies

Pechenina Olga Viktorovna – St. Petersburg State Technological Institute (Technical University), Philosophy Department, Ph. D. (Philosophy), Assistant Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: navsikaya77@yandex.ru

26, Moskovsky Prospect, Saint Petersburg, 190013, Russia,

tel: 8 (953) 367-88-85.

Abstract

Background: Currently, philosophers, sociologists, culturologists and futurists are paying particular attention to the contradictory processes taking place in society under the influence of the development of information technologies. We are witnessing that printed culture is turning into media culture, where the means of communication are not written signs endowed with internal meaning to be deciphered, but a complex interaction of images and sounds influencing unconsciousness and regulating unconscious desires of people. However, evaluations of cultural changes and forecasts for the future are ambiguous.

Results: Mass communication is not simply as a technological means of transmitting information, but it manifests itself as a new reality of human experience. Roads, housing, advertising, etc. can be means of communication. They reorganize the way of worldview and lifestyle. Today, the leading media use images and sounds instead of words and concepts. We do not comprehend audio-visual symbols, which modern culture uses, as abstract concepts in printed culture. They determine our reactions directly. "Hyper-reality" of images replaces the reality of human experience. If early studies (Marshall McLuhan) optimistically consider new media, the later ones (Jean Baudrillard) do not tend to regard media communication as communication at all, since mass media prohibit the response and turns a person into a consumer.

Research implications: Understanding communication as a way of man and society being can contribute to the solution of a number of anthropological and socio-cultural problems. New electronic media need a detailed analysis, since their

development results in both positive and negative consequences. The correlation between letters and voice in modern culture has to be studied in particular.

Conclusion: The cultural and anthropological consequences of audiovisual communication are difficult to assess today, because we are just at the point of transition from the printed culture to the culture of electronic media, when they all coexist. Along with an optimistic viewpoint on the dynamics of communication forms, strong fears, concerning the distortion of communication under the influence of new media, the destruction of interpersonal relations and the loss of sociality as such are becoming more widespread.

Keywords: information technologies; information society; mass communication; mass culture; mass media; hyper-reality.

Во второй половине прошлого столетия в развитых странах мира под влиянием научно-технического прогресса начинаются процессы интенсивного преобразования структуры социальных коммуникаций. Новые средства коммуникации обеспечивают новый уровень взаимодействия субъектов, что приводит к формированию нового типа культуры – информационной культуры или медиакультуры. Термин *медиа* происходит от латинских *medium* (средство, посредник), *media* (средства, посредники) и введен для обозначения массовой культуры (*mass media*), включающей в себя средства массовой коммуникации и средства массовой информации.

Информационные технологии в такой социальной организации пронизывают все сферы деятельности, начиная от доминантных (политическая и экономическая системы) и заканчивая опытом повседневной жизни. Отличительной чертой информационного общества является сетевая логика его структуры. Именно с использованием информационных сетей началось массовое распространение информации, что явилось технической основой для развития телекоммуникаций, образующих современную медиасреду. И если в узком смысле телекоммуникациями принято считать технологические способы передачи информации на большие расстояния для обеспечения дистанционной связи (радио, телевидение, телефон, факс, интернет и т. п.), в более широком смысле они стали пониматься как среда коммуникации между людьми, отнюдь не сводящаяся к простой передаче информации, но проявляющая себя как новая реальность человеческого опыта.

К осмыслению этого нового типа реальности, конструируемого современными технологиями, одним из первых обратился канадский философ и культуролог, социолог и литературовед Герберт Маршалл Маклюэн. В 1960-х годах он предложил концепцию, согласно которой причиной эволюции общества и формообразующей силой любой культуры являются технологии, прежде всего – коммуникативные технологии. Именно смена технологий обуславливает смену коммуникаций, а те, в свою очередь, приводят к изменениям в основаниях и структуре общества.

При этом под средствами коммуникации (*media*) Маклюэн понимает разнообразные вещи, предметы, орудия, явления (одежду, транспортные

средства, денежные знаки, дороги, жилище, электричество, рекламу и т. п.), то есть технологии, введение которых вносит изменения в коммуникацию человека с миром и реорганизует способ мировосприятия и образа жизни людей.

Различие основных типов технологий и соответствующих им типов коммуникаций определяют, по Маклюэну, и тип общества. Ученый выделил три типа общества, которые соответствуют трем основным этапам развития цивилизации: первый этап – первобытная дописьменная культура, в которой жизнь общества детерминирована устными средствами коммуникации; второй – письменно-печатная культура, которая получила своё развитие под влиянием открытия сначала письма, а потом и печатного станка; наконец, третий этап развития общества – электронная, или аудиовизуальная современная культура, сформировавшаяся под влиянием новых электронных технологий коммуникации.

Устная коммуникация

В историческом отношении это самая первая и существующая наиболее длительное время форма коммуникации, основанная на принципах коллективного образа жизни, восприятия и понимания окружающего мира. Первоначальное значение языка состоит не в том, чтобы передавать информацию о мире, а в том, чтобы формировать коллективное тело коммуницирующих. Устная речь, исконным образом связанная с музыкальностью, пением, ритмикой и мелодичностью, исключала индивидуализм и замкнутость частной жизни. Одновременная вовлеченность говорящего и слушающего, одновременное задействование многих медиа восприятия (слуха, зрения, тактильной чувствительности и даже вкуса – в случае совместного принятия пищи), использование тембра голоса, акустически нагруженных жестикulyций и пауз, поочередность в высказываниях – вот основные отличительные моменты устной коммуникации. Именно это общее переживание структурного развертывания разговора и опосредует говорящим и слушающим то впечатление, что они переживают одно и то же. Согласие по поводу обсуждаемого достигается как единодушие, сопричастие и соучастие, а не познание и обоснование.

Хронотоп устной речи втягивает в коммуникацию помимо рационального контроля. Присутствующий уже участвует в разговоре, даже если ничего не говорит. В этом случае дело заключается не столько в информировании, сколько в поддержании коммуникации как таковой. Получается, что избежать коммуникации в этом случае можно лишь простейшим образом – через отсутствие. Голос противодействует повторной распознаваемости смысла, он может звучать и быть услышанным лишь в момент говорения. Смысл является абсолютным в момент его произнесения и восприятия. Поэтому можно говорить о том, что голос обладает собственной магией – он не сводится только лишь к сообщению, но оказывается средством воздействия и трансформации Другого.

Итак, человек – существо говорящее, и его способность к речи следует считать врожденной. Б. В. Марков отмечает, что способность к речи у людей есть нечто автономное. «Человеку нравится говорить, посредством речи он приводит себя в состояние экстаза, что означает открытость миру» [6, с. 286]. Истоки речи в онтогенетическом плане трудно объяснить понятийным слоем культуры, ведь сначала ребенок лепечет, говорит, и только потом взрослые приносят в этот акустический процесс значения, что обеспечивает понимание собственной речи. Наша способность к языку не исчерпывается соблюдением логики и грамматики, а предполагает чувствительность к тончайшим оттенкам смысла, ориентацию в звуках и мелодике родной речи. Таким образом, речь изначально – это форма близкого интимного взаимодействия, которое хранит теплое общение матери и ребенка. Лишь позже, в ходе развития культуры формируется понятийная речь, для которой важны уже не тональность, а понятия и значения слов.

Письменная коммуникация

По мере развития цивилизации всё большее значение приобретает письменная форма коммуникации, функционирующая по принципиально иным законам, чем устная речь. Изначально письмо не преследовало коммуникативных задач и служило сакральным целям служения богам и гаданию. Со времени изобретения алфавитного письма (2 тыс. до н. э.) получает свое развитие коммуникативное использование письменности, прежде всего в форме писем (которые, однако, прилагались к устным посланиям в качестве памяток) и текстов, непосредственно обращенных к читателю для передачи ему того или иного сообщения. Конечно же, не следует думать, что появление письменности как нового медиа распространения незамедлительно обусловило преобразование устного характера всех важнейших для общества сфер коммуникации. Она по-прежнему понимается как устная, на раскрытие же возможностей письма даже после введения алфавита уйдут целые столетия. Лишь после величайшего открытия печатного станка И. Гуттенбергом¹ можно говорить о новом этапе в западной культуре, на котором произошла глубочайшая трансформация человеческого мировоззрения: формирование культа индивидуализма, национальных государств и рыночного общества.

Как система, способная воспроизвести все возможные звуковые различия, письменность переводит язык из акустического медиума в оптический. Благодаря выражению единства некоего различия, письменность обеспечивает новые операции письма и чтения, где различают уже не звук и смысл, но сочетание букв и смысл. Устная речь с трудом дифференцирует звук и смысл, имя и вещь, субъект и объект, причину и следствие, поэтому является отголоском первобытно-мифологического мировоззрения и обладает магическими свойствами «заговора». «Из этого волшебного озвученного мира одновременно существующих отношений – словесно-акустического

¹ Ксилография как способ печатания книг с помощью деревянных досок была известна с IX в Китае и Тибете, но была достаточно трудоемкой. Гуттенберг стал гравировать не всю страницу целиком, а отдельные буквы и с помощью подвижных литер создавать оттиски на бумаге.

пространства – есть только один путь к свободе и независимости человека и проложен он фонетическим алфавитом, который в то же самое время превращает индивидов в раздвоенных шизофреников», – пишет М. Маклюэн [4, с. 55]. Фонетический алфавит провоцирует разрыв между глазом и ухом, семантическим значением и визуальным кодом. Лишь фонетическое письмо способно перенести человека из племенной жизни в цивилизацию, открыть для него возможность не только слышать, но и видеть.

Но любое чувство, достигая наивысшей степени интенсивности, по мнению Маклюэна, меняет общее соотношение чувств и оказывает анестезирующее воздействие на другие чувства. Так, принципы визуальной унифицируемости и воспроизводимости постепенно распространились на различные виды человеческой деятельности. Общество оказалось под «гипнозом» визуальности, что породило острое чувство прерывистости опыта и самоотчуждения.

С возникновением письменности социальная значимость физического присутствия в коммуникации уменьшается. Она увеличивает круг адресатов, но одновременно сжимает круг того, о чем может говориться информативно (т. е. требует сообщать нечто новое). Таким образом, в использовании письменности общество отказывается от временной и интеракционной гарантии единства коммуникации, от соучастия в непосредственный момент говорения. Сообщение и понимание разделяются временной дистанцией.

В письменной речи происходит замена чередования ролей говорения-слушания на соответствующие роли писания-чтения, которые, как полагает Н. Луман, оказываются несоциальными активностями: «И письмом, и чтением люди неизбежно занимаются в одиночку – если же при этом присутствуют другие, наблюдающие, то слишком пристальное наблюдение выказывает себя как бесполезное, нескромное и подозрительное» [3, с. 97]. Социальной остается лишь сама коммуникация. Если до открытия Гуттенберга чтение рукописных текстов все еще подразумевало размеренное чтение вслух и подкреплялось задействованием акустического медиума, то распространение книгопечатания и методик быстрого чтения окончательно усугубили разрыв между ухом и глазом, а также явились основанием индивидуализма и общественного самовыражения.

Будучи «горячим» средством коммуникации, печать ворвалась в мир, тысячелетиями имевший дело со средствами «холодными»² и способствовала началу эпохи потребления, ибо печатный текст не только представлял собой товар и средство потребления, но и научил людей организовывать все остальные виды собственной деятельности на основе принципа систематической линейности. Книгопечатание впервые позволило людям *увидеть* их родной язык, визуализировать социальное единство, границы

² Различение «горячих» и «холодных» средств коммуникации принадлежит М. Маклюэну. «Горячие» средства коммуникации продолжают только одно чувство и перенасыщены информацией, выражают авторскую точку зрения и не способны быть безличными и абстрактными (печать, радио, лекция). «Холодные», напротив, анонимны без четко выраженной позиции, они требуют соучастия и провоцируют фантазию (телевидение, интернет, семинар).

которого совпадали с границами национального языка, что привело к ощущению силы национализма.

До XVI века – эпохи, когда в Европе возникла современная система государств – национализма просто не существовало. Европейские нации XVI столетия больше напоминали маленькие империи, чем большие племена, а преданность народа своим суверенам получила название национализм. Жесточайшие религиозные войны XVI–XVII веков, революции XIX–XX столетий – все это явилось следствием консолидации национальных языков и применения мощной силы в области коммуникаций и средств связи. Таким образом, развитие книгопечатания способствовало установлению тесной взаимосвязи между овеществлением и артикуляцией частного внутреннего опыта, с одной стороны, и концентрацией коллективного национального сознания – с другой. Поэтому национализм нетождествен старым структурам общности на основе устной речи, он всегда уже рискует вызвать протест отдельных индивидов против централизованного контроля и управления, подорвать себя изнутри.

Аудиовизуальная коммуникация

В целом Маклюэн достаточно оптимистично смотрел на наступление новой эпохи электронных медиа. Он полагал, что, если письменная культура отражает процессы детрайбализации³ общества (выхода из племенного состояния), то современная культура, пришедшая ей на смену, напротив, знаменует повторное возвращение в племенное состояние, ретрайбализацию. Племенное состояние рассматривается при этом как некое исторически исходное состояние человечества.

Закат «галактики Гуттенберга» с присущими ей линейностью и человеческой отчужденностью был связан с появлением электрических средств массовой коммуникации (телеграфа, телефона, радио и телевидения), превративших мир в одну большую «глобальную деревню», где все, что происходит, сразу становится известно всем ее жителям, а любое новое событие сопряжено с другими. Сегодня каждый ребенок, живущий на западе, воспитывается в магическом, периодически повторяющемся мире устного слова, поскольку постоянно слышит рекламу по радио и телевидению, смотрит одни и те же программы в одно и то же время. Из визуально-ориентированного мира причинно-следственных отношений мы вновь попадаем в волшебный мир мифа.

Если печать выделяет из всей совокупности чувств зрение, уводя на задний план аудиотактильную сложность чувственного опыта и приводя к разобщению чувств, то в наши дни под воздействием электронных технологий совершается обратный процесс, направленный на восстановление интеграции чувств и выводящий на первый план слуховой канал коммуникации.

³ В работах Маклюэна используется несколько соотносимых категорий, производных от слова «племя» (tribe): «трайбализм», «детрайбализация», «ретрайбализация».

Думается, что значение зрения было основополагающим для письменной культуры, тогда как значение слуха было ею недооценено. Сегодня, в эпоху аудиовизуальных медиа, слух и способность слышать вновь требуют обратить на себя самое пристальное внимание. «Со времен греков теория – это видение, усмотрение сути дела, а знание – его идея или образ. Можно сделать вывод о том, что ухо – это орган лингвистический или прагматический и коммуникативный, а глаз – семантический или когнитивный» [7, с. 265]. Слух обеспечивает нам связь с другими, а зрение ее разрушает и уводит нас внутрь себя.

Звуки, а также некоторые визуальные символы и образы не осмысляются нами семиотически подобно абстрактным понятиям печатной культуры. Они определяют наши реакции непосредственно. Коммуникативная революция, свидетелями которой мы сегодня становимся, сопровождается сменой носителей сообщения. Ведущими медиа вместо слов и понятий становятся образы и звуки. Если письменность оперирует искусственными знаками, не имеющими самостоятельного воздействия, и являющимися как бы заместителями реальных предметов или носителями идеальных значений, то знаки, которые поставляет новая аудиовизуальная медиа система, не отсылают к какой-либо «истине», которая позволила бы проверить сообщение на достоверность, а сами становятся самоценной реальностью, замыкаются на самих себя. «Изображение вещей или политиков в рекламных роликах воздействуют по-иному, чем интеллектуальные знаки. Зритель видит красивую вещь или внушающее доверие лицо политика, слышит бархатный завораживающий голос, попадает под воздействие завораживающего взгляда. Это принципиально иные знаки, способ воздействия которых на поведение не предполагает рефлексии» [6, с. 298]. Имитация, иллюзия реальности, создающая «гиперреальность» образов, играет в повседневности человека большую роль, чем сама реальность, и заменяет ее.

На это указывал Ж. Бодрийяр, утверждая, что «гиперреальность» – это сфера симуляции, где происходит смешение экранных образов и эпизодов реальности, действительного и телевизионного времени, интимной и публичной жизни, внешнего и внутреннего, подлинного социального бытия и воображаемого пространства. «Сегодня же вся бытовая, политическая, социальная, историческая, экономическая и т. п. реальность изначально включает в себя симулятивный аспект гиперреализма: мы повсюду уже живем в «эстетической» галлюцинации реальности» [2, с. 152]. В этой гипертрофированной реальности иллюзии существенно превосходят саму жизнь. Реальности больше нет, есть подобие реальности, игра в нее, пространство симуляции, сфера всемогущих знаков и образов, где исчезает различие между действительным и воображаемым. На экранных изображениях буквально невозможно что-либо увидеть, и это неудивительно, ведь такие пустые образы предназначены не для рефлексии, а для бездумного потребления.

Бодрийяр вообще не считает современные масс медиа средствами коммуникации. В своей статье «Реквием по масс-медиа» он пишет:

«Характерной чертой масс-медиа является то, что они предстают в качестве антипроводника, что они нетранзитивны, что они антикоммуникативны» [1, с. 201] в том смысле, что механизмы их действия противоречат идее коммуникации как таковой. Истинный коммуникативный акт подразумевает некий обоюдный обмен, некое взаимодействие. Вся современная архитектура масс медиа навсегда запрещает ответ и превращает человека в совершенно инертного потребителя, отстраненного от процессов, происходящих в обществе, и не нуждающегося в настоящем диалоге. С точки зрения подобного подхода телевидение и кинематограф нужно рассматривать не как средства общения, а как преграды для истинной коммуникации. Французский философ утверждает, что радио, кино и телевидение вытеснили из социума живое, подвижное слово, которое может быть высказано и возвращено в качестве ответа. Только такое слово является единицей полноценного общения. Помещенное на экран, слово становится призрачным и пустым. Сейчас мы находимся в состоянии безответности, поэтому единственно возможную будущую революцию в этой области философ видит в восстановлении возможности ответа.

Несомненно, Бодрийяр находился под влиянием идей Маклюэна. В частности, он разделял знаменитый тезис «*medium is message*», который означает, что средство коммуникации само по себе есть сообщение. Часто содержание отвлекает нас от природы коммуникации, и мы не замечаем, что природа средства коммуникации является сообщением и вносит значительные изменения в социально-культурную среду. Новое средство коммуникации всегда несет новый тип информации. При этом каждое новое средство коммуникации использует предыдущее средство в качестве своего содержания. Так, содержанием письма является речь, содержанием печати – письменное слово, печать – содержанием телеграфа. Именно поэтому воздействие средства коммуникации оказывается чрезвычайно интенсивным. Кроме того, в теории Маклюэна средства коммуникации выступают непосредственными продолжениями человеческого тела, органов чувств и способностей. Будучи таковыми, они в конечном итоге отделяются от человека и обретают над ним власть.

Однако в целом отношение к медиакulturе у этих философов различно. Маклюэн указывает на главное достоинство электронных технологий – они восстанавливают органическую целостность мира и способствуют взаимодействию чувств, которые были разобщены визуальным кодом письма. Масс-медиа возвращают в коммуникацию звуки и образы, существенно расширяя горизонт общения и облегчая его ход. Это возрождает в нас мыслительные процессы, свойственные первобытным людям, ведь открытия в области электромагнетизма воссоздают «единое поле» человеческих отношений, так что теперь людской род существует в условиях глобальной деревни, где все знают обо всем. На смену разобщенного мира приходят новые мифологии, а на смену индивидуализма – новые коллективные формы взаимодействия и забвение книги. «Сегодня, – пишет Маклюэн, – “одновременное поле” электрических информационных структур скорее

воспроизводит или возрождает условия и потребность в диалоге и соучастии, нежели стремление к специализации или частной инициативе на всех уровнях социального опыта» [4, с. 251–252].

Однако в поздних работах «пророка из Торонто» оптимизм по поводу однозначной благотворности телевидения и компьютера для цивилизации все же утихает. Ученый не мог не предвидеть то, что уже так явственно видел Бодрийяр – как электронные СМИ, предназначенные для расширения кругозора потребителя, на самом деле невероятно сужают его, заваливая людей информационным мусором. Бодрийяр полагает, что тотализация коммуникации ведет, в конечном итоге, к ее исчезновению. И если средства коммуникации являются продолжениями человеческого тела, которые отделяются от него, то развитие технологической «инфраструктуры» тела сопровождается последовательной «ампутацией» человеческих способностей. Развитие электронных средств коммуникации интерпретируется в этом плане как финальная ампутация человеческого сознания, в результате которой способности человека выносятся за его пределы, приобретают собственную логику, которую навязывают самому человеку. Перед лицом отчужденной инфраструктуры технологий человек оказывается слабым и зависимым существом, которое, однако, спасает то, что оно не осознает, что с ним происходит. Компьютер, по мнению Бодрийяра, становится протезом для людей, теряющих способность мыслить, так же как очки и контактные линзы стали протезами для тех, кто теряет зрение.

Самые серьезные опасения вызывает также и то, что масс медиа превращаются в орудие манипуляции, анонимную форму власти, использующую эффекты гиперреальности и симуляции материнского голоса. Вместе с конкретными сведениями потребитель политической, рекламной, медицинской и другой информации получает сеть моральных и политических оппозиций, которые действуют на бессознательном уровне и формируют определенные установки восприятия и поведения даже у их создателей.

За последнее столетие новая электрическая галактика глубоко трансформировала галактику Гутенберга. Опыт подобного сосуществования технологий и форм сознания способен травмировать любого человека и любое общество. Последствия любой неосознанной нами силы представляют собой зло, особенно если эту силу мы создали сами. Поэтому мало только занять ту или иную ценностную позицию в отношении происходящих сегодня событий. Необходимо переосмыслить отношения человека и техники. Проблема, связанная с распространением виртуальных технологий, выходит за рамки специальных наук и становится гипотезой, требующей философско-антропологического обобщения.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 193–226.

2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Луман Н. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
4. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. – М.: Академический проект, 2005. – 496 с.
5. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2014. – 464 с.
6. Марков Б. В. Культура повседневности. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
7. Марков Б. В. Философская антропология. – СПб.: Питер, 2008. – 349 с.

References

1. Baudrillard J. Requiem for the Media [Rekviem po mass-media]. *Poetika i politika: Almanakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii RAN* (Poetics and Politics. Almanac of Russian-French Center Sociology and Philosophy Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences). Moscow, Institut eksperimentalnoy sotsiologii, St. Petersburg, Aleteyya, 1999, pp. 193–226.
2. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death [*Simvolicheskiy obmen i smert*]. Moscow, Dobrosvet, 2000, 387 p.
3. Luhmann N. Theory of Society [*Media kommunikatsii*]. Moscow, Logos, 2005, 280 p.
4. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man [*Galaktika Guttenberga: Stanovlenie cheloveka pechatayuschego*]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2005, 496 p.
5. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man [*Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*]. Moscow, Kuchkovo pole, 2014, 464 p.
6. Markov B. V. The Culture of Everyday Life [*Kultura povsednevnosti*]. St. Petersburg, Piter, 2008, 352 p.
7. Markov B. V. Philosophical Anthropology [*Filosofskaya antropologiya*]. St. Petersburg, Piter, 2008, 349 p.

ФИЛОСОФИЯ И ЭКОЛОГИЯ

УДК 008.2; 502.316; 502.335

Предостережение Всемирной метеорологической организации Парижской конференции по климату 2015*

Малкин Иосиф Гилевич – эксперт, руководитель информационно-аналитического отдела сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», Москва, Россия.

E-mail: brilliant_99@mail.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,
тел.: 8(812) 708-42-13.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В декабре 2015 года в Париже состоялась масштабная международная конференция по климату (КС–21). Конференция завершилась принятием нового международного многостороннего соглашения о противодействии изменению климата на период после 2020 года, которое придёт на смену Киотскому протоколу к Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

Накануне Парижской конференции Всемирная метеорологическая организация (ВМО) предоставила сторонам предварительные заявления ВМО о состоянии климата в 2015 году и в течение пятилетнего периода 2011–2015 годов для содействия успеху предстоящих сложных переговоров по климату.

Эти заявления наряду с 5-м докладом Межправительственной группы экспертов по изменению климата ООН (МГЭИК) должны были рассматриваться сторонами в качестве ключевой научно-информационной базовой основы предстоящего переговорного процесса в соответствии с поставленными ООН глобальными целями по решению проблем изменения климата.

Учитывая особую важность и актуальность Парижской конференции по климату 2015, следует провести всестороннее междисциплинарное объективное научное исследование итогов КС–21 в свете определения эффективных путей обеспечения и достижения обязательств и намеченных целей Парижского соглашения по климату.

Результаты: Проведённый информационно-аналитический обзор предварительных заявлений о состоянии климата в 2015 году и пятилетнего периода 2011–2015 годов, представленных ВМО участникам Парижской конференции по климату 2015, наглядно демонстрирует и подтверждает важность изложенных в отчётах фактов и тревожных выводов о состоянии

* © И. Г. Малкин, 2017.

глобального климата. К данной работе были привлечены специальные, относящиеся к рассмотрению данной проблемы, материалы ООН, НАСА и др.

Эти заявления ВМО убедительно свидетельствуют о произошедших под влиянием антропогенной деятельности серьёзных и угрожающих нарушениях в климатической системе Земли и о необходимости скорейшей реализации целей Парижского соглашения по климату 2015.

Согласно данным Всемирной метеорологической организации, глобальное изменение климата, обусловленное человеческой деятельностью, вызывает рост концентрации парниковых газов в атмосфере и сопровождается учатившимися экстремальными погодными явлениями и катаклизмами в различных районах земного шара. Всё чаще наблюдаются разрушительные наводнения, суровые засухи, обширные и длительные тепловые волны, лесные пожары, ураганы и т. д.

Особую тревогу вызывает повышение глобальной температуры, подъём уровня моря, подкисление и потепление мирового океана, беспрецедентное по своим масштабам таяние льдов Арктики.

Область применения результатов: Предложенный подход к изучению итогов Парижской конференции по климату с применением метода исторической реконструкции и проведённый анализ предварительных заявлений ВМО о состоянии современного климата позволяют критически оценить достигнутые на конференции результаты и привлечь широкие круги научной общественности и гражданского общества к решению острых проблем экологического кризиса.

Выводы: Представленные Парижской конференции по климату 2015 предварительные заявления ВМО о состоянии климата в 2015 году и пятилетнего периода 2011–2015 годов полностью подтверждают выводы и прогнозы 5-го доклада Межправительственной группы экспертов ООН по изменению климата (МГЭИК). Они свидетельствуют об огромных рисках, возникающих в связи с возможной отсрочкой принятия мировым сообществом глобальных мер по радикальному сокращению выбросов парниковых газов.

Ключевые слова: изменение климата; экология; устойчивое развитие; окружающая среда; деградация экосистем; антропогенное воздействие; конференция по климату.

Warning of the World Meteorological Organization to the Paris Climate Change Conference 2015

Malkin Joseph Gillewicz – Expert, Head of Information-analytical Department of the network journal “Philosophy and Humanities in Information Society”, Moscow, Russia.

E-mail: brilliant_99@mail.ru
15, Gastello St., Saint Petersburg, 196135, Russia,
tel: 8 (812) 708-42-13.

Abstract

Background: In December 2015, a large-scale International Conference on Climate Change (COP21) was held in Paris.

The conference adopted a new international multilateral agreement to counteract climate change after 2020. The agreement will succeed the Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change.

On the eve of the Paris conference, the World Meteorological Organization (WMO) submitted to the parties the provisional statement on the climate in 2015 and the provisional statement on the Status of Global Climate in 2011–2015 in order to make a success of the upcoming difficult negotiations.

Along with the Fifth Assessment Report (AR5) of the United Nations Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) the parties considered these statements to be the scientific information framework for the upcoming negotiations according to the global goals set by the UN to respond to climate change.

Taking into account the particular importance and topicality of the Paris Climate Change Conference 2015 it is necessary to carry out the comprehensive multidisciplinary objective research of the Paris Climate agreement results in order to identify effective ways to ensuring and achieving the commitments and targets of the Paris climate agreement.

Results: The conducted information and analytical review of preliminary statements on the state of the climate in 2015 and the five-year period of 2011–2015 presented by WMO to the Paris Climate Conference 2015 clearly demonstrates and confirms the importance of the facts presented in the reports and the inescapable conclusions on the state of global climate. This article uses the materials of the United Nations, NASA, and some other organizations related to the study of this issue.

The statements of WMO convincingly indicate the dramatic and fundamental changes that occurred in the climatic system of the Earth under the influence of anthropogenic activities. They stress the need for the fastest implementation of the global goals formulated in the Paris climate agreement 2015.

According to the data of the World Meteorological Organization, global climate change caused by human activity results in the greenhouse gas concentration increase in the atmosphere and is followed by frequent exceptional weather events and cataclysms. Disastrous floods, severe droughts, extensive and prolonged heat waves, forest fires, hurricanes, etc. are becoming much more frequent.

Increased average global temperature, sea level rise, acidification and the world ocean warming, unprecedented in its scope ice melting in the Arctic are of particular concern.

Research implications: The proposed approach to the study of the Paris climate conference outcome using the method of historical reconstruction and the analysis of the WMO preliminary statements on the global climate state allow to evaluate critically the results of COP21 and to invite the academic community and civil society to meet this environmental challenge.

Conclusion: The provisional statement on the climate in 2015 and Provisional Statement on the Status of Global Climate in 2011–2015 submitted to the Paris

Climate Change Conference 2015 fully confirms the conclusions and forecasts of the Fifth Assessment Report (AR5) of the United Nations Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). They indicate a high risk that increases in connection with a possible delay of taking global measures to reduce greenhouse gases emissions.

Keywords: climate change; ecology; sustainable development; environment; environmental degradation; anthropogenic impact; conference on climate.

Введение

«Проблемы решаются не через приобретение нового опыта, а путем упорядочения уже давно известного»

Людвиг Витгенштейн. «Философские исследования».

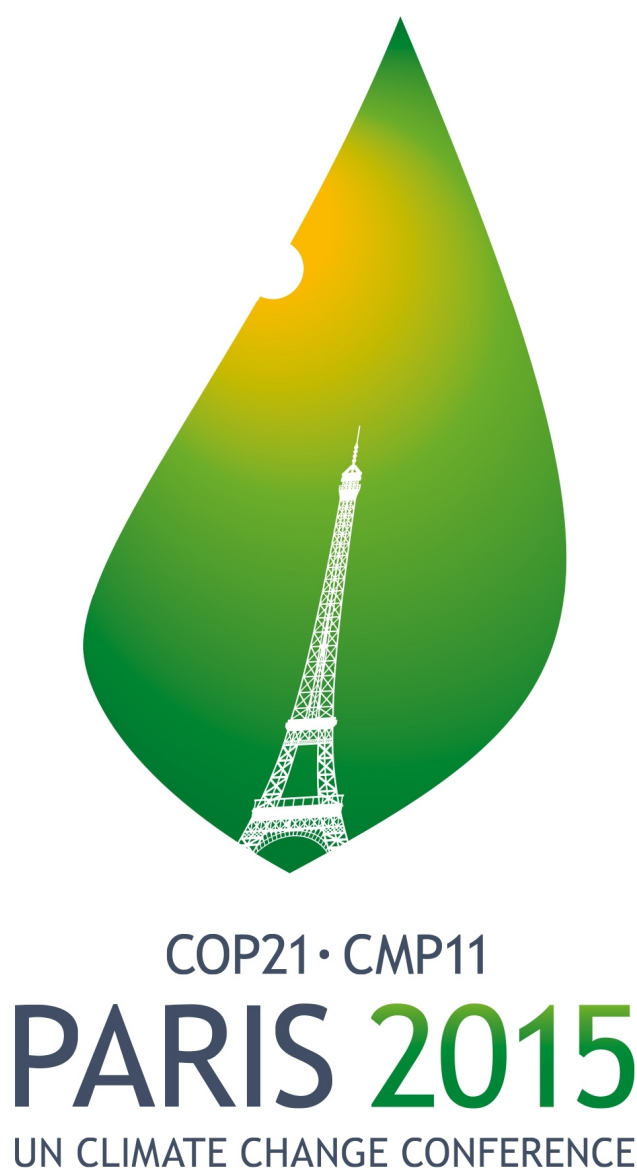

Рис. 1. Эмблема конференции.

С 28 ноября по 11 декабря 2015 года в Париже состоялась масштабная международная конференции по климату (КС–21) [COP21]. Это 21-я по счёту

конференция по Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) и 11-я сессия Конференции Сторон, служащей проверкой соответствия Сторон Киотскому протоколу (CMP11).

Рис. 2. Конференц-центр Парижской конференции по климату 2015, пригород Парижа Ле-Бурже [8].

КС–21 стала одной из крупнейших дипломатических конференций среди когда-либо организованных ООН, не считая сессий Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Около 150 глав государств, 195 делегаций стран со всего мира приняли в ней участие.

Общее число участников составило почти 38 000 человек. Принятое на конференции соглашение по климату должно вступить в действие в 2020 году по истечении срока действия Киотского протокола и рассматривается как важный вклад в устойчивое развитие. Соглашение было официально подписано большинством государств мира в апреле 2016 года [1].

Экологический кризис и проблема изменения климата – главные вызовы, стоящие перед человечеством в XXI веке [см.: 2; 3]. Начиная с середины прошлого века, учёные и видные общественные деятели бьют тревогу в связи с деградацией экосистем планеты и изменением климата в результате человеческой деятельности. С начала нового тысячелетия глобальные экологические проблемы приобретают особую остроту. В 5-м докладе межправительственной группы экспертов по изменению климата ООН (МГЭИК) приводятся убедительные факты и доказательства пагубных последствий изменения климата, вызванных антропогенной деятельностью [см.: 4; 5].

Однако предпринимаемых до настоящего времени международных усилий по противодействию угрозе изменению климата явно недостаточно. Киотский протокол по многим причинам не стал действенным средством в борьбе с увеличением глобальной эмиссии парниковых газов.

Главной целью Парижской конференции по климату было принятие нового международного многостороннего соглашения по противодействию изменению климата на период после 2020 года, которое придёт на смену Киотскому протоколу к Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

До начала работы КС–21 ООН определила главные глобальные цели, достижения которых помогут существенно снизить риски изменения климата: *«Впервые за более чем 20 лет переговоров стремиться достичь юридически*

обязательного и универсального соглашения по климату с целью удержания уровня глобального потепления ниже 2 °С» с одновременным стремлением сторон не превысить температурный предел 1,5 °С (курсив мой – И. М.) [9].

При заключении глобального соглашения по климату мировым лидерам предстояло ориентироваться на очень сложные многомерные функционально взаимосвязанные задачи, как на региональном, национальном, так и на глобальном уровне, касающиеся целого спектра проблем: экономических, социальных, политических, экологических, научно-технических и т. д.

В статье рассматривается и обосновывается предложение о проведении всестороннего междисциплинарного широкого научного исследования итогов Парижской конференции по климату 2015, принятого на конференции КС–21 соглашения сторон с целью более полного понимания возможности достижения поставленных в соглашении целей по противодействию изменению климата и определение направления путей его дальнейшего совершенствования.

Первый этап такого исследования с применением метода исторической реконструкции принятия на КС–21 нового соглашения сторон по климату представлен в статье развёрнутым информационно-аналитическим обзором специально приуроченных к открытию конференции предварительного заявления о состоянии климата за 2015 год и дополнительного предварительного заявления о состоянии глобального климата в 2011–2015 гг., бюллетеня ВМО по парниковым газам за 2015 год, подготовленных Всемирной метеорологической организацией (ВМО). Совершенно очевидно, что эти важные аналитические и информационные материалы, представленные ВМО, должны были по определению послужить в качестве одного из главных дополнительных и весомых аргументов ООН на переговорах в Париже для выработки действенного и эффективного нового соглашения по климату.

Эти предварительные материалы ВМО следует рассматривать в едином контексте с 5-м Докладом Межправительственной группы экспертов по изменению климата ООН (МГЭИК) и другими докладами МГЭИК. Новые научные данные о состоянии климата, полученные ВМО, должны были быть приняты во внимание политиками и участниками конференции при выработке базовых основополагающих решений Парижского соглашения по климату.

Данные для обобщённых заявлений ВМО о состоянии климата были предоставлены метеослужбами, мировыми исследовательскими центрами и организациями по изучению климата из 191 страны, входящих в структуру ВМО.

К указанным выше материалам ВМО в авторском переводе с английского приобщены также некоторые заслуживающие внимания относящиеся к рассматриваемой проблеме материалы ООН, НАСА и ряда других организаций:

- НАСА (Национальное управление по воздухоплаванию и исследованию космического пространства США);
- НОАА (Национальное управление океанических и атмосферных исследований США);

- Института космических исследований им. Годдарда Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства США (НАСА) (NASA Goddard Institute for Space Studies);
- Пятый оценочный доклад (ОД 5) МГЭИК;
- Международной организации Оксфам – всемирного массового движения, направленного на преодоление бедности и несправедливости, и другие.

1. Необходимость проведения междисциплинарного исследования итогов (КС–21)

Итоги Парижской конференции по климату 2015 вызвали далеко не однозначную реакцию со стороны как научного сообщества, так и многих общественных и экологических организаций. Естественно предположить, что после относительных неудач по реализации Киотского протокола было чрезвычайно сложно найти на международном уровне приемлемый компромисс в решении проблем изменения климата между всеми участниками переговорного процесса. Поэтому можно считать полезной конструктивную критику принятого на конференции соглашения. Само принятое на конференции соглашение сторон открыто по форме для его постоянного совершенствования. Оно не ограничено по времени и предусматривает априори проведение в обществе широкой междисциплинарной дискуссии относительно его содержания и перспектив достижения указанных в нём целей.

М. П. Завьялова правильно указывает на то, к чему приводит отсутствие конструктивно-критического подхода: «Отсутствие конструктивно-критического подхода неизбежно оборачивается апологетикой – предвзятой защитой, безудержным восхвалением чего-либо вместо объективного анализа» [6, с. 72].

И такую порой не критичную апологетику относительно принятого в Париже соглашения можно, к сожалению, наблюдать в оценках некоторых средств массовой информации и ряда экспертов – так же, как и безудержную его критику.

В связи с этим возникает необходимость на научной междисциплинарной основе с применением методов исторической реконструкции:

- объективно и всесторонне исследовать итоги Парижской конференции по климату 2015;

- выявить:

- а) основные причины возникших разногласий и противоречий сторон при выработке соглашения;

- б) трудности реализации основных указанных целей данного соглашения;

- определить, какие действия необходимо предпринимать:

- а) мировому сообществу – для решения поставленных на Парижской конференции задач по противодействию изменению климата;

- б) России – по выработке и реализации эффективных мер по преодолению экологического кризиса и смягчению последствий изменения климата в свете выполнения условий Парижского соглашения по климату и осуществления

новой ноосферной индустриализации России – главной задачи страны в XXI веке [7] и т. д.

2. Основа Парижского соглашения по климату

Основа парижского соглашения по климату – заявленные сторонами предполагаемые определяемые на национальном уровне вклады по глобальному сокращению выбросов парниковых газов (ПОНУВ). Парижская конференция по климату 2015 должна была осуществлять деятельность по разработке нового бессрочного соглашения по климату на основании отличающегося от Киотского договора принципа противодействия угрозе изменениям климата. Этот принцип заключался в добровольном принятии сторонами обязательств по значительному сокращению в будущем глобальных объёмов выбросов парниковых газов. До начала конференции 188 стран представили свои ПОНУВ.

2.1. Обобщающий доклад секретариата РКИК ООН по оценке климатических планов 146 стран

30 октября 2015 г. на пресс-конференции в Берлине секретариат Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) представил обобщающий доклад по оценке 146 ПОНУВ по состоянию на 1 октября 2015 года: «146 ПОНУВ включают все развивающиеся страны и три четверти индустриально развитых стран в рамках РКИК ООН, которые охватывают 86 % глобальной эмиссии ПГ, что в четыре раза превышает первый обязательный период действия Киотского протокола – первого международного договора, предусматривающего требуемое сокращение эмиссии индустриально развитых стран».

Было отмечено, что «совместная реализация этих планов поможет существенно снизить глобальную атмосферную эмиссию ПГ. Другой важный вывод проведённого исследования заключается в том, что совокупный эффект реализации ПОНУВ приведёт к снижению глобальной эмиссии на душу населения в ближайшие 15 лет. Кроме того, реализация ПОНУВ приведёт к снижению средней глобальной эмиссии на 8 % к 2025 и 9 % к 2030 году» [10].

«Эти ПОНУВ – заявленные сторонами ПОНУВ – представляют собой не что иное, как значительный, ясно выраженный аванс, выданный глобальным сообществом на осуществление новой эры климатических амбициозных целей. Правительства во всех уголках Земли обозначили посредством ПОНУВ, что они полны решимости сыграть свою положительную роль в противодействии изменениям климата в соответствии с их национальными условиями и возможностями», – сказала Кристиана Фигерес – исполнительный секретарь Рамочной Конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН). «Эти совместно начатые планы в случае их полного осуществления начнут создавать заметную брешь в росте атмосферной эмиссии ПГ. Они представляют собой ту незыблемую основу, на которой могут быть построены всё более значимые амбициозные планы. Я уверена, что эти ПОНУВ – не последнее слово в том, что страны готовы выполнить и достичь во времени предпринимаемого

путешествия к будущему с безопасным климатом. И подписанное в Париже соглашение может подтвердить и стимулировать этот переход», – добавила Кристиана Фигерес (курсив мой – И. М.) [10].

Рис. 3. На фото: Кристиана Фигерес – исполнительный секретарь Рамочной Конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН).

Но при этом секретариат РКИК ООН выразил главную озабоченность по поводу реализации глобальной цели – недопущению повышения глобальной температуры выше 2 °С относительно доиндустриального уровня.

Основное препятствие, стоящее перед конференцией, заключалось в том, что даже в случае совместной успешной реализации принятых ПОНУВ глобальная цель по удержанию превышения глобальной температуры на уровне 2 градусов Цельсия, поставленная ООН, по признанию секретариата РКИК ООН, к сожалению, не будет достигнута: *«Реализация ПОНУВ даёт возможность ограничить прогноз повышения температуры до примерно 2.7 градуса по Цельсию к 2100 году, но этого совершенно недостаточно. Это всё-таки намного ниже, чем расчётная температура в четыре, пять или более градусов потепления, соответствовавшая многим прогнозам до принятия ПОНУВ»*, – сказала Кристиана Фигерес (курсив мой. – И. М.) [10].

Независимые экспертные оценки, в частности по данным авторитетного Всемирного института ресурсов, с одной стороны, подтверждают вывод ООН о недостаточности принятых планов по реализации поставленных целей, но, с другой стороны, при этом указывают, что совместная реализация ПОНУВ может привести к более значительному превышению глобальной температуры, чем указано в докладе, представленном секретариатом РКИК ООН: *«Исследования показывают, что совместно реализованные ПОНУВ ведут нас по пути глобального потепления 2.7–3.7 °С (средний шанс) относительно доиндустриального периода. Это – улучшение по сравнению с предыдущими*

тенденциями, которые привели бы к 4–5 °С потепления, но не достигает глобальной цели ограничения потепления ниже 2 °С (3,6 °F)» [11].

3. Пан Ги Мун призвал мировое сообщество действовать незамедлительно

Накануне открытия в Париже конференции по изменению климата генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун убеждал мировое сообщество действовать незамедлительно, чтобы достигнуть нового универсального соглашения по климату: «Я довольно оптимистичен и убеждён, что мировые лидеры на этой конференции сторон КС–21 примут очень амбициозное универсальное соглашение по проблеме изменения климата», – сказал господин Пан Ги Мун на пресс-конференции 29 ноября, в воскресенье, в находящемся в Париже главном офисе Образовательной научной и культурной организации ООН (ЮНЕСКО).

Рис. 4. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун дает интервью для Центра новостей ООН в преддверии конференции КС–21 в Париже, Франция. UN Photo/Rick Bajornas.

Он снова призвал мировое сообщество к решительным действиям: «Мы очень упорно и очень долго работали – теперь настало время действовать. Я видел растущий политический импульс среди государств членов ООН. Они знают, что должны принять решительные меры» [12].

4. Предварительное заявление о состоянии климата за 2015 год Всемирной метеорологической организации

4.1. Недостаточность вкладов по радикальному сокращению выбросов ПГ

Таким образом, ООН прекрасно осознавала, что заявленные сторонами определяемые на национальном уровне вклады (ПОНУВ) по радикальному сокращению выбросов ПГ не достаточны для достижения поставленных конференцией целей, и в Париже предстоят трудные переговоры.

В качестве одного из основных и весомых аргументов в пользу принятия важных для будущего цивилизации решений и внесения соответствующих изменений в позиции сторон ООН было принято решение до начала переговоров представить сторонам КС–21 дополнительную информацию о состоянии глобального климата. С этой целью Всемирная метеорологическая организация (ВМО), специализированное межправительственное учреждение Организации Объединённых Наций в области метеорологии, накануне Парижской конференции выпустила предварительные заявления ВМО о состоянии климата в 2015 году и в период 2011–2015 гг., Бюллетень ВМО по парниковым газам за 2015 год с тем, чтобы:

– ещё раз напомнить участникам Парижской конференции по климату:

а) об имеющихся очень серьёзных нарушениях в климатической системе Земли, произошедших под действием антропогенных факторов;

б) об их ответственности перед нынешними и будущими поколениями за принимаемые решения;

в) о выводе секретариата РКИК ООН, полученного на основании проведённого им анализа принятых странами планов по глобальному сокращению выбросов ПГ и необходимости корректировки принятых ПОНУВ с целью достижения глобальной цели – необходимости недопущения повышения глобальной приземной температуры выше 2 °С относительно доиндустриального уровня;

– придать дополнительный импульс переговорам и направить их в конструктивное русло в целях выработки действенного и эффективного соглашения по климату.

4.2 Определение глобальной температуры

Глобальная температура в этот период определялась по трем основным базам данных:

1.1) Метеорологической службы (Met Office) – Национальной метеорологической службы Великобритании. Служба обеспечивает погодные и связанные с мониторингом климата услуги для Вооруженных сил, правительственных ведомств, общественности, гражданской авиации, торгового флота, промышленности, сельского хозяйства и торговли. Метеорологическая служба – исполнительное агентство, спонсируемое Департаментом бизнеса, энергетики и промышленной стратегии [13];

1.2) Отделением климатических исследований Университета Восточной Англии – одного из ведущих мировых центров по исследованию изменения климата [14].

2. Национальным центром информации об окружающей среде Национальной океанической администрации Америки НОАА (NOAA National Center for Environmental Information).

3. Институтом космических исследований им. Годдарда Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства США (НАСА) (NASA Goddard Institute for Space Studies).

При анализе глобальной температуры также использовались реанализы Европейского центра среднесрочных прогнозов погоды Японского метеорологического агентства.

4.3. ВМО: 2015, вероятно, будет самым теплым из зарегистрированных лет, 2011–2015 гг. – самым теплым пятилетним периодом

Сообщение ВМО начинается с констатации самого главного тревожного фактора: неуклонного роста температуры приземной поверхности Земли и увеличения глобальной эмиссии парниковых газов (ПГ).

По данным Всемирной метеорологической организации (ВМО, Женева) от 25 ноября 2015, изменение климата преодолело символический рекорд, спровоцировав экстремальные погодные явления. Глобальная средняя приземная температура Земли в 2015 г., вероятно, будет самой тёплой за всё время регистрации и достигнет символического значения 1 °С выше доиндустриальной эры. Это происходит из-за комбинации сильного Эль-Ниньо и вызванного человеком глобального потепления.

Период 2011–2015 годов был самым тёплым пятилетним периодом за всё время регистрации с множеством экстремальных погодных явлений, особенно периодов сильной жары, под влиянием изменения климата согласно проведённому пятилетнему анализу этого периода ВМО: «Состояние глобального климата в 2015 году войдет в историю по ряду причин. Уровни парниковых газов в атмосфере достигли новых максимумов, а в Северном полушарии весной 2015 года трехмесячная глобальная средняя концентрация CO₂ впервые преодолела барьер 400 частей на миллион. 2015 год, вероятно, будет самым жарким годом за всё время наблюдений. Температура поверхности океана находится на самом высоком уровне с тех пор, как стали проводиться измерения. Вполне вероятно, что порог 1 °С будет пройден, – заявил генеральный секретарь ВМО господин Жарро и заключил, – все это плохие новости для нашей планеты» [15].

4.3.1. Концентрация парниковых газов в атмосфере Земли достигла рекордных отметок

ВМО до начала конференции выпустила ежегодный доклад – Бюллетень ВМО по парниковым газам 2015. В докладе указывается, что количество парниковых газов в атмосфере достигло нового рекордно высокого уровня в 2014 году, продолжая неустанно повышаться, что способствует изменению климата и сделает планету ещё более опасной и неприветливой для жизни будущих поколений.

В Бюллетене Всемирной метеорологической организации по Парниковым газам говорится, что период между 1990 и 2014 гг. характеризовался 36 % увеличением радиационного воздействия – потепление сказывается на нашем климате из-за долгоживущих парниковых газов, таких как углекислый газ (CO_2), метан (CH_4) и оксид азота (N_2O). Это происходит в результате промышленных, сельскохозяйственных и бытовых воздействий.

ВМО также выдвигает на первый план взаимодействие и усиление эффекта от повышения уровня CO_2 и водяного пара, который является основным парниковым газом, хотя и не долгоживущим. Более тёплый воздух удерживает больше влаги, и поэтому увеличение температуры на поверхности, вызванное CO_2 , приведёт к росту мирового уровня паров воды, еще более усугубляя «парниковый эффект». Дальнейшее увеличение концентрации CO_2 приведёт к непропорционально высокому увеличению тепловой энергии и потеплению от водяных паров [см.: 16; 17].

Рис. 5. Мишель Жарро.

«Каждый год мы сообщаем о новом рекорде концентрации в атмосфере парниковых газов, – заявил генеральный секретарь ВМО Мишель Жарро. – Каждый год мы говорим, что время уходит. Мы должны действовать сейчас, чтобы сократить выбросы парниковых газов, если мы хотим иметь шанс сохранить рост температуры на приемлемом уровне» (курсив мой. – И. М.).

В то же время проведённые исследования показывают: атмосферные концентрации CO_2 – важнейшего долгоживущего парникового газа – в 2014

году составляла 397,7 частей на миллион (промилле). В Северном полушарии концентрация CO₂ пересекла символически значимый уровень 400 промилле весной 2014 года, когда эмиссия CO₂ имеет наиболее высокое значение. Весной 2015 года средняя глобальная концентрация CO₂ превысила барьер 400 промилле.

«Мы скоро будем жить с глобально усредненными уровнями CO₂ выше 400 частей на миллион в качестве постоянной реальности, – заявил господин Жарро. – Мы не можем видеть CO₂. Это невидимая угроза, но вполне реальная. Это означает, будут жарче глобальные температуры, более экстремальными погодные явления, а также периоды сильной жары и наводнений, таяние льдов, повышение уровня моря и увеличение кислотности океанов. Сейчас мы вступаем в неизведанную территорию со страшной скоростью. <...> Избыточная энергия захватывает CO₂ и другие парниковые газы, нагревает поверхность Земли, что приводит к увеличению в атмосфере количества водяного пара, который, в свою очередь, генерирует и захватывает ещё больше тепла. <...> *Двуокись углерода остается в атмосфере в течение сотен лет, и в океане ещё дольше. Прошлые, настоящие и будущие выбросы будут иметь совокупное влияние на глобальное потепление и подкисление океана. Законы физики не подлежат обсуждению*», – предостерёг М. Жарро (курсив мой – И. М.) [16].

4.3.2. Имеются знания и инструменты, чтобы действовать

Но Мишель Жарро подал политикам ещё один важный сигнал о необходимости решительных действий, указав, что у них есть все необходимые для этого инструменты по противодействию изменению климата и напомнив им об их ответственности за будущие поколения. «Выбросы парниковых газов, которые являются причиной изменения климата, можно контролировать. У нас есть знания и инструменты, чтобы действовать. У нас есть выбор. У будущих поколений его не будет. <...> К этому следует добавить, что мы являемся свидетелями мощного Эль-Ниньо, который по-прежнему набирает силу. Это влияет на погодные условия во многих частях мира и привело к исключительно тёплым погодным условиям октября. Общее воздействие потепления в этом Эль-Ниньо, как ожидается, продолжится в 2016 году», – заявил господин Жарро.

4.3.3. Основные события: Эль-Ниньо

Воздействие сильного Эль-Ниньо 2015 на глобальные температуры, вероятно, продолжится и после пика Эль-Ниньо. Эль-Ниньо и Ла-Нинья – сложные метеорологические явления, происходящие в результате изменений в океанских температурах в экваториальной зоне Тихого океана.

Однако другие последствия уже ощутимы. В начале октября 2015 г. НОАА заявило, что рекордные глобальные температуры океана привели к глобальному обесцвечиванию кораллов. Это началось в северной части Тихого океана летом 2014 года и распространяется в южной части Тихого океана и в Индийском океане в 2015 году» [15].

4.3.4. Повышение уровня потепления океана и уровня моря

«Океаны поглощают более 90 % энергии, которая накопилась в климатической системе в результате антропогенных выбросов парниковых газов, что приводит к повышению температуры и уровня моря. В первые девять месяцев 2015 года глобальное теплосодержание как верхнего уровня океанов (700 метров), так и уровня 2000 метров от поверхности Мирового океана достигло рекордных значений. Последние оценки глобального уровня моря показывают, что его глобальный средний уровень в первом полугодии 2015 года оказался максимальным с начала спутниковых наблюдений в 1993 году» [15].

Данный вывод ВМО относительно теплосодержания мирового океана полностью соответствует выводам 5-го Доклада МГЭИК: «Повышение температуры океана является главным фактором, способствующим увеличению энергии, накапливаемой в климатической системе. На долю океана приходится 90 % энергии, аккумулируемой за период с 1971 по 2010 годы. Почти определённо установлено, что верхний уровень океана (0–700 м) нагревался с 1971 по 2010 год и, вероятно, нагревался в период между 1870 и 1971 годами» [18, с. 6]. «Нагрев мирового океана несёт много негативных последствий для климатической системы, флоры и фауны океана и опасен, прежде всего, тем, что по мере нагрева водяных масс, исходя из законов физики, вода увеличивается в объёме, что приводит к подъёму уровня мирового океана, а это, в свою очередь, содействует таянию ледников и снеговых покровов» [15].

В заявлении ВМО конкретизируются районы наибольшего потепления мирового океана: «Значительное потепление было зарегистрировано на больших акваториях Мирового океана. В тропической части Тихого океана было значительно теплее, чем в среднем, более, чем на 1 °С было теплее на большей части Центральной и Восточной экваториальной части Тихого океана, в соответствии с зарегистрированным сильным Эль-Ниньо. Северо-восточная часть Тихого океана, большая часть Индийского океана и районов в Северной и Южной Атлантике были значительно теплее средних значений. Территории к югу от Гренландии и далеко на юго-западе Атлантики были значительно холоднее, чем в среднем» [15].

4.3.5. Региональные температуры

Региональные температуры отличались значительными отклонениями от средних значений и местами были рекордными по своей величине: «Температуры значительно выше средних были зафиксированы в большинстве наблюдаемых зон земной поверхности. Особенно это было заметно в западной части Северной Америки, а также на больших пространствах Южной Америки, Африки и Южной и Восточной Евразии.

В Китае с января по октябрь наблюдался самый тёплый период за все время наблюдений. В России месяцы с января по октябрь тоже были самыми тёплыми за всё время наблюдений со средними температурами на 2,10 °С выше долгосрочных средних. На африканском континенте 2015 год в настоящее время считается вторым среди самых тёплых лет за время наблюдений.

Австралия испытала самый тёплый октябрь, и тепловые волны в начале месяца установили новые рекорды для начала тёплого сезона.

Одной из особенно холодных областей была Антарктика, где сильные аномалии в атмосферных явлениях, известных под названием Южный кольцевой режим, продолжались несколько месяцев. В восточных областях северной Америки температуры были ниже средних в течение года.

После теплого января по сентябрь Аргентина испытала самый холодный октябрь за всё время наблюдений» [15].

«Южной кольцевой режим (SAM), также известный как Антарктическое колебание (Antarctic Oscillation, AAO) описывает движения с севера на юг вокруг Антарктиды западной зоны ветров, которые преобладают в средних и высоких широтах Южного полушария» [19].

4.3.6. Тепловые волны

«Главная тепловая волна затронула Индию в мае и июне со средними максимальными температурами, превысившими на большом временном протяжении в некоторых областях страны 42 °C и 45 °C. В южном Пакистане температуры превысили 40 °C в июне» [15].

Тепловые волны затронули Европу, северную Африку и Ближний Восток в течение конца весны и лета, при этом установив 6 новых температурных рекордов. В мае высокие температуры были зафиксированы в Буркина-Фасо, Нигерии и Марокко. Испания и Португалия также ощутили необычно высокие температуры. Июль принес периоды сильной жары на большой площади на севере Дании, на юге Марокко и на востоке Ирана. В начале августа Иордания испытала тепловую волну, в то время как Вроцлав (Польша) испытал небывалую высокую температуру 38.9°C 8 августа. Высокая температура сохранялась в сентябре, охватывая далее Восточную Европу.

В течение весны 2015 года в Южной Африке температуры рекордно высокого уровня превышались на регулярной основе [см.: 15].

4.3.7. Дожди и засухи

В заявлении отмечено, что наибольшее количество осадков выпало в южных районах США, Мексики, Боливии, Южной Бразилии, Юго-Восточной Европы, районах Пакистана и Афганистана. В январе проливные дожди вызвали наводнения в Малави, Зимбабве и Мозамбике. Сильные осадки оказали воздействие на такие страны, как Марокко, Алжир и Тунис.

«Особо сильные осадки выпали в нескольких районах Буркина-Фасо и Мали. В Чили в марте в результате осадков произошли наводнения и оползни. В августе прошёл сильный дождь в Буэнос-Айресе, в Аргентине установлено несколько месячных и дневных дождевых рекордов в течение месяца. В Мексике был самый влажный март (с 1941 года). На континентальной части США май был в целом самым влажным месяцем за 121 год наблюдений. В период с мая по октябрь в Китае прошли 35 сильных дождей. В последующие месяцы от наводнений пострадали 75 миллионов человек. По оценкам

экономический ущерб составил 25 миллиардов долларов» (курсив мой. – И. М.) [15].

Долгосрочный характер осадков может быть скрыт за большой изменчивостью в краткосрочные периоды. В 2015 году было много случаев, когда за 24 часа непрерывное выпадение осадков превысило нормальные среднемесячные нормы. Например, в марокканском городе Марракеше выпало 35,9 мм осадков за один час в августе, что более чем в 13 раз превышает ежемесячную норму. В Пакистане во время муссонов на одной из станций зафиксировано 540 мм осадков в течение 24 часов при годовой норме 336 мм.

Сухие области включали Центральную Америку и Карибский бассейн, северо-восток Южной Америки, в том числе Бразилию, части Центральной Европы и России, части Юго-Восточной Азии, Индонезии и Южной Африки. В западной части Северной Америки длительные засухи продолжались. Бассейны рек на территории Запада зависят от снежного покрова, являющегося их водным ресурсом. 1 апреля запасы воды в снежном покрове составили 5% от нормальных показателей.

Сухая и тёплая погода наблюдалась на большей части Запада США в течение года, способствуя развитию природных пожаров. На Аляске в мае в более чем 400-х пожарах сгорели 728000 га, побив предыдущий рекорд в 216 пожаров и 445000 гектаров. Сообщалось, что на Аляске в июле горят почти 2 млн. га. В течение лета было зафиксировано более 700 пожаров. В августе большими пожарами были охвачены все территории Северо-Запада. И в штате Вашингтон случился крупнейший пожар за всё время наблюдений [15].

4.3.8. Сообщения НАСА относительно пожаров в районе Аляски

«С помощью спектрометров, установленных НАСА на спутниках Терра, – (от лат. «земля») и Аква (от лат. «вода»), позволяющих формировать изображения со средним разрешением (MODIS), удалось получить модифицированные искусственные цветные изображения лесов Аляски. Эти изображения выполнены 14 июня 2015 года перед началом пожароопасного сезона и 1 сентября 2015 года после того, как главные пожары удалось взять под контроль. Изображения включают комбинацию инфракрасного и видимого света, чтобы увеличить видимый контраст между выжженными участками Земли и зелёными насаждениями или голой землёй. Следует обратить внимание, что большинство видимых шрамов красноватого цвета от пожаров образовались в это лето, хотя некоторые уже существовали в самом начале летнего периода» [20] (см.: рис. 6; рис. 7).

Следует дать некоторые пояснения по поводу такого сложного инструмента, как спектрометр, применяемого для фотографирования поверхности Земли со спутников: «Спектрометр с формированием изображений со средним разрешением (MODIS) был разработан для запуска на первом космическом аппарате системы наблюдения Земли (АМ) в середине 1998 года. Этот инструмент запроектирован с целью изучения системных процессов Земли и включает 36 диапазонов для исследования океанографических, атмосферных и других явлений поверхности Земли.

Инструмент MODIS являлся объектом проектирования и разработки в течение прошлых 10-ти лет, с завершением технической модели (ЕМ) в середине 1995 года, и теперь приближается к завершению первой стадии космического полета – протополёта модели (PFM)» [21].

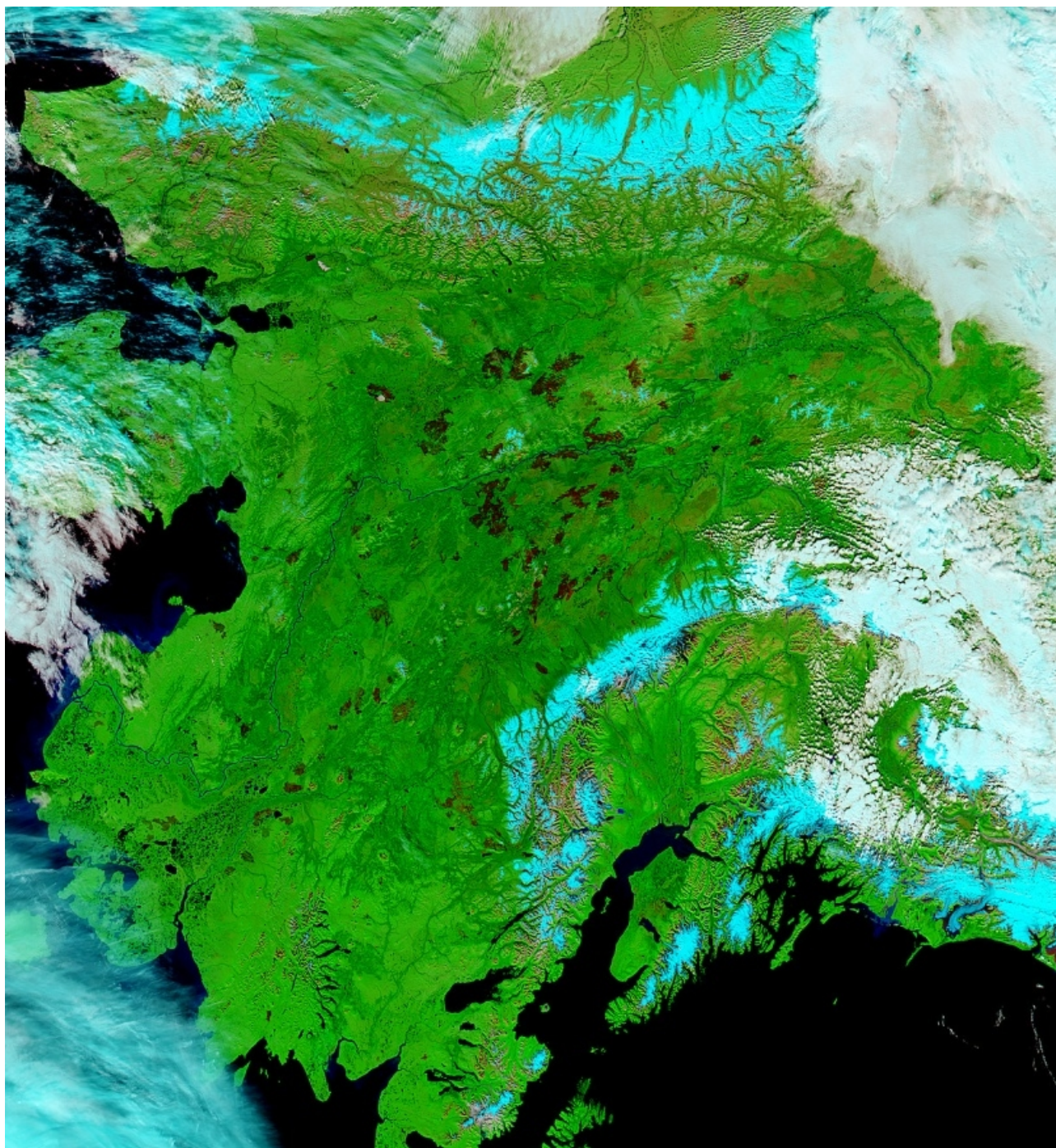

Рис. 6. Снимок 1 сентября 2015.

4.3.9. Тропические Циклоны

«В целом в общей сложности 84 тропических циклона образовались между началом года и 10 ноября, по сравнению со среднегодовыми показателями 1981–2010 гг. – 85 тропических штормов. Ураган Патрисия, который обрушился на Мексику 24 октября, был сильнейшим ураганом за всё время

наблюдений в Атлантике или на востоке северной части бассейна Тихого океана, с максимальной постоянной скоростью ветра до 320 км/час. В Северо-Западном бассейне Тихого океана были зафиксированы 25 из упомянутых циклонов.

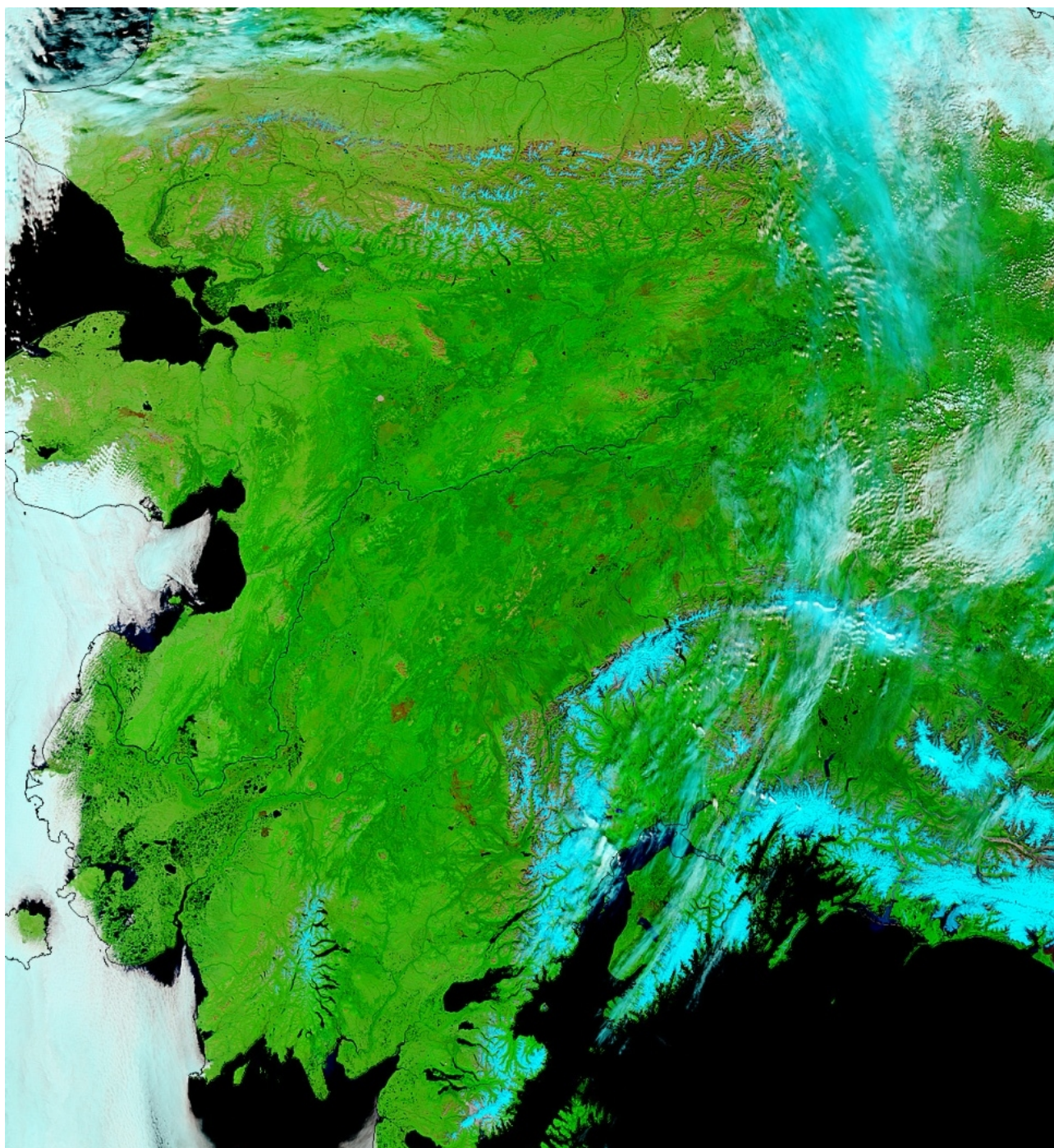

Рис. 7. Снимок 14 июня 2015 года. NASA image by Jeff Schmaltz, Caption by Adam Voiland [20].

Шесть тайфунов, три из которых были наиболее сильными, обрушились на Китай. Общий экономический ущерб оценивается в сумму 8 млрд. долларов» [15].

Рис. 8. Полный вид полушария Земли с ураганом Патрисия, очерченного кругом. Credit: NOAA/NASA [22].

Из других сообщений об урагане Соуделор: «Тайфун “Соуделор” напрямую обрушился на Сайпан, Северные Марианские острова 2 августа 2015, нанеся островам значительный ущерб. 3 августа он стал самым сильным циклоном в году, при этом скорость ветра достигала 287 км/ч (178 миль/ч).

В 03:00 UTC на 7 августа Тайфун “Соуделор” сопровождался максимальными длительными ветрами 194 км/ч (120 миль/ч) с порывами ветра до 240 км/ч (150 миль/ч).

Около 12:00 по Гринвичу 8 августа ураган Соуделор сделал свой третий заход на побережье. На этот раз он обрушился на восточное побережье Китая, недалеко от Цюаньчжоу, с максимальной устойчивой скоростью ветра около 148 км/ч (92 миль/ч). Это соответствует 1-й категории эквивалента силы ветра по шкале ураганов Саффира-Симпсона» [23].

«Шкала Саффира-Симпсона – шкала классификации ветров ураганов в соответствии с установленным рейтингом от 1-го до 5-го, составленным на основе оценки устойчивой скорости ураганного ветра. Эта шкала оценивает вызванный ураганами потенциальный ущерб. Ураганы, достигая категории 3 и выше, считаются крупными ураганами из-за их опасных потенциальных последствий для жизни людей и причинённого ими материального ущерба. Однако категории ураганов 1 и 2 всё же опасны и требуют принятия профилактических мер. На северо-западе Тихого океана, термин “супертайфун” используется для тропических циклонов, скорость ветра которых превышает 150 километров в час» [24].

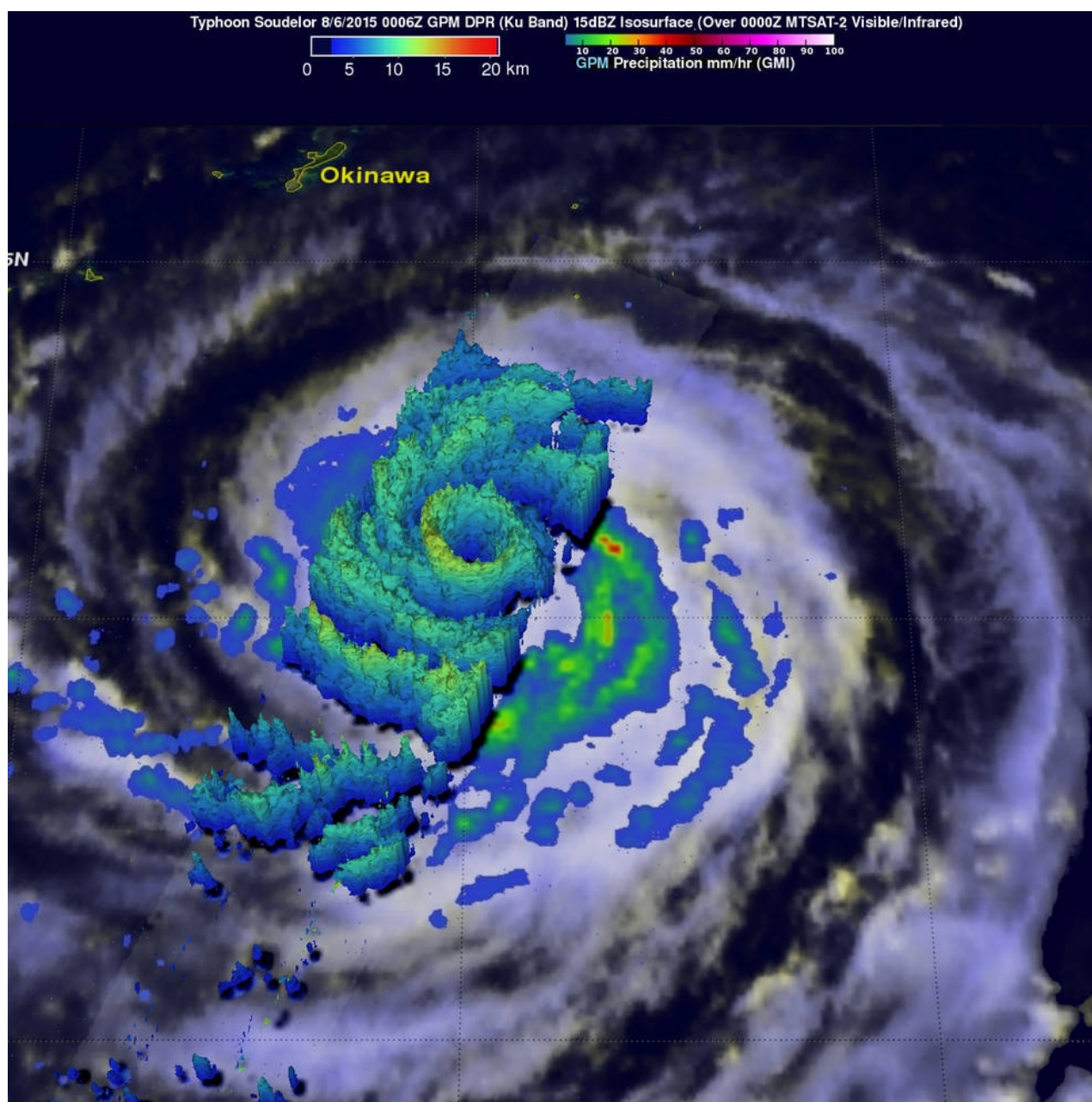

Рис. 9. 6 августа в 00:06 по Гринвичу система GPM зафиксировала сильный дождь, вызванный тайфуном Соуделор с величиной осадков около 70 мм (2,4 дюйма) в час в полосе бури к юго-западу от центра. Credits: NASA/JAXA, Hal Pierce [23].

Рис. 10. Повреждение деревьев в Тайбэе (Китай) после пронёсшегося там тайфуна Соуделор, бушевавшего 8 августа 2015 года. CC BY-SA 4.0 Снимок сделан 9 августа 2015г [25].

«В северной части Индийского океана сформировались 4 циклона. Осадки, связанные с тропическим штормом Комен, способствовали сильным наводнениям и оползням в Мьянме. Йемен пострадал от беспрецедентного по силе циклона в начале ноября.

В южной части тихого океана наблюдались штормы с характерными названиями. Тропический циклон Пэм 5-й категории вызвал оползни в Вануату (тихоокеанское государство в Меланезии – И. М.), разрушив много домов» [15].

Из других сообщений об урагане Пэм: «Центр урагана достигал скорости 270 км/ч. Стихийное бедствие нарушило коммуникации по всей стране и не оставило практически камня на камне от жилого фонда столицы страны Порт-Вила.

Около 260 тысяч жителей страны в результате урагана испытали жилищные проблемы. Президент Вануату Балдвин Лонсдейл заявил, что большая часть населения страны осталась без крова после удара стихии» [26].

Рис. 11. Ураган Пэм [26]

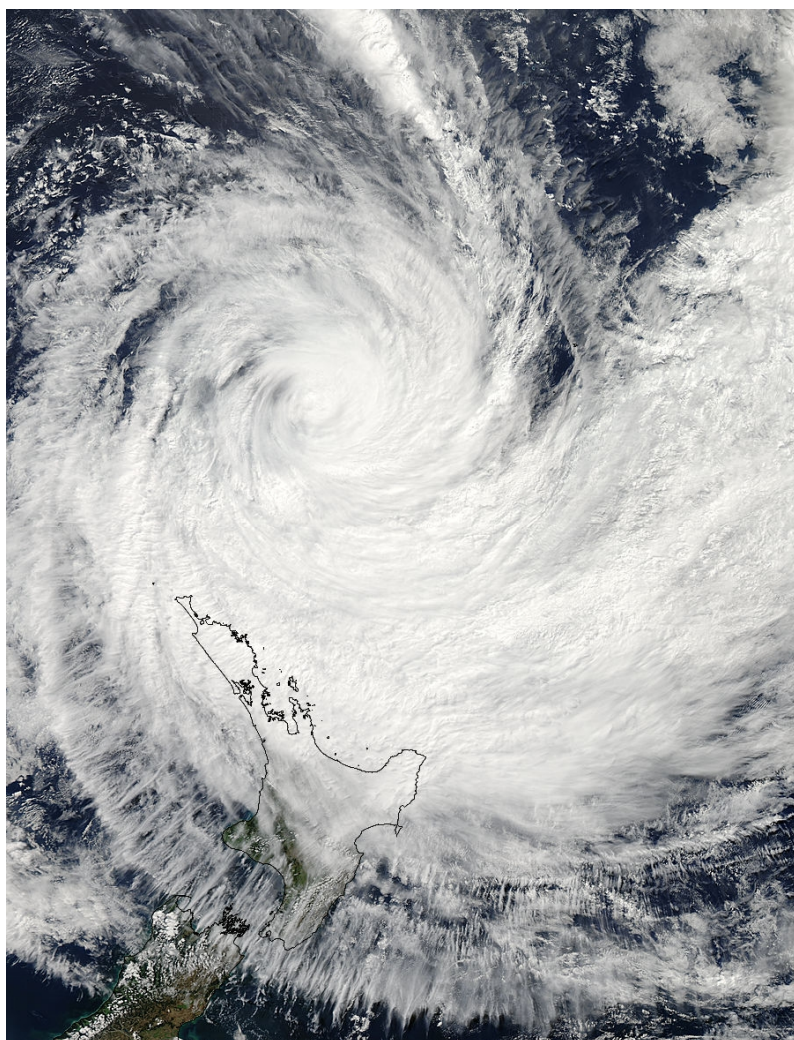

Рис. 12. 15 марта в 02:05 по Гринвичу прибор MODIS на борту спутника Aqua НАСА запечатлел это видимое изображение сурового тропического циклона «Пэм» на севере Новой Зеландии в то время, когда он трансформировался в экстра-тропический циклон. Image Credit: NASA Goddard MODIS Rapid Response Team [см.: 27; 28].

4.3.10. Арктика и Антарктика

«С тех пор как в конце 1970-х годов начали вестись систематические спутниковые наблюдения, фиксируется общее снижение протяжённости морского льда в Арктике в течение сезонного цикла. В 2015 году суточный максимальный объём ледяных покровов на 25 февраля 2015 года был самым низким – 14,54 млн. км². Минимальная протяжённость льда была зафиксирована 11 сентября, когда она составила 4,41 млн. км² – четвертая самая низкая по значению за время регистрации спутниками.

В Южном полушарии суточная максимальная протяжённость морского льда составила 18,83 млн. км² и была зафиксирована 6 октября в Антарктиде. Это 16-я по значению величина по максимальной степени протяжённости морского льда в соответствии со спутниковыми наблюдениями. Минимальная протяжённость ледяного покрова зарегистрирована 20 февраля и составила 3,58 млн. км² – 4-я по значению за время регистрации.

4.3.11. Причинная связь изменения климата

Результаты научных исследований показывают, что многие экстремальные явления в 2011–2015 годах, особенно те, которые касаются высоких температур, с определенной вероятностью возникавшие в течение определенного периода времени, существенно возросли в результате антропогенного изменения климата – в 10 или в некоторых случаях больше чем в 10 раз. Из 79 исследований, опубликованных в Бюллетене американского метеорологического общества за период между 2011 и 2014 годами, в более чем половине случаев содержат выводы, что антропогенное изменение климата способствовало экстремальным событиям. Наиболее последовательное воздействие антропогенный фактор оказал на сильную жару. В некоторых исследованиях обнаружено, что вероятность наблюдаемых событий увеличилось в 10 раз и более.

Примеры этого влияния – рекордно высокие сезонные и годовые температуры в США в 2012 году и в Австралии в 2013 году, жаркое лето в Восточной Азии и Западной Европы в 2013 году, периоды сильной жары весной и осенью 2014 года в Австралии, рекордное годовое тепло в Европе в 2014 году и Аргентинская жара декабря 2013 года.

Некоторые более долгосрочные события, еще не ставшие предметом официально проведенных исследований, согласуются с прогнозами на ближайшее и долгосрочное изменение климата. Они включают в себя рост случаев многолетней засухи в субтропиках, что проявилось в 2011–2015 годах на юге США, части Южной Австралии и к концу отмеченного периода в Южной Африке. Имели место такие события, как необычно длительный, интенсивный и жаркий сухой сезон в бассейне Амазонки в Бразилии в 2014 и 2015 году, который всё же пока не позволяет с уверенностью сказать, что такое явление может быть только частью долгосрочной тенденции и представляет значительный интерес в контексте потенциальных «критических моментов», – наступление необратимых изменений, – в климатической системе, которые определены Межправительственной группой экспертов по изменению климата.

4.3.12. Методы анализа ВМО

Отчеты ВМО о состоянии глобального климата выполнены на основе материалов, представленных 191 странами – членами ВМО.

Глобальный температурный анализ производился преимущественно на основе трёх дополнительных источников данных, предоставленных Центром им. Гадлея и Отделом исследований климата Метеобюро, Национальным управлением океанических и атмосферных исследований США (НОАА) Национальных центров экологической информации и Институтом космических исследований им. Годдарда (GISS) при Национальном управлении по авионавтике и исследованию космического пространства США (НАСА). Глобальная средняя температура также оценивается с применением методов реанализа, которые используют систему прогнозирования погоды для объединения многих источников данных с целью обеспечения более полного представления о глобальных температурах. ВМО использует данные реанализа, подготовленные Европейским центром среднесрочных прогнозов погоды и японским Метеорологическим агентством [15].

Таким образом, ВМО подчёркивает, что работа в рамках этой глобальной международной организации осуществляется посредством широкого сотрудничества стран и крупных авторитетных международных организаций, осуществляющих исследования в области климата. И, следовательно, это даёт дополнительное основание полностью доверять полученным результатам коллективных международных исследований в области климата.

Следует обратить особое внимание на представленные в отчёте ВМО красноречивые диаграммы глобальных аномальных температур.

На диаграмме (рис.12) отчётливо показано, что средняя температура на планете растёт с беспрецедентной скоростью.

Две другие диаграммы аномальных температур примечательны, прежде всего, тем, что одна из них связывает ещё недостаточно изученный феномен Эль-Ниньо (красный) и Ла-Нинья с температурными аномалиями, а другая – с географическим месторасположением отдельных областей поверхности Земли.

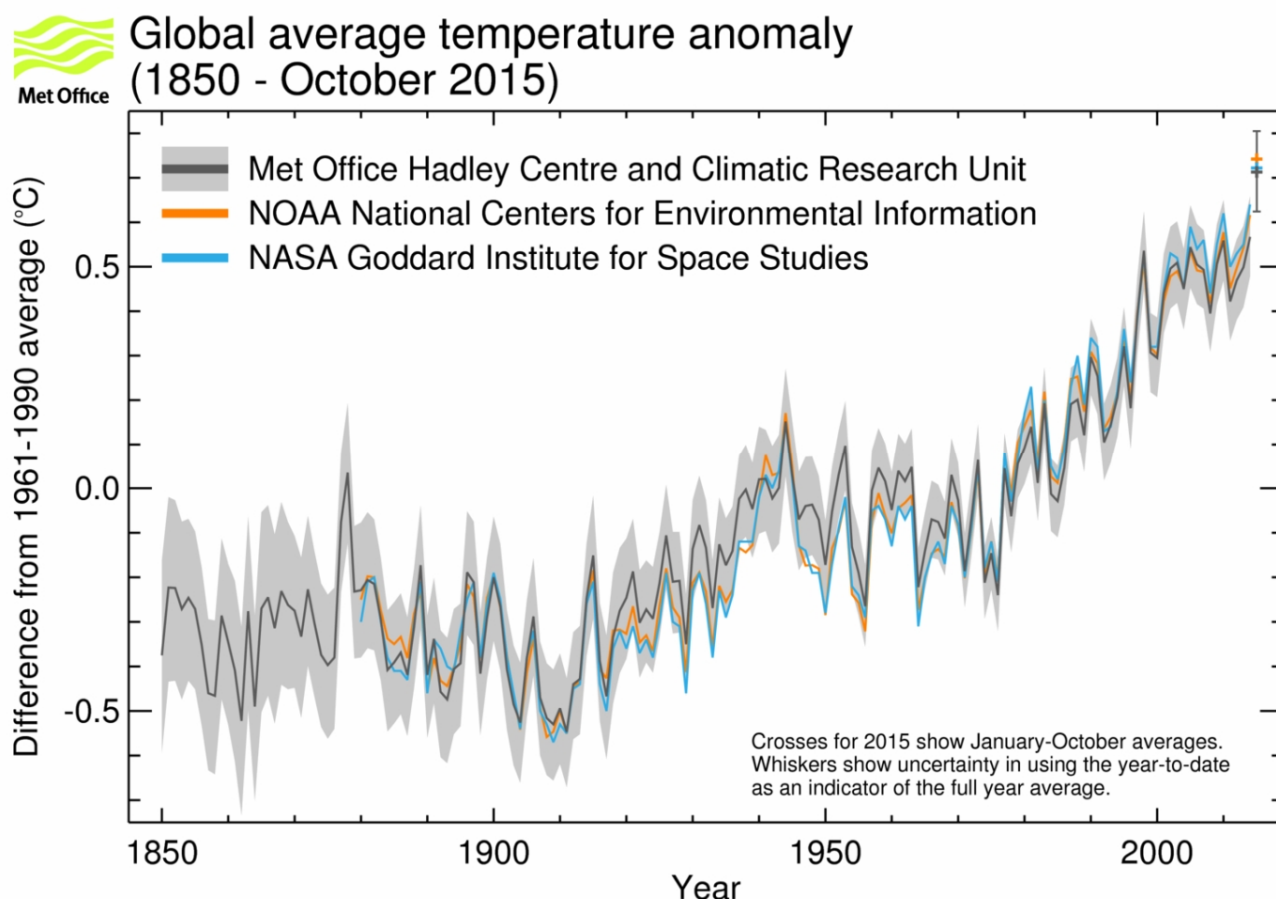

Рис. 13. Глобальные аномалии среднегодовых приповерхностных температур по данным HadCRUT4.4.0.0 (черная кривая и серая область указывают на диапазон неопределенности, составляющий 95 %), GISTEMP (синяя кривая) и NOAA GlobalTemp (оранжевая кривая). Источник: Центр им. Гадлея Метеобюро.

Global average temperature anomaly (1850–2015) – глобальные аномалии среднегодовых температур (1850–2015 гг.).

Met Office Hadley Centre and Climatic Research Unit – Центр им. Гадлея и Отдел исследований климата Метеобюро.

NOAA National Centers for Environmental Information – Национальный центр информации об окружающей среде НООА.

NASA Goddard Institute for Space Studies – Институт космических исследований им. Годдарда НАСА.

Difference from 1961–1990 average (°C) – Отличие от средних значений 1961–1990 гг. [15].

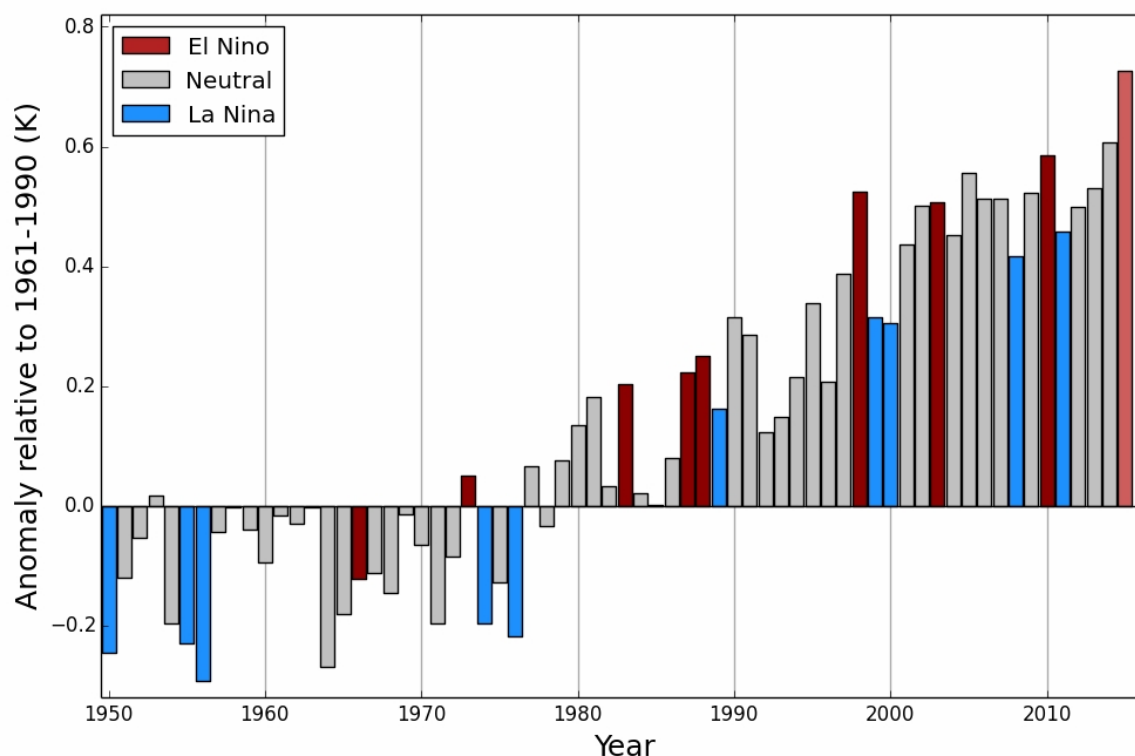

Рис. 14. Глобальные среднегодовые температурные аномалии (относительно 1961–1990) из расчета в среднем три глобальных комплекта данных по температуре (HadCRUT.4.4.0.0, GISTEMP и NOAA Global Temp) с 1950 по 2014. Средняя температура за 2015 год принята на основе данных с января по октябрь. Столбцы окрашены в зависимости от того, какой год считается годом Эль-Ниньо (красный), а Ла-Нинья года (синий) или ЭНСО-нейтральный год (серый).

Примечание: диапазоны неопределенности не отображаются, но находятся примерно на $0,1^{\circ}\text{C}$.

El Nino – Эль-Ниньо

Neutral – нейтральный Эль-Ниньо

La Nina – Ла-Нинья

Anomaly relative to 1961–1990 (K) – Аномалия относительно периода 1961–1990 гг. (K)

Year – Год

Глобальные аномалии среднегодовых температур (относительно 1961–1990 гг.) даны на основе средних значений трех комплектов данных о глобальных температурах (HadCRUT.4.4.0.0, GISTEMP и NOAA GlobalTemp) с 1950 г. по 2015 г. Цвет колонок указывает на то, был ли год классифицирован как год с Эль-Ниньо (красный), с Ла-Нинья (синий) или с нейтральным Эль-Ниньо (серый). Примечание: диапазоны неопределенности не показаны, но составляют около $0,1^{\circ}\text{C}$.

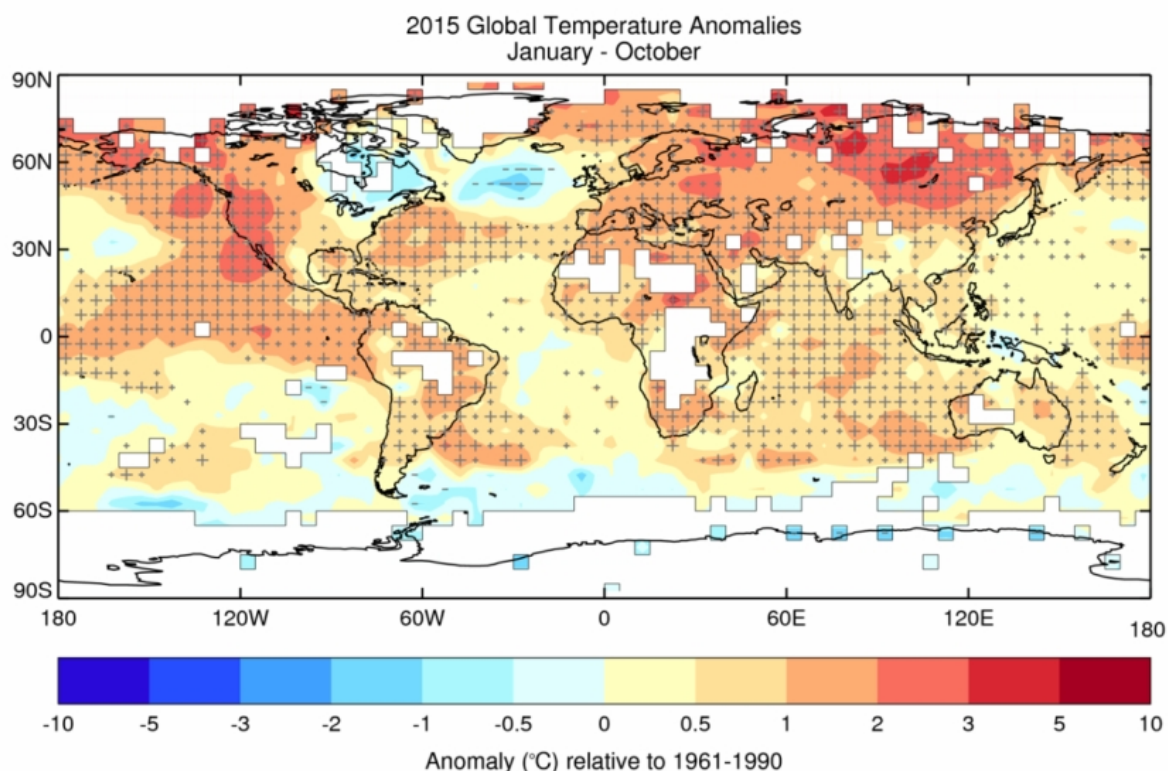

Рис. 15. Средние аномалии температуры за январь–октябрь 2015 от HadCRUT.4.4.0.0, набор данных. Кресты (+) указывают на температуры выше 90-го перцентиля, означающие необычное тепло и тире (–) указывают на температуры ниже 10-го перцентиля, указывая на необычно холодные условия. Большие кресты и большие тире указывают на температуры вне диапазона 2-го по 98-й перцентили. Источник: Центр Гадлея, Метеобюро.

2015 Global Temperature Anomalies – Годовые температурные аномалии 2015 г.

Anomaly (°C) relative to 1961–1990 – Аномалии (°C) относительно 1961–1990 гг. [15].

На последней диаграмме ясно видно, что территория России находится в особой зоне риска повышенных температур.

4.3.13. Что означают температурные аномалии с научной точки зрения

На самом деле определение температурных аномалий – сложная научно-техническая задача. По данным Института космических исследований им. Годдарда НАСА (GISS), «температурные аномалии указывают, насколько теплее или холоднее температура относительно нормальной для конкретного места и времени. Для анализа GISS рассматривает нормальную температуру как среднее значение за 30-летний период 1951–1980 годов для данного места и времени года. Этот исходный период, определяемый для GISS, не универсальный. Следует заметить, что тенденции не зависят от выбора

исходного периода: если абсолютная температура в определенном местоположении на 2 градуса выше, чем год назад, это рассматривается как соответствующая температурная аномалия – неважно, какой исходный период выбран, поскольку нормальная температура рассматривается как базисная точка в течение обоих лет.

Следует также обратить внимание на то, что региональные средние аномалии (в особенности глобальные аномалии) вычислены исходя не из текущего абсолютного среднего значения и периода 1951–1980 годов для того или иного региона, а от станционных аномалий температуры. Нахождение абсолютных региональных значений сталкивается со значительными трудностями, которые создают большие неопределенности. Поэтому анализ GISS имеет дело с аномалиями, а не абсолютными температурами» [29].

Анализ поверхности GISS (GISTEMP) является оценкой глобального поверхностного изменения температуры: «Причина, по которой работа ведётся предпочтительнее с аномалиями, а не с абсолютными температурами, заключается в том, что абсолютная температура варьируется заметно по коротким расстояниям поверхности Земли, в то время как ежемесячные или ежегодные температурные аномалии репрезентативны для намного более крупного региона» [29].

В отчёте ВМО приводятся диаграммы теплосодержания океана. На этих диаграммах наглядно показано, как стремительно увеличилось теплосодержание океана в течение не более чем полувека. Это тревожное явление учёные связывают с антропогенной деятельностью.

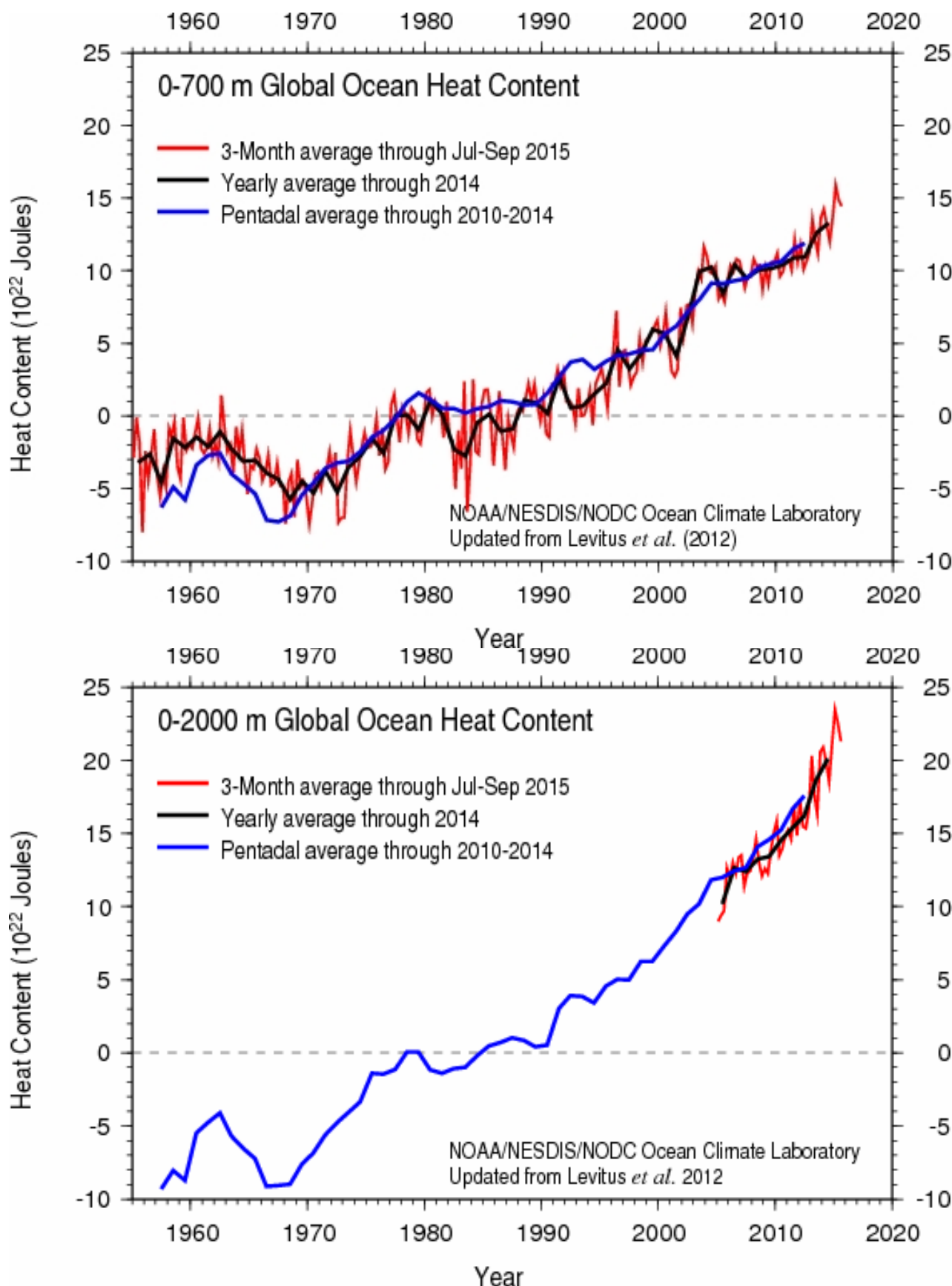

Рис. 16. Теплосодержание океана до глубины 700 м (сверху) и 2000 м (снизу). Трёхмесячное (красный цвет), годовое (черный цвет) и 5-летний период (синий) средние показатели. Источник: NOAA, NCEI [15].

5. Дополнительное предварительное Заявление ВМО о состоянии климата пятилетнего периода 2011–2015 гг.

Приведём некоторые выдержки из этого заявления.

1) Заявление начинается с констатации одной из наиболее тревожных тенденций изменения климата: «Пятилетний период с 2011 по 2015 год был самым теплым на всей планете периодом за всё время регистрации». При этом было высказано и впоследствии подтверждённое опасение, что 2015 год будет самым тёплым в истории наблюдений [30].

Далее подробно излагаются основные произошедшие за прошедший пятилетний период климатические и погодные аномалии и катаклизмы: «Самым серьёзным по своим последствиям в гуманитарном плане был голод 2011–2012 гг. на Африканского роге, основной причиной которого стала засуха в конце 2010 и 2011 годов. Более чем 250 000 избыточной смертности на Африканском Роге были связаны с этим явлением.

Три тропических циклона, включая тайфун Хайян, совпали с периодом худших климатических катастроф за отчётный период. Каждый из этих циклонов привёл к гибели более 1000 человек на Филиппинах, в то время как Индия и Пакистан пострадали в сопоставимых масштабах от наводнения в 2013 году и жары в 2015 году. Наводнения в Юго-Восточной Азии в 2011 году и ураган «Сэнди» в Карибском бассейне, особенно в Гаити и Соединенных Штатах в 2012 году в сумме причинили экономический ущерб свыше 40 миллиардов долларов США.

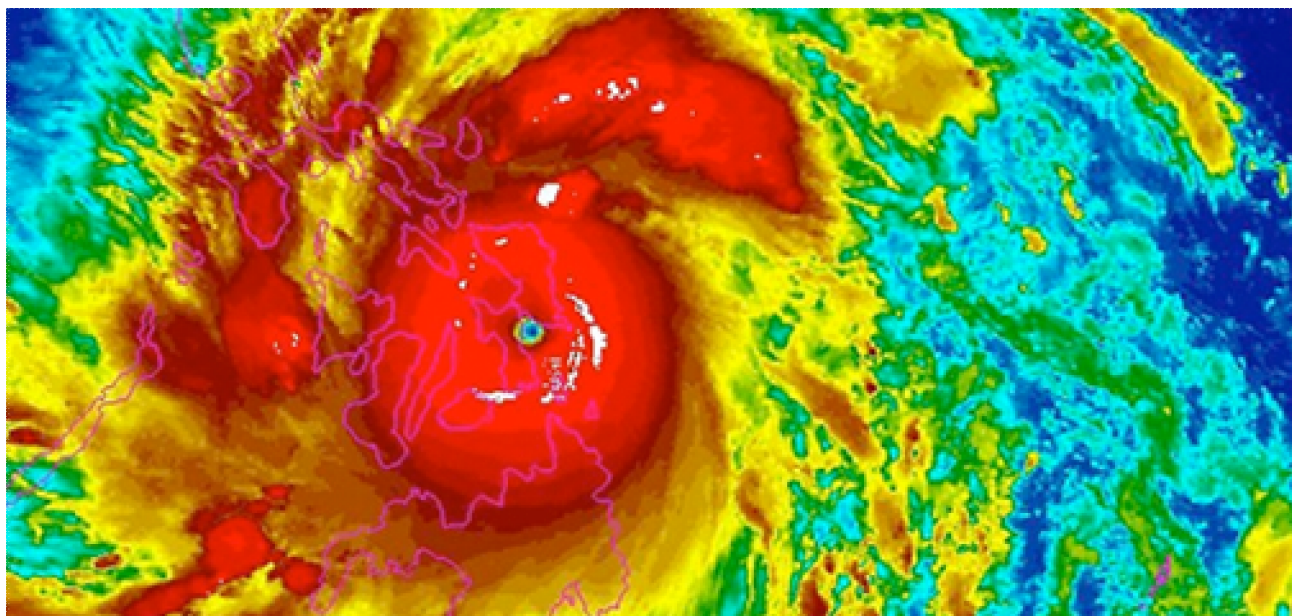

Рис. 17. Тайфун Хайян. Image Credit: NOAA

2) Повышенные температуры были широко распространены по всему миру в течение всего данного периода, на суше и в океане.

Температуры в течение 2011–2015 годов были более чем на 1 °C выше среднего значения за период 1961–1990-ых годов в большинстве районов Европы, Азиатской части Российской Федерации и в большинстве остальных районов к северу от 60° с. ш., достигая 3 °C выше средней величины локально

на российском Арктическом побережье. Также на 1 °С выше средней температуры было отмечено на большей части арабского региона к югу от Сахары, юго-западе США и северо-западе Мексики.

Глобальная температура океана также была на беспрецедентно высоком уровне.

Две заметные температурные аномалии океана наблюдались в конце отчетного периода.

В конце 2013 года большая площадь очень тёплых вод была в Северо-восточной части Тихого океана, с температурой поверхности на 2 °С выше средней.

Период 2011–2015 годов отмечен большим количеством экстремальных погодных и климатических событий, включая волны холода и тепла, тропические циклоны, наводнения, засухи и сильные штормы.

3) Разрушительные наводнения наблюдались во многих частях мира, вызвав большие человеческие жертвы и приведя к тяжёлым экономическим потерям. Индия и Пакистан подверглись особо тяжёлым по своим последствиям наводнениям.

Эпизодические наводнения привели к значительным человеческим жертвам в течение 2011–2015 годов. Наиболее сильное наводнение случилось в Бразилии, в результате него на севере Рио-де-Жанейро погибли 900 человек.

Наряду с наводнениями в юго-восточной Азии 2011 года произошёл ряд других масштабных наводнений. Наводнения на Дунае и Эльбе бассейнов Центральной Европы в мае-июне 2013 года и в Восточной Австралии (особенно в Квинсленде) в начале 2011 года причинили в обоих случаях экономический ущерб, оцениваемый в десятки миллиардов долларов, хотя эти потери были относительно скромными по сравнению с аналогичными явлениями в Азии.

4) Продолжительные засухи оказали влияние на несколько континентов. Например, Бразилия значительно пострадала от засухи за период 2011–2015 годов. Сухие погодные условия, которые сопровождались повышением температуры обычно на 2–3 градуса выше нормы, способствовали очень высокой пожарной активности. При этом количество пожаров в штате Амазонас в 2015 году было на рекордном уровне.

Общие экономические потери из-за засухи в США в период между 2011 и 2014 годами оцениваются примерно в 60 млрд. долл.

Значительные продолжительные по времени засухи произошли также в Австралии и Южной Африке [30].

Из сообщения организации Оксфам: «В Австралии в период с августа по ноябрь 2013 года произошло более 100 пожаров с беспрецедентным по масштабу уровнем и тяжестью последствий, которые бушевали в штате Новый Южный Уэльс. Австралия пережила в этот период самые жаркие 12 месяцев за всё время наблюдений» [31].

Рис. 18. На фото лесные пожары в Австралийском штате Тасмании 2013. Photo: ToniFish [CC-BY-2.0], via Wikimedia Commons.

ВМО связывает сильные засухи с чрезвычайной пожарной активностью. С середины 2015 года сильные засухи, связанные с Эль-Ниньо, затронули многие районы Индонезии, а также части соседних стран Юго-Восточной Азии и западной части Тихого океана (например, Папуа Новую Гвинею, Вануату и Фиджи). Засушливые условия способствовали исключительно высокому уровню пожаров на островах Суматра и Борнео, вызывавших сильное задымление над большей частью региона. Туманы и дым вследствие пожаров повлекли за собой массу серьёзных последствий в Индонезии, Сингапуре и Малайзии. И, как ожидается, это окажет значительное негативное воздействие на здоровье людей, хотя масштабы этих воздействий пока не определены на момент написания отчёта [30].

Из сообщений НАСА: «5 сентября 2015 года Операционное устройство формирования изображений (Operational Land Imager), установленное на спутнике Ландсат 8 (Landsat 8) зафиксировало картину огромных пожаров. Дым от пожаров распространялся в провинции Джамби на Индонезийском острове Суматра. Модифицированное цветное изображение пожаров было сделано с комбинацией видимого (зеленого) и инфракрасного цвета. Это позволило выделить пожары и сожжённые в результате них участки Земли. Пожары представлены оранжевым цветом, а выжженная Земля окрашена в темно-красный цвет. Синие пятна – расходящиеся по диагонали следы дыма. Голая почва или старые ожоговые рубцы изображены оттенком светло красного цвета. Облака на фотографии белые» [32].

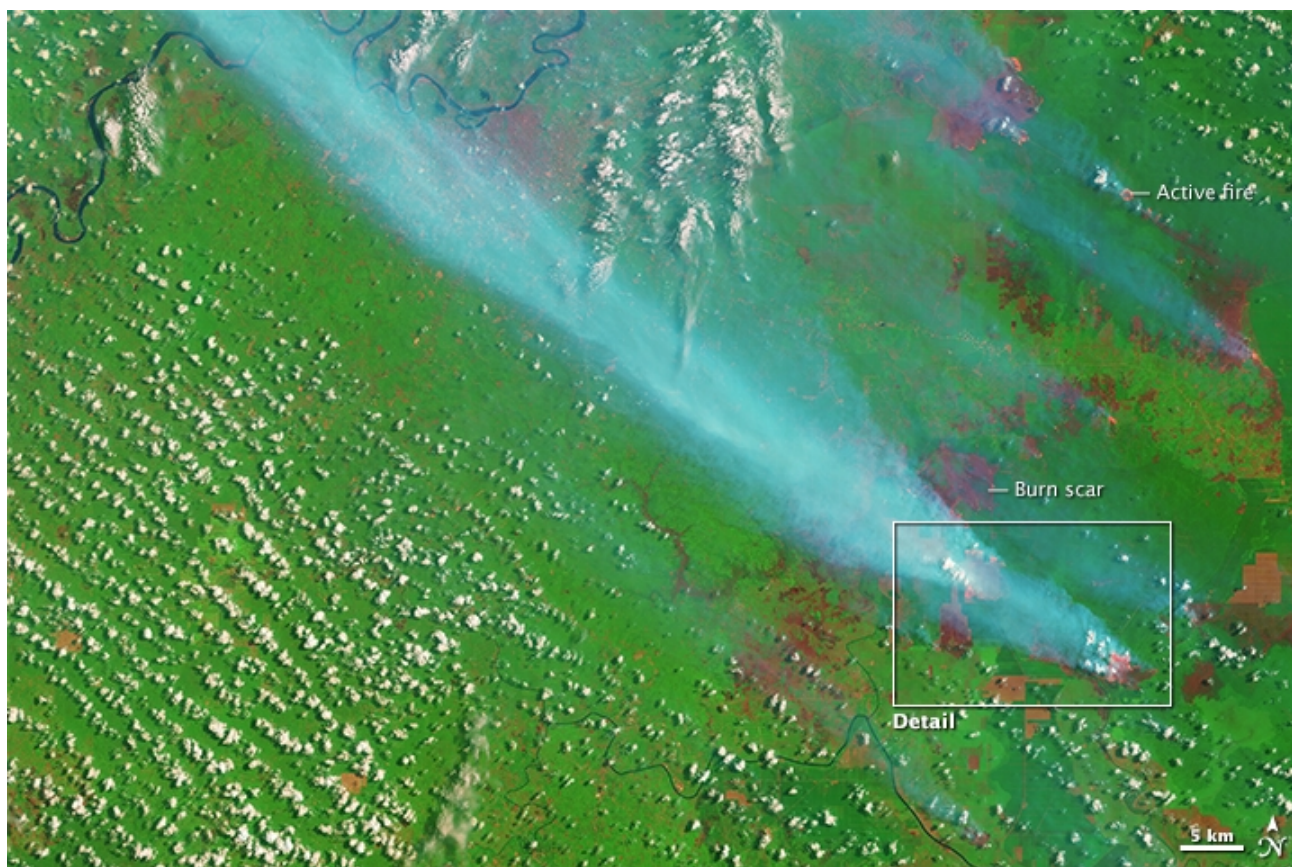

Рис. 19. 5 сентября 2015 года. Credits: NASA Caption by Adam Voiland [32].

5) Несмотря на всеобщее потепление за период 2011–2015 годов были периоды значительных холодов и снежных осадков.

6) Наблюдалось повсеместное таяние льда, за исключением Южного океана. Арктический морской лёд продолжал сокращаться в 2011–2015 годах.

В 2012 году была зарегистрирована минимальная протяжённость морского льда – 39 миллионов квадратных километров, в то же время летняя протяжённость морских льдов в 2011 году была третьей по значению за время регистрации, и в 2015 году она была 4-й по счёту самой низкой, считая с 1979 года, то есть с начала спутниковых исследовательских отчётов.

В летний период поверхности ледникового покрова Гренландии продолжали таять быстрее значений среднего уровня.

Горные ледники также продолжали сокращаться в 2011–2015 годах.

Концентрации долгоживущих парниковых газов в атмосфере продолжали расти в течение 2011–2015 годов.

В 2014 году среднегодовые концентрации в атмосфере углекислого газа (CO_2), метана (CH_4) и окиси азота (N_2O) были, соответственно: 397,7 частей на миллион (ppm), 1833 частей на миллиард (ppb), и 327,1 ppb. (На CO_2 приходится около 65 % от общего радиационного воздействия долгоживущих парниковых газов, на CH_4 – около 17 % и на N_2O – 6 %).

В Бюллетене Парникового газа 2014 ВМО сообщается, что приблизительно 44 % общего количества выбросов CO_2 с 2004 до 2013 годы произошло в результате человеческой деятельности, оставшиеся 56 % были поглощены океанами и земной биосферой.

7) Тропические циклоны. Наиболее разрушительными в 2011–2015 годах были циклоны на Филиппинах, вызвавшие гибель более 1000 человек. В то же время ураган «Сэнди» в 2012 году был одним из крупнейших циклонов с точки зрения экономических потерь от метеорологических катаклизмов в 2011–2015 годах.

Тайфун «Хайянь» («Йоланда») обрушился на восточное побережье Филиппин в ноябре 2013 года. Это был один из самых сильных ураганов в истории. Никогда до этого берег ни в одной точке мира не подвергался в течение 10 минут воздействию ветра с максимальной скоростью 230 км/ч. В результате урагана Хайянь погибло 7800 человек.

Среди наиболее интенсивных тропических циклонов в 2011–2015 гг., наряду с Хайянь и Бопха, выделялся циклон Патрисия, который обрушился на берег в штате Халиско на Западе Мексики в октябре 2015 года. Ураган Патрисия был самым интенсивным циклоном из когда-либо зарегистрированных в Западном полушарии. Скорость ветра достигала 322 км/ч.

Каждый из циклонов Ваши (Sendong) и Бофа (Пабло) был ответственен за более чем 1000 погибших, при этом сотни человек пропали без вести.

Общая глобальная тропическая циклоническая активность была выше нормы в 2013 году, она составила 94 циклона (по сравнению со средним 1981–2010 годами – 85). И этот показатель, особенно из-за количества высокой интенсивности циклонов, был опять выше нормы в 2015 году [30].

8) Антропогенное изменение климата способствовало некоторым экстремальным событиям. ВМО отмечает, что в настоящее время активно развивается область исследования, касающаяся оценки степени влияния антропогенного изменения климата на вероятность отдельных экстремальных событий. В докладе сделан важный вывод относительно причинной связи конкретных экстремальных явлений за отчётный период. Учёные пришли к однозначному выводу, что «наиболее устойчивое влияние антропогенного изменения климата связано с вероятностью возникновения экстремального тепла в различные сроки от нескольких дней до года. Некоторые проведённые исследования и полученные на их основе данные показывают, что вероятность наблюдаемых опасных явлений увеличилась в 10 и более раз в результате антропогенного влияния» [30]. Такие заключения были сделаны, в частности, на основании следующих явлений:

- рекордные сезонные и годовые температуры в США в 2012 году и в Австралии в 2013 году;

- жаркие летние месяцы в восточной Азии и в западной Европе в 2013 году;

- теплые волны весной и осенью в 2014 году в Австралии;

- рекордное годовое тепло в Европе в 2014 году и теплые волны в Аргентине в декабре 2013 года.

«Было выявлено несколько значительных прямых связей с антропогенным влиянием, хотя в некоторых случаях было установлено, что температурные аномалии поверхности мирового океана играют определенную роль в

форсировании циркуляционных сдвигов, которые способствовали экстремальным осадкам. Например, постоянная повышенная средняя температура в тропических районах западной части Тихого океана способствует увеличению риска засухи в Восточной Африке.

Во многих случаях – включая наводнения в Юго-Восточной Азии в 2011 году, засуху на юге Бразилии в 2013–2015 годах и очень влажную зиму в Соединенном Королевстве в 2013–2014 годах – не было выявлено четких доказательств антропогенного влияния на эти события. Но в то же время в некоторых других случаях (например, выпадение тяжёлых осадков в Юго-восточной Австралии в марте 2012 года), было обнаружено некоторое антропогенное влияние, но не на том уровне, на котором его можно было бы уверенно отделить от фоновой естественной изменчивости» [30].

Таким образом, можно заключить: учёные отмечают устойчивые тенденции антропогенного воздействия на изменение климата за отчётный период, но в то же время крайне взвешенно, объективно и доказательно подходят к обоснованию непосредственных связей тех или иных произошедших климатических аномалий и катаклизмов с антропогенным влиянием на чрезвычайно сложную климатическую систему Земли.

6. ВМО в своих заявлениях подвела неутешительный итог антропогенной деятельности

Возвращаясь к замечательному афоризму австрийского философа Людвиг Витгенштейна – «проблемы решаются не через приобретение нового опыта, а путём упорядочения уже давно известного», – поставленному эпиграфом к данной статье, из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1) Обо всех пагубных явлениях и последствиях воздействия деятельности человечества на климат и окружающую среду было известно очень давно. И об этом во весь голос настойчиво сообщали миру очень многие учёные и прогрессивные политические и общественные деятели, многочисленные экологические организации и защитники природы и окружающей среды [см.: 2]. Но к их голосу мало прислушивались. И вот налицо результат и тот далеко не утешительный итог, который подвела ВМО в своих заявлениях относительно воздействия человечества на климатическую систему Земли.

2) Представленные в статье прекрасные фотографии, сделанные с помощью спутников из космоса, запечатлевшие экстремальные погодные явления, в сопоставлении с фактами, изложенными в заявлениях ВМО, парадоксальным образом свидетельствуют: выдающиеся успехи цивилизации в освоении космического пространства и достижения технического прогресса странным и непостижимым образом уживаются с проявлениями видимой беспомощности и неспособности человечества решать комплекс жизненно важных проблем, от которых зависит будущее всей планеты и жизни на Земле.

3) Факты, изложенные в предварительном заявлении ВМО о состоянии климата в 2015 году и в Дополнительном предварительном Заявлении ВМО о состоянии и климата пятилетнего периода 2011–2015 гг., представленные участникам Парижской конференции по климату до начала переговоров:

- убедительно подтверждают необходимость принятия мировым сообществом неотложных и решительных мер для предотвращения дальнейших опасных негативных последствий изменения климата и необходимости радикального сокращения глобальной эмиссии парниковых газов, что должно было быть соответствующим образом отражено в принятом на Парижской конференции соглашении по климату;

- полностью соответствуют прогнозам 5-го Доклада МГЭИК и других предыдущих 4-х докладов МГЭИК;

- в обобщённом виде представляют консолидированное мнение большинства авторитетных учёных и научных организаций, исследующих проблемы изменения климата;

- подтверждают удачное метафорическое высказывание Генерального секретаря ВМО Мишеля Жарро, нацеливающее цивилизацию на необходимость максимально снизить и по возможности довести до нуля страшную, пугающую скорость нашего движения в неизведанную, полную огромной опасности территорию. Если с этого опасного пути человечеству не удастся в самое ближайшее время свернуть и направиться, по образному выражению исполнительного секретаря РКИК ООН Кристины Фигерес, «к будущему с безопасным климатом», то значительно возрастёт вероятность приближения цивилизации к глобальной экологической катастрофе.

Заключение

Таким образом, подводя итог данной работе, можно с уверенностью утверждать, что:

- учёные в тесном взаимодействии с ООН и ВМО сделали всё от них зависящее, предъявив строго доказанные факты антропогенного влияния на изменения климата, чтобы ещё – в который уже раз – перед началом Парижской конференции по климату 2015 предупредить политиков, мировую общественность и всех участников конференции о «states of affairs» – об очень сложном положении дел с глобальным состоянием климата и окружающей среды;

- ВМО посредством изложенных в своих заявлениях убедительных фактов и обобщений недвусмысленно и прямо поставила перед Парижской конференцией вопрос о необходимости принятия в 2015 году такого всеобъемлющего соглашения по климату, которое было бы адекватно существующим глобальным экологическим вызовам и угрозам.

Исходя из этого, в «логическом пространстве» фактов и следствий, вытекающих из итогов КС–21, предстоит в будущем в рамках предполагаемого междисциплинарного исследования:

- выявить достижения и недостатки принятого Парижской конференции по климату 2015 года глобального соглашения по климату;

- рассмотреть и исследовать возможности принятия мировым сообществом в будущем необходимых и эффективных мер по достижению намеченных Парижской конференции целей;

- разработать пути выхода из тупика цивилизации, обусловленного глобальным экологическим кризисом и угрозой изменения климата;
- привлечь широкие круги научной общественности к разработке мега-проекта будущего человечества и России в свете решения проблем глобального экологического кризиса и итогов Парижской конференции по климату [см.: 2; 3].

Список литературы

1. Малкин И. Г. Парижская конференция по климату 2015: надежда на действия // Монтажные и специальные работы в строительстве. – 2016. – № 2. – С. 6–14.
2. Малкин И. Г. Изменение климата – великий вызов нашего времени // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе [Электронный ресурс]. – 2014. – № 2. – С. 39–66. Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1096> (дата обращения: 01.02.2017).
3. Малкин И. Г. Экологический кризис и пути его разрешения // Материалы Международной конференции «В. И. Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке». Том III, Часть XI. Вернадский и XXI век: прогнозы. – СПб. – 2013. – С. 473–486.
4. Малкин И. Г. Изменение климата. Подтверждение новыми научными фактами 5-го Доклада МГЭИК // Монтажные и специальные работы в строительстве. – 2015. – № 4. – С. 6–11.
5. Малкин И. Г. 2014 год: Глобальное потепление продолжается // Монтажные и специальные работы в строительстве. – 2015. – № 5. – С. 2–7.
6. Завьялова М. П. Методы научного исследования: учебное пособие. – Томск: ТПУ, 2007. – 160 с.
7. Малкин И. Г. Новая индустриализация России – главная задача страны в XXI веке // Монтажные и специальные работы в строительстве. – 2014. – № 1. – С. 2–11.
8. COP21 2015 Paris Le Bourget – Conference Center – United Nations conference on climate change. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/UN-Klimakonferenz_in_Paris_2015#/media/File:COP21_2015_Paris_Le_Bourget_-_Conference_Center_-_United_nations_conference_on_climate_change.jpg (accessed 01 February 2017).
9. Find out more about COP21. Available at: <http://www.cop21paris.org/about/cop21> (accessed 01 February 2017).
10. Global Response to Climate Change Keeps Door Open to 2 Degree C Temperature Limit. Available at: <http://newsroom.unfccc.int/unfccc-newsroom/indc-synthesis-report-press-release/> (accessed 01 February 2017).
11. Levin K., Fransen T. With Latest Climate Commitments, How Much Will the World Warm? It's Complicated. Available at: <http://www.wri.org/blog/2015/11/latest-climate-commitments-how-much-will-world-warm-its-complicated> (accessed 01 February 2017).

12. COP21: On Eve of UN Climate Conference, Ban Says ‘Time for Action Is Now’. Available at: <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=52682#.WPkcFCIvVm4> (accessed 01 February 2017).
13. Met Office. Available at: <https://www.gov.uk/government/organisations/met-office> (accessed 01 February 2017).
14. The Forecast for Scotland: Wet, Wet, Wet. Available at: <http://www.scotsman.com/news/the-forecast-for-scotland-wet-wet-wet-1-674373> (accessed 01 February 2017).
15. WMO: 2015 Likely to Be Warmest on Record, 2011–2015. Warmest Five Year Period. Available at: <http://public.wmo.int/en/media/press-release/wmo-2015-likely-be-warmest-record-2011-2015-warmest-five-year-period> (accessed 01 February 2017).
16. Greenhouse Gas Concentrations Hit Yet Another Record. Available at: <https://public.wmo.int/en/media/press-release/greenhouse-gas-concentrations-hit-yet-another-record> (accessed 01 February 2017).
17. WMO Greenhouse Gas Bulletin № 11. Available at: http://library.wmo.int/pmb_ged/ghg-bulletin_11_en.pdf (accessed 01 February 2017).
18. Climate Change 2013. The Physical Science Basis. Summary for Policymakers. Available at: https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/wg1/WGIAR5_SPM_brochure_en.pdf (accessed 01 February 2017).
19. The Southern Annular Mode (SAM). Available at: <http://www.bom.gov.au/climate/enso/history/ln-2010-12/SAM-what.shtml> (accessed 01 February 2017).
20. Alaska Charred: Image of the Day – NASA Earth Observatory. Available at: <https://earthobservatory.nasa.gov/IOTD/view.php?id=86536> (accessed 01 February 2017).
21. Development of the Moderate Resolution Imaging Spectroradiometer (MODIS) Protoflight Model. Available at: https://www.researchgate.net/publication/253207719_Development_of_the_Moderate_Resolution_Imaging_Spectroradiometer_MODIS_protoflight_model (accessed 01 February 2017).
22. Hurricane Patricia: 12 Stunning Meteorological Images. Available at: <https://weather.com/storms/hurricane/news/stunning-meteorological-images-hurricane-patricia> (accessed 01 February 2017).
23. Powerful Typhoon “Soudelor” to Make Landfall over Central Taiwan on August 7, 2015. Available at: <https://watchers.news/2015/08/07/powerful-typhoon-soudelor-to-make-landfall-over-central-taiwan-on-august-7-2015/> (accessed 01 February 2017).
24. Saffir-Simpson Hurricane Wind Scale. Available at: <http://www.nhc.noaa.gov/aboutsshws.php> (accessed 01 February 2017).
25. Tree Damage in Taipei Following Soudelor on August 2015. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Typhoon_Soudelor#/media/File:Taipei_after_Typhoon_Soudelor_2015_13.jpg (accessed 01 February 2017).

26. Amerika'da Pam kasırgası. Available at: <http://www.brtk.net/amerikada-pam-kasırgası/> (accessed 01 February 2017).
27. Pam (Southern Pacific Ocean). Available at: <https://www.nasa.gov/content/goddard/pam-southern-pacific-ocean/#.V-313MIU5ph> (accessed 01 February 2017).
28. Tropical Cyclone Pam (17P) off New Zealand. Available at: <https://lance.modaps.eosdis.nasa.gov/cgi-bin/imagery/single.cgi?image=Pam.A2015074.0205.2km.jpg> (accessed 01 February 2017).
29. GISS Surface Temperature. Available at: http://data.giss.nasa.gov/gistemp/faq/abs_temp.html (accessed 01 February 2017).
30. Provisional Statement on the Status of Global Climate in 2011–2015. Available at: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/WMO2011-2015.final_0.pdf (accessed 01 February 2017).
31. 5 Natural Disasters That Beg for Climate Action. Available at: <https://www.oxfam.ca/grow/learn/issues/climate-change/5-natural-disasters> (accessed 01 February 2017).
32. Smoke and Fires in Sumatra. Available at: <https://earthobservatory.nasa.gov/NaturalHazards//view.php?id=86596> (accessed 01 February 2017).

References

1. Malkin I. G. Parisian Conference on Climate 2015: Hope for Actions [Parizhskaya konferentsiya po klimatu 2015: nadezhda na deystviya]. *Montazhnye i spetsialnye raboty v stroitelstve* (Installation and Special Works in Construction), 2016, № 2, pp. 6–14.
2. Malkin I. G. Climate Change Is a Great Challenge of Our Time [Izmenenie klimata – velikiy vyzov nashego vremeni]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve* (Philosophy and Humanities in the Information Society). № 2, 2014, pp. 39–66. Available at: <http://fikio.ru/?p=1096> (accessed 01 February 2017).
3. Malkin I. G. Ecological Crisis and How to Solve It. [Ekologicheskiy krizis i puti ego razresheniya]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii “V. I. Vernadskiy i noosfernaya paradigma razvitiya obschestva, nauki, kultury, obrazovaniya i ekonomiki v XXI veke”*, Tom III, Chast XI. *Vernadskiy i XXI vek: prognozy* (Proceedings of International Conference “Vernadsky V. I. and Nosphere Pradigm of the Social Development, Science, Culture, Education and Economy in the XXI Century”). Saint Petersburg, 2013, pp. 473–486.
4. Malkin I. G. The Climate Change. Confirmation of New Scientific Facts 5 of the IPCC Report [Izmenenie klimata. Podtverzhdenie novymi nauchnymi faktami 5 Doklada MGEIK]. *Montazhnye i spetsialnye raboty v stroitelstve* (Installation and Special Works in Construction), 2015, № 4, pp. 6–11.
5. Malkin I. G. Year 2014: Global Warming Continues [2014 god: Globalnoe poteplenie prodolzhaetsya]. *Montazhnye i spetsialnye raboty v stroitelstve* (Installation and Special Works in Construction), 2015, № 5, pp. 2–7.

6. Zavyalova M. P. *Methods of Scientific Research* [*Metody nauchnogo issledovaniya*]. Tomsk, TPU, 2007, 160 p.

7. Malkin I. G. *The New Industrialization of Russia – the Main Task of the Country in the XXI Century* [Novaya industrializaciya Rossii – glavnaya zadacha strany v XXI veke]. *Montazhnye i spetsialnye raboty v stroitelstve* (Installation and Special Works in Construction), 2014, № 1, pp. 2–11.

8. *COP21 2015 Paris Le Bourget – Conference Center – United Nations conference on climate change*. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/UN-Klimakonferenz_in_Paris_2015#/media/File:COP21_2015_Paris_Le_Bourget_-_Conference_Center_-_United_nations_conference_on_climate_change.jpg (accessed 01 February 2017).

9. *Find out more about COP21*. Available at: <http://www.cop21paris.org/about/cop21> (accessed 01 February 2017).

10. *Global Response to Climate Change Keeps Door Open to 2 Degree C Temperature Limit*. Available at: <http://newsroom.unfccc.int/unfccc-newsroom/indc-synthesis-report-press-release/> (accessed 01 February 2017).

11. Levin K., Fransen T. *With Latest Climate Commitments, How Much Will the World Warm? It's Complicated*. Available at: <http://www.wri.org/blog/2015/11/latest-climate-commitments-how-much-will-world-warm-its-complicated> (accessed 01 February 2017).

12. *COP21: On Eve of UN Climate Conference, Ban Says 'Time for Action Is Now'*. Available at: <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=52682#.WPkcFCIvVm4> (accessed 01 February 2017).

13. *Met Office*. Available at: <https://www.gov.uk/government/organisations/met-office> (accessed 01 February 2017).

14. *The Forecast for Scotland: Wet, Wet, Wet*. Available at: <http://www.scotsman.com/news/the-forecast-for-scotland-wet-wet-wet-1-674373> (accessed 01 February 2017).

15. *WMO: 2015 Likely to Be Warmest on Record, 2011–2015. Warmest Five Year Period*. Available at: <http://public.wmo.int/en/media/press-release/wmo-2015-likely-be-warmest-record-2011-2015-warmest-five-year-period> (accessed 01 February 2017).

16. *Greenhouse Gas Concentrations Hit Yet Another Record*. Available at: <https://public.wmo.int/en/media/press-release/greenhouse-gas-concentrations-hit-yet-another-record> (accessed 01 February 2017).

17. *WMO Greenhouse Gas Bulletin № 11*. Available at: http://library.wmo.int/pmb_ged/ghg-bulletin_11_en.pdf (accessed 01 February 2017).

18. *Climate Change 2013. The Physical Science Basis. Summary for Policymakers*. Available at: https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/wg1/WGIAR5_SPM_brochure_en.pdf (accessed 01 February 2017).

19. *The Southern Annular Mode (SAM)*. Available at: <http://www.bom.gov.au/climate/enso/history/ln-2010-12/SAM-what.shtml> (accessed 01 February 2017).

20. *Alaska Charred: Image of the Day* – NASA Earth Observatory. Available at: <https://earthobservatory.nasa.gov/IOTD//view.php?id=86536> (accessed 01 February 2017).
21. *Development of the Moderate Resolution Imaging Spectroradiometer (MODIS) Protoflight Model*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/253207719_Development_of_the_Moderate_Resolution_Imaging_Spectroradiometer_MODIS_protoflight_model (accessed 01 February 2017).
22. *Hurricane Patricia: 12 Stunning Meteorological Images*. Available at: <https://weather.com/storms/hurricane/news/stunning-meteorological-images-hurricane-patricia> (accessed 01 February 2017).
23. *Powerful Typhoon “Soudelor” to Make Landfall over Central Taiwan on August 7, 2015*. Available at: <https://watchers.news/2015/08/07/powerful-typhoon-soudelor-to-make-landfall-over-central-taiwan-on-august-7-2015/> (accessed 01 February 2017).
24. *Saffir-Simpson Hurricane Wind Scale*. Available at: <http://www.nhc.noaa.gov/aboutsshws.php> (accessed 01 February 2017).
25. *Tree Damage in Taipei Following Soudelor on August 2015*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Typhoon_Soudelor#/media/File:Taipei_after_Typhoon_Soudelor_2015_13.jpg (accessed 01 February 2017).
26. *Amerika'da Pam kasırgası*. Available at: <http://www.brtk.net/amerikada-pam-kasirgasi/> (accessed 01 February 2017).
27. *Pam (Southern Pacific Ocean)*. Available at: <https://www.nasa.gov/content/goddard/pam-southern-pacific-ocean/#.V-313MIU5ph> (accessed 01 February 2017).
28. *Tropical Cyclone Pam (17P) off New Zealand*. Available at: <https://lance.modaps.eosdis.nasa.gov/cgi-bin/imagery/single.cgi?image=Pam.A2015074.0205.2km.jpg> (accessed 01 February 2017).
29. *GISS Surface Temperature*. Available at: http://data.giss.nasa.gov/gistemp/faq/abs_temp.html (accessed 01 February 2017).
30. *Provisional Statement on the Status of Global Climate in 2011–2015*. Available at: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/WMO2011-2015.final_0.pdf (accessed 01 February 2017).
31. *5 Natural Disasters That Beg for Climate Action*. Available at: <https://www.oxfam.ca/grow/learn/issues/climate-change/5-natural-disasters> (accessed 01 February 2017).
32. *Smoke and Fires in Sumatra*. Available at: <https://earthobservatory.nasa.gov/NaturalHazards//view.php?id=86596> (accessed 01 February 2017).

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 37.014.4

Влияние культуры на ценностные установки молодёжи в эпоху информационного общества*

Карпухин Сергей Васильевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)», кафедра философии, доктор философских наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: karpukhin.s@yandex.ru

190013, Россия, Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 26,
тел.: 8(921)899-89-33.

Колокольцева Наталья Борисовна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», кафедра социологии и религиоведения, аспирант, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: NBKo@yandex.ru

191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48,
тел.: 8(911)007-59-06.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Сегодня информационные технологии становятся неотъемлемой составной частью жизни общества, играя большую роль в формировании ценностных установок людей, и в особенности молодёжи как наиболее восприимчивой аудитории. С каждым годом вопрос о влиянии культуры на этот процесс привлекает всё больше исследователей, поскольку данная тема становится в высшей степени актуальной. Кроме того, культура является не только значимой областью деятельности, но и условием успешного духовного и экономического развития общества. Поэтому механизмы её воздействия на развитие цивилизации в целом требуют подробного изучения.

Результаты: Среди проблем, возникающих в информационном обществе, в число наиболее актуальных в настоящее время входят следующие: преувеличенное значение массовой культуры, высокая степень её влияния на молодёжь и отсутствие у молодых людей умения грамотного обращения с информацией. Основные информационные послы, содержащиеся в элементах массовой культуры, ориентируют скорее на потребление и копирование, чем на формирование умения создавать новое, и задают тем самым ложные цели в молодежной среде. Это приводит к замедлению развития общества в целом, к возникновению сложностей в процессе социализации молодёжи, не в

* © С. В. Карпухин, Н. Б. Колокольцева, 2017.

последнюю очередь влияя на душевное и физическое здоровье подрастающего поколения.

Область применения результатов: Выводы, сделанные в этой статье, могут быть использованы как при исследовании особенностей информационного общества, прежде всего в аспекте анализа вопросов социально-педагогической коррекции формирования ценностных установок молодежи, а также при изучении духовного и экономического развития общества.

Выводы: В качестве возможных вариантов решений проблемы можно назвать популяризацию традиционной культуры с помощью использования медийных инструментов, характерных для массовой культуры, а также создание новых направлений в духовной жизни общества в целом. Эти направления могли бы объединить культуры нескольких возрастных групп, способствуя тем самым взаимному развитию и обогащению последних. На повестку дня выходит требование обучения молодых людей навыкам мышления и критической оценки информации в качестве задачи не только семейного воспитания, но и всей образовательной системы в целом.

Ключевые слова: социальные ценности; информационное общество; молодёжь; межкультурная коммуникация; культура.

The Influence of Culture on Young People's Values in the Era of Information Society

Karpukhin Sergey Vasilevich – St. Petersburg State Technological Institute (Technical University), Philosophy Department, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: karpukhin.s@yandex.ru
26, Moskovsky prospect, Saint Petersburg, 190013, Russia,
tel.: 8(812)494-95-35.

Kolokoltseva Natalya Borisovna – The Herzen State Pedagogical University of Russia, Department of Sociology and Religious Studies, post-graduate student, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: NBKo@yandex.ru
48, Embankment of the Moika River, Saint Petersburg, 191186, Russia,
tel.: 8 (911) 007-59-06.

Abstract

Background: Nowadays information is becoming an integral and important component of society's life. It plays a significant role in people's value formation, especially young people as the most responsive audience. More and more researchers study the influence of culture on this process, since this topic becomes the most relevant. In addition, culture is not only a significant sphere of activity, but also a condition for the successful intellectual and economic development of society, so the mechanisms for its impact on society require detailed study.

Results: Among the challenges that arise in information society, the most relevant are as follows: the exaggerated importance of mass culture, the high degree of its influence on the young and the lack of young people's ability to elicit information correctly. The main information messages contained in the elements of mass culture focus on consumption and copying rather than on the formation of the ability to create something new, thus setting false goals in the youth environment. This leads to a slowdown in the development of society as a whole, to the emergence of difficulties in the process of young people's socialization, not least affecting the mental and physical health of the younger generation.

Research applications: The conclusions made in this article can be used both in researching the features of information society, primarily in the aspect of analyzing the issues of socio-educational correction in young people's value formation, and in studying the intellectual and economic development of society.

Conclusion: Possible solutions to the problem include the popularization of traditional culture using media tools that are characteristic of mass culture, as well as the creation of new styles in the intellectual life of society as a whole. This could unite the cultures of several age groups, thereby contributing to their mutual development. The demand for teaching young people cognitive skills and critical evaluation of information is high on the agenda. It is a task not only for family education, but also for the whole educational system.

Keywords: social values; information society; young people; intercultural communication; culture.

В современном мире информация играет всё более весомую роль. С постоянным увеличением числа контактов между людьми увеличивается и её количество. В последние несколько лет специалисты всё чаще обращаются к такому понятию, как информационное общество – это стадия развития социума, характеризующаяся особенно важным экономическим и социальным значением информации, когда большая часть населения занята её хранением и переработкой.

Несколько лет назад Мартин Гильберт из Университета Южной Калифорнии совместно с коллегами провёл исследование, в ходе которого было установлено, что в среднем человек ежедневно получает такое количество информации, которое равно содержанию 174 газет, тогда как 30 годами ранее этот показатель составлял всего 40 изданий [5]. Поскольку исследование охватывает период с 1986 по 2007 год, можно предположить, что на сегодняшний день эти объёмы значительно увеличились. Такое огромное количество информации и степень её важности подтверждают не просто значимость информационной составляющей в жизни современного человека, но также её влияние на ценностные установки общества. Именно поэтому в настоящее время эта тема становится всё более актуальной, и всё больше учёных занимаются исследованиями в этой области. Это А. М. Багаутдинов, В. А. Воронина, И. В. Куприянов, В. А. Луков, О. Б. Скородумова и другие.

Для того чтобы более подробно рассмотреть влияние культуры на ценностные установки общества, приведём определение этого понятия. Культура – это индивидуальная для каждого отдельно взятого общества совокупность материальных и духовных ценностей, сложившаяся исторически и являющаяся основой для формирования морально-нравственных ценностей и поведенческих норм данного социума [2, с. 97]. Однако в контексте информационного общества наряду с этим понятием часто используется термин «массовая культура». Она отражает интересы большинства людей и в то же время принимает максимально доступную форму для простоты и удобства её восприятия. С одной стороны, она позволяет понятно и доступно перенести ценности одной культуры в другую, некоторым образом способствуя их интеграции. С другой стороны, большинство исследователей склоняются к тому, что массовая культура скорее замедляет духовное и творческое развитие общества вследствие использования практически одинаковых шаблонов. Кроме того, основная информация, которая передаётся с её помощью, носит поверхностный характер, ориентируя аудиторию на удовлетворение сиюминутных желаний и на потребительский образ жизни в целом.

Необходимо отметить, что этому влиянию особенно подвержена молодёжь как наиболее восприимчивая часть общества, в большинстве своём не имеющая чётких ориентиров развития и достаточно устойчивых жизненных принципов. Здесь проблемой является не только высокая степень возможности переориентации на другие культуры и отрицание своей, но и установление ложной цели, «навязанной» массовой культурой, а также гипертрофированность присущих ей негативных сюжетов [3, с. 25]. Кроме того, массовая культура представлена в формах, не требующих глубокого вовлечения или понимания, то есть уровень развития, необходимый для её восприятия, значительно снижается. Это приводит не только к ослаблению эмпатии у молодёжи, но и к сложностям социализации [3, с. 25] и даже к проблемам со здоровьем – зачастую в стремлении соответствовать общепринятым стандартам подростки либо вводят для себя жёсткие пищевые ограничения, либо дают несоизмеримую с их возрастом физическую нагрузку, что приводит к серьёзным последствиям. Такое стремление можно назвать вполне естественным, поскольку необходимость достаточно сложного самопознания заменяется простым копированием внешних атрибутов популярных и успешных людей [6].

Если же говорить о развитии общества в целом, то необходимо отметить, что культура оказывает огромное влияние не только на духовную сферу, но и на экономику. Многие исследователи задавались вопросом: «Почему народы, имеющие примерно одинаковые условия жизни, по-разному реализуют их и достигают разного уровня благосостояния за один и тот же период времени?» Одной из причин считается фактор развитости культуры, поскольку, во-первых, она является важным элементом социального капитала и создаёт возможность для коммуникации между людьми из разных сфер общества и из разных культур, тем самым способствуя укреплению и обогащению связей [7]. Во-вторых, для устойчивого роста экономики недостаточно просто соблюдения

нескольких основных условий, таких как стабильность политической системы, чёткость выполнения законов и т. д. Немаловажным условием является наличие так называемого нематериального актива, который включает в себя и культуру. Культурные события являются не только способом для укрепления межнациональных связей, но также способствуют личностному росту каждого отдельного человека, что повышает уровень развития общества в целом, поскольку разносторонне развитый человек способен находить неординарные и более эффективные выходы из сложных ситуаций, тем самым способствуя развитию своей компании в частности и общества в целом.

В связи с этим было бы логично предположить, что в эпоху информационного общества, Интернета, когда информация распространяется практически мгновенно, развитие должно идти значительно быстрее. Однако здесь существует своя особенность, которая относится, скорее, к психологии человека – возможность практически неограниченного и моментального доступа к информации используется не всегда и не в полном объёме. В особенности это касается молодёжи. Другими словами, оказываясь перед выбором – посетить развлекательный портал или образовательный, большинство выбирает первый. Имея уникальную (по сравнению с предыдущими периодами) возможность получения образования, саморазвития в интересующем направлении, общения с людьми из разных стран, которое могло бы значительно расширить кругозор, пользователи Сети предпочитают более простую для восприятия информацию. С одной стороны, это объясняется тем, что человек всегда идёт по пути наименьшего сопротивления и выбирает то, на что тратится меньше ресурсов. Однако, с другой стороны, массовая культура как раз и способствует такому решению, когда, по сути, выбор уже сделан.

С точки зрения авторов особенно интересным и пока малоизученным аспектом этого вопроса является феномен так называемых «интернет-мемов», когда одна картинка сопровождается разными подписями или же к стандартному началу фразы подбираются разные концовки. Подобные картинки очень распространены в Сети, и особенной популярностью пользуются у подростков и молодёжи, которая переносит их в сферу межличностного общения. Однако мало кто обращает внимание на то, какое влияние они оказывают на развитие и уровень культуры молодых людей. Популярность таких шуток объясняется в первую очередь тем, что они отражают повседневные ситуации и понятны практически каждому. С этим связана и вторая причина их распространённости – подростки, нуждаясь в социальном одобрении, используют их как средство привлечения внимания ровесников, будучи уверенными, что их поймут и примут в компании. То есть, другими словами, таким образом они находят то общее, некий элемент, который помогает им выстроить отношения в социальной группе. Но у таких картинок и шуток есть один серьёзный минус – они шаблонные. Одинаковые шутки, как следствие, схожие выражения, составляющие схожие разговоры, который поддерживает – не развивает, развивать что-либо можно от простого к сложному, здесь же речь идёт о замене одного популярного слова на другое – а

именно поддерживает шаблонное мышление, которое приводит к шаблонному поведению. По сути, они становятся частью мировоззрения и, следовательно, основой для принятия решений. Несмотря на то, что информационные послы, содержащиеся в таких интернет-мемах, довольно сложно назвать ценностью в общепринятом значении этого слова, они играют большую роль в становлении сознания подростка и становятся если не ценностями, то ориентирами, и в большинстве своём, как уже было отмечено выше, ориентируют скорее на потребление, чем на создание чего-либо.

Здесь мы возвращаемся к одной из проблем массовой культуры, а именно к растущей тенденции копирования поведения других, успешных с точки зрения общества людей. Такая тенденция особенно негативна для молодёжи, поскольку она должна учиться формулировать и аргументированно пояснять собственное мнение, что в информационном обществе зачастую весьма проблематично. Новая эпоха требует более быстрой обработки информации и принятия решения, не позволяя достаточно тщательно проанализировать получаемые данные. Кроме того, их количество с каждым днём увеличивается, в отличие от качества, и если взрослый человек способен ориентироваться в многообразии информации, то для молодёжи это довольно сложная задача. Немногие умеют грамотно работать с информацией, правильно её отбирать, изучать и делать собственные выводы на её основе. Поэтому очень важно не просто дать им правильные ценности и установки, но и научить критически воспринимать информацию и уметь её классифицировать. Если не привить это умение с развитием социально-культурных и гражданских ценностей, может возникнуть крайность – фанатичное следование установкам, которое выражается, в том числе, в проявлениях расизма и агрессии по отношению к людям с иным мнением. Формирование критического мышления – задача не только родителей, но и образования, которое должно быть ориентировано на развитие умения мыслить, а не просто на приобретение знаний, поскольку знать – значит обладать неким количеством фактов, а мыслить – значит находить между ними всё новые и новые связи, причём второй навык зачастую гораздо более важен как для жизни, так и для профессиональной деятельности.

Поскольку изменить условия информационного общества не представляется возможным, необходимо находить пути решения возникающих проблем, пока они еще не приобрели угрожающих масштабов. Общество должно выработать некие ограничения, позволяющие направить информационный поток в нужное русло и способствовать формированию настоящих ценностей у молодёжи. Речь идёт не о том, чтобы полностью запретить массовую культуру – это, во-первых, просто невозможно, а, во-вторых, небезопасно, поскольку высока вероятность получения обратного эффекта – повышения интереса к тому, что будет запрещено. Гораздо эффективнее, с точки зрения авторов, использовать для этой цели такие же инструменты воздействия, которые используются в массовой культуре, несколько изменяя форму подачи. Например, включать в картинки элементы традиционной культуры или создавать новые с их помощью, используя репродукции картин, стихи и т. д. Конечно, о них нельзя говорить как об

инструментах, выполняющих образовательную функцию, но можно утверждать, что при грамотно разработанной концепции они помогут достичь другой цели – заинтересовать подростков и молодёжь и тем самым вовлечь их в процесс познания. При этом важно научить их работать с информацией, и в этом контексте массовая культура может сыграть положительную роль, поскольку при наличии нескольких вариантов у людей существует возможность выбора, которая на данный момент хотя и не отсутствует совсем, но является довольно ограниченной. Проблема состоит в том, что стереотипы оказывают большое влияние на мышление, и изменить их довольно сложно.

Возвращаясь к использованию инструментов массовой культуры, можно привести пример оригинальной социальной кампании по информированию молодёжи об опасностях алкоголизма, которую проводило агентство BETC по заказу одной из организаций. Было решено создать в Instagram аккаунт девушки, в котором регулярно появляются фотографии из её жизни, но при этом на всех снимках присутствует алкоголь. Большинство подписчиков восхищались снимками, не замечая наличия у девушки явной проблемы. Организаторы говорят, что они достигли своей цели, наглядно показав молодым людям, что алкоголизм может стать составной частью их жизни – и, следовательно, проблемой – незаметно для них самих и окружающих [4].

К сожалению, различные формы познания культуры представлены далеко не в одинаковой пропорции. В частности, концерты популярных исполнителей рекламируются значительно шире, чем театральные постановки или выступления артистов других жанров.

Разумеется, изменить стереотипы очень сложно, однако вполне возможно найти выход из ситуации, создав некую альтернативу. Так, в 1970-х гг. в музыке стал формироваться новый жанр – «классический кроссовер», синтез элементов классики и современной музыки. Среди самых ярких представителей этого направления можно отметить трио «Три тенора» (Пласидо Доминго, Хосе Каррерас и Лучано Паваротти), Энрико Карузо, Андреа Бочелли, Алессандро Сафина, Виктора Зинчука, Ванессу Мэй, интернациональный квартет «Il Divo». Подобный жанр позволяет вовлечь максимально широкую возрастную аудиторию, представляя известные музыкальные произведения в современной обработке, что с каждым годом делает его всё более и более популярным. В России он распространён не так широко, однако за последние несколько лет ситуация изменилась, и можно надеяться, что в дальнейшем он получит большую известность. В целом необходимо отметить, что объединение традиционности и современности, как правило, привлекает широкую аудиторию, причём как молодёжи, так и представителей более старшего возраста, что способствует общению между людьми разных поколений и, следовательно, оказывает положительное влияние на формирование ценностных установок молодых людей.

Кроме того, популярностью пользуются и необычные организаторские и дизайнерские решения там, где, казалось, этого меньше всего можно было бы ожидать. Например, необычное оформление библиотеки или общественные проекты, такие, как буккроссинг – свободный обмен книгами, при котором

любой человек может взять любую книгу в обмен на свою в троллейбусе, на пляже и т. д. – везде, где есть специальные места для размещения книг [1].

Подводя итог, можно сделать вывод, что в эпоху информационного общества вопрос влияния культуры на ценностные установки молодёжи становится всё более актуальным и требует не только тщательного исследования, но и поиска оптимальных и эффективных решений возникающих проблем. На сегодняшний день исследования в этом направлении проводятся довольно активно, и, хотя реализовано ещё не так много проектов, они уже приносят свои результаты. Всё это позволяет утверждать, что при дальнейшей работе над вовлечением молодёжи в процесс познания своей культуры и культур других стран можно влиять на формирование ценностей, и, следовательно, на развитие общества в целом.

Список литературы

1. Альтернативные библиотеки // Adme – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adme.ru/tvorchestvo-dizajn/alternativnye-biblioteki-506655/> (дата обращения 05.03.2017).
2. Колокольцева Н. Б. Толерантность и межкультурная коммуникация как факторы развития и укрепления патриотизма в молодёжной среде // Сборник лучших конкурсных работ Всероссийского творческого конкурса научно-исследовательских и творческих работ молодых учёных в 2015 году / Отв. ред. Н. Б. Колокольцева, А. А. Дороговцева, П. Я. Фарберов. – Москва, 2015.
3. Кубякин Е. О. Особенности воздействия массовой культуры на социализацию российской молодежи // Общество: философия, история, культура. – 2011. – № 1–2. – С. 24–27.
4. На всех фото в инстаграмме этой девушки есть одна важная деталь // Adme – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adme.ru/svoboda-psihologiya/na-vseh-foto-v-instagrame-etoj-devushki-est-odna-vazhnaya-detel-1373515/> (дата обращения 05.03.2017).
5. Современный человек получает в день в 5 раз больше информации, чем 30 лет назад / Фактрум – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.factroom.ru/facts/1430> (дата обращения 05.10.2016).
6. Francis X. Hezel S. J. The Role of Culture in Economic Development // Micronesian Counselor. – 2009. – № 77. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.micsem.org/pubs/counselor/frames/culture_economic_developmentfr.htm (дата обращения 05.03.2017).
7. Tylus K. Culture as a Factor of Social and Economic Development – the Polish Experience by Karolina Tylus // Ποιείν Και Πραττείν – Create and Do – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://poieinkaiprattein.org/europe/economy/culture-and-economy/culture-as-a-factor-of-social-and-economic-development---the-polish-experience-by-karolina-tylus/> (дата обращения 05.03.2017).

References

1. Alternative Libraries [*Alternativnye biblioteki*]. Available at: <https://www.adme.ru/tvorchestvo-dizajn/alternativnye-biblioteki-506655/> (accessed 05 March 2017).
2. Kolokoltseva N. B. Tolerance and Intercultural Communication as Factors of Development and Strengthening of Patriotism in the Youth Environment [*Tolerantnost i mezhkulturnaya kommunikatsiya kak faktory razvitiya i ukrepleniya patriotizma v molodezhnoy srede*] *Sbornik luchshikh konkursnykh rabot Vserossiyskogo tvorcheskogo konkursa nauchno-issledovatel'skikh i tvorcheskikh rabot molodykh uchenykh v 2015 godu* (Collected Best Works of the Competition of the National Award in Research and Creative Works of Young Scientists in 2015), Moscow, 2015.
3. Kubyakin E. O. Impact of Mass Culture on the Socialization of Russian Youth [*Osobennosti vozdeystviya massovoy kultury na sotsializatsiyu rossiyskoy molodezhi*] *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kultura* (Society: Philosophy, History, Culture), Krasnodar, 2011, № 1–2, pp. 24–27.
4. There Is One Important Detail in the Girl's Pictures on Instagram [*Na vseh foto v instagramme etoy devushki est odna vazhnaya detal*]. Available at: <https://www.adme.ru/svoboda-psihologiya/na-vseh-foto-v-instagramme-etoy-devushki-est-odna-vazhnaya-detal-1373515/> (accessed 05 March 2017).
5. Modern Man Gets 5 Times More Information a Day than 30 Years Ago [*Sovremennyy chelovek poluchaet v den v 5 raz bolshe informatsii, chem 30 let nazad*]. Available at: <http://www.factroom.ru/facts/1430> (accessed 05 March 2017).
6. Francis X. Hezel S. J. The Role of Culture in Economic Development. *Micronesian Counselor*. – 2009. – № 77. Available at: http://www.micsem.org/pubs/counselor/frames/culture_economic_developmentfr.htm (accessed 05 March 2017).
7. Tylus K. Culture as a Factor of Social and Economic Development – the Polish Experience by Karolina Tylus. *Ποιειν Και Πραττειν – Create and Do*. Available at: <http://poieinkaiprattein.org/europe/economy/culture-and-economy/culture-as-a-factor-of-social-and-economic-development---the-polish-experience-by-karolina-tylus/> (accessed 05 March 2017).

УДК 101.1

Религиоведческое образование в контексте культуры информационного общества*

Селиверстова Нина Андреевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)», кафедра философии, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: nina-seliverst@yandex.ru

190013, Россия, Санкт-Петербург, Московский проспект, дом 26,
тел.: 8(812)494-95-35.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Российское высшее образование последние два десятилетия подвергается постоянному реформированию с целью приведения его в соответствие с основными тенденциями развития информационного общества. Результаты этого процесса сегодня оцениваются неоднозначно и являются предметом острых дискуссий на конференциях преподавателей высшей школы.

Результаты: Реформа высшего образования привела к отказу от принципа тождества образования и культуры, к переходу на принцип тождества образования и специальности. Это значительно снижает кругозор и личностный культурный потенциал студентов технических вузов. Без религиоведческого образования они становятся незащищенным от информационных атак со стороны организаций религиозно-экстремистской и псевдорелигиозной тоталитарной направленности.

Выводы: Технократический мир информационного общества необходимо в технических вузах дополнить миром гуманитарного, в том числе – религиоведческого знания, которое поможет студентам ориентироваться в социальном хаосе информационной цивилизации, пронизанной экономическими, политическими и религиозными конфликтами.

Ключевые слова: реформа высшей школы; религиоведческое образование; информационное общество; студенты; информационные атаки; религиозные организации; тоталитарные секты.

Religious Studies in the Cultural Context of Information Society

Seliverstova Nina Andreevna – St. Petersburg State Technological Institute (Technical University), Department of Philosophy, Ph. D. (Philosophy), Associate Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: nina-seliverst@yandex.ru

* © Н. А. Селиверстова, 2017.

26, Moskovsky prospect, Saint Petersburg, 190013, Russia,
tel .: 8 (812) 494-95-35.

Abstract

Background: Russian higher education has undergone constant reform over the last two decades to bring it into line with the main trends in the development of information society. The results of this process are assessed ambiguously and are the subject of heated discussions at conferences on higher school education.

Results: The reform of higher education has rejected the principle of the identity of education and culture, and has led to the transition to the principle of the identity of education and qualification. This greatly reduces the horizons and personal cultural potential of technical university students. Without religious studies, they become vulnerable to information attacks by organizations of religious extremist and pseudo-religious totalitarian orientation.

Conclusion: The technocratic world of information society in technical universities needs to be supplemented with the humanitarian, religious knowledge being included. This will help students navigate the social chaos of the information civilization permeated with economic, political and religious conflicts.

Keywords: higher school reform; religious education; information society; students; information attacks; religious organizations; totalitarian sects.

Сегодня человечество вступило в новую стацию своего развития, именуемую «информационной цивилизацией». Как следствие, происходят глубинные изменения всех сфер социума, в том числе – культуры.

Культура каждой эпохи в истории человечества стремится к сущностному самоосознанию и самоопределению. «Кто мы, откуда и куда идем?» – вечные, сакраментальные вопросы, на которые каждому новому поколению людей приходится отвечать заново. И это не случайно, ибо «выбирая», то есть «самоопределяя» свою культуру, человек тем самым выбирает и себя – свою сущность, свое назначение в этом мире, жизненные цели, ориентиры, идеалы. Непреходящий интерес к будущему и упорное стремление мыслителей предугадать возможные его параметры, выявить тенденции социокультурного развития детерминирован не простым любопытством заглянуть за пределы наличной реальности. За этим скрывается, прежде всего, попытка человека предугадать свою судьбу, но не личную, индивидуальную, а родовую судьбу человека: куда мы идем, чем станем, останется ли «человечное в человеке»?

Информационное общество – общество, где ведущую роль играет информация, знания. Следовательно, культура информационного общества – это, прежде всего, информационная культура, культура знаний. И поскольку содержанием новой социокультурной реальности становится процесс «возделывания» знаний, их производства и потребления, одним из важнейших факторов становления нового общества является процесс образования.

Радикальные трансформации в развитии социума – как в масштабе человечества, так и в рамках одной страны – всегда воспринимались системой образования как очередной «вызов», на который необходимо своевременно и

адекватно отреагировать. Иначе система образования не сможет выполнить свою «культурогенную» функцию формирования человека.

Дабы соответствовать основным векторам развития культуры информационного общества, Россия активно включилась в процесс реформирования образования всех уровней.

Активное внедрение инноваций в образовательный процесс осуществлялось по нескольким векторам:

- техническому (Интернет, дистанционное обучение, мультимедийные технологии и т. п.);

- методическому (компетентностный подход, интерактивные формы обучения, создание «проективных портфолио» и пр.);

- организационному (переход на трёхуровневую систему: бакалавриат – магистратура – аспирантура, по аналогии с западными моделями образования в вузах; в школах – введение ЕГЭ);

- содержательному (отмена некоторых учебных дисциплин, «непрофильных» для вуза – например, психологии, религиоведения, культурологии – или «незначимых» для школы – например, астрономии).

Большинство этих инноваций были заимствованы из систем образования «западных» стран. Поскольку в них процесс компьютеризации и внедрения информационных технологий начался раньше, чем в нашей стране, они представлялись российским реформаторам «более цивилизованными», более соответствующими стандартам культуры информационного общества.

Анализируя проблемы, вызванные реформой образования, следует обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, произошла трансформация не только в сфере «тактики образования» (использование информационных технологий и т. п.), но и в «стратегии образования», которая, отказавшись от принципа тождества образования и культуры, перешла на принцип тождества образования и специальности, что значительно снижает кругозор и личностный культурный потенциал потребителей образования.

В структуре образования, независимо от эпохи, всегда отчетливо проявлялись две тенденции: утилитарная и общекультурная. С древнейших времён образование – это подготовка грамотных специалистов для конкретной сферы деятельности и одновременно – приобщение студента к миру культуры, к системе ценностных ориентаций, формирующих его как полноценную личность.

Однако в современном практически ориентированном, меркантильном технократическом мире доминирует стремление учить и учиться только тому, что может принести материальную выгоду и практическую пользу. Причем сначала эта ориентация в сфере высшего образования возникла в XX веке на Западе (который рассматривался нашими отечественными реформаторами как пример для подражания). Но именно в тот период известный американский ученый и президент Чикагского университета Роберт Хатчинс в статье «Атомная бомба и образование» выступил с резкой критикой тенденции снижения значимости гуманитарных дисциплин при подготовке специалистов

технического профиля, утверждая, что тем самым общество выращивает узко образованных, но малокультурных специалистов, способных разрушить породившую их цивилизацию. Аналогичные идеи в тот же период можно найти у Ортеги-и-Гассета. По меткому выражению испанского мыслителя, выпускники технических вузов, будучи хорошими профессионалами и перспективными молодыми учёными, остаются по уровню общей культуры всего лишь «образованными варварами» [2, с. 172]. В российском научном сообществе также высказывались опасения в связи с сокращением гуманитарной подготовки инженеров-технологов. Так, академик В. С. Стёпин предостерегал, что в результате «деформации гуманитарной компоненты» в ходе реформы высшего образования «может произойти вырождение элит, способных грамотно и эффективно управлять страной» [5, с. 373]. Почётный президент Международной федерации философских обществ и Международного института философии, иностранный член РАН Эвандро Агацци отмечает, что в настоящем «обществе знаний» будет востребована не только дигитализированная информация, быстро приносящая доход (как это происходит в настоящее время). «...Конечно, – продолжает он, – нам нужно сегодня двигаться к обществу, основанному на знаниях, но при условии, что мы включим в эту “основу” также и те виды знания, которыми, к сожалению, склонны пренебрегать как “бесполезными”. Они бесполезны в самом грубом и прагматическом смысле, но они драгоценны и неоценимы с более общей точки зрения *лучшего* общества для нас и наших потомков» [1, с. 18].

Тем не менее, тенденция «утилитарно-меркантильного» подхода к образованию победила, что во многом детерминировано именно спецификой современного информационного общества, техногенного по своей сути, с его культом научно-технического прогресса и информационных технологий.

Во-вторых, сегодня, подводя предварительные итоги развития информационной эпохи, исследователи всё чаще критикуют технократический детерминизм и оптимизм концепций информационного общества, обращая внимание на серьёзные противоречия в сфере культуры [3, с. 175], в том числе – и в сфере образования, где неограниченный доступ к любой информации через Интернет оборачивается зачастую «псевдообразованием» и деформациями личностного начала в потребителе информации.

В связи с этим академик В. С. Стёпин не случайно обозначил как приоритетную проблему сохранения человеческой личности в условиях научно-технического прогресса, поскольку «ускоренное развитие техногенной цивилизации делает весьма сложной проблему социализации и формирования личности. Постоянно меняющийся мир обрывает многие корни, традиции... Человек, усложняя свой мир, всё чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует... Чем больше он преобразует мир, тем в большей мере он порождает непредвиденные социальные факторы, которые начинают формировать структуры, радикально меняющие человеческую жизнь и очевидно ухудшающие её» [6, с. 146].

Реформа высшего образования, существенно сократив учебные часы на некоторые гуманитарные дисциплины в технических вузах и вообще отменив

другие, создала проблемы в социокультурной сфере информационного общества, сделав молодого человека беспомощным в море информации. Перед молодыми людьми, не имеющими религиозного образования, сегодня стоит нелёгкая задача определения собственной позиции в мировоззренческой разноголосице, которую обрушивают на них СМИ и Интернет.

В прошлом студент обычно выступал как пассивная сторона образовательного процесса; активность практически полностью была на стороне преподавателя, который в соответствии с программой дисциплины «дозировал» учебную информацию в процессе занятий, рекомендуя студенту необходимую для освоения литературу. «Опасные» для неокрепшего менталитета молодого человека издания в вузовских библиотеках отсутствовали, да и вся система многочисленных социогуманитарных дисциплин создавала своего рода «мировоззренческий барьер противоядия» от деструктивных идей и учений.

В этом аспекте современную доступность информации, ничем неограниченную активность студента в поисках ее источника нельзя однозначно оценивать только позитивно, как достижение информационной культуры. Одно дело, если речь идет о дисциплинах «точных» – физико-математического или технико-технологического профиля, содержание которых, использование специального научного языка, их математизация исключает двусмысленность трактовки. Самостоятельно овладеть этим комплексом информации студент, как правило, не в состоянии. Процесс освоения данных дисциплин в вузе проходит под руководством преподавателя, как на лекциях, так и на практических занятиях (в лабораториях). Погружение в Интернет с целью поиска дополнительной информации по «точным» наукам студенту ничем не угрожает, а СМИ подобного рода информацию просто не публикуют.

Иначе обстоит дело с гуманитарным знанием. Его концепции не поддаются эмпирической проверке, т. е. не верифицируются и не фальсифицируются, что допускает существование множества «гуманитарных истин», каждая из которых может вполне оправдываться собственной позицией человека, или может быть навязана опытным идейным манипулятором; содержание философских, религиозных, нравственных и др. доктрин может быть изложено в терминах быденного языка, что делает их доступными для восприятия молодыми людьми, а при удачной аргументации, подкрепляющей содержание этих учений, обеспечивает их некритическое восприятие.

Между тем, необходимо помнить, что гуманитарное образование в технических вузах выступает как основной транслятор культуры личности и несёт ответственность, в соответствии с компетентностным подходом, за способность студентов:

– «...использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции» (ОК-1);

– «...анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции» (ОК-2);

– «...обосновывать научную картину мира на основе знаний о современном состоянии естественных, философских и социально-гуманитарных наук» (ОПК-3).

Если учесть, что в технических вузах большинство студентов из мировоззренческих дисциплин изучают только историю Отечества и философию, то становится совершенно очевидным тот факт, что сформировать предложенные министерством образования общекультурные и общепрофессиональные компетенции в рамках существующей сетки аудиторных часов они просто не смогут.

К примеру, философии по учебному плану в технических вузах отводится 144 часа; из них на лекции – 18 часов, на семинарские занятия – 36 часов. Итого на занятия с преподавателем – 54 часа. Остальные 90 часов – самостоятельная работа. Не трудно догадаться, что в условиях современного информационного общества самостоятельная работа по гуманитарным проблемам – это работа в Интернете, где студент сталкивается как с информацией, так и с «псевдоинформацией» («дезинформацией»), поскольку за размещение неправильных сведений в Интернете никто ответственности не несёт.

Академик В. С. Стёпин, размышляя о существующей ныне проблеме демаркации научного и «псевдонаучного» знания, сравнивает «псевдонауку» с вирусом, который, внедряясь в науку и маскируясь под неё, может нанести вред исследовательской работе. Однако у профессионального ученого, занимающегося научной деятельностью, постепенно вырабатывается интуитивное представление о том, что является научным, а что – нет. Интуиция в данном случае – результат усвоения знаний, методов, идеалов и норм научности в процессе профессиональной подготовки ученого (вуз, аспирантура, докторантура и т. п.). Идеалы научности, конечно, различны у естествоиспытателей и гуманитариев, но существуют и общие черты научного знания, соответствующие данной исторической эпохе, а также «глубинный уровень смыслов, определяющий общее, что есть в науке разных дисциплин и разных эпох» [6, с. 415].

Ненаучную информацию в сфере социально-гуманитарных проблем также можно сравнить с вирусом, который распространяется средствами массовой информации и который разрушителен именно для рациональной составляющей сознания, способной анализировать и критически оценивать полученные сведения. Но если у преподавателя, ученого существует «иммунитет» против «псевдонаучного шарлатанства», то малообразованные люди, как и недостаточно образованные в гуманитарной сфере студенты технических вузов, подобным иммунитетом не обладают.

«Псевдоинформацию», размещенную в широком доступе в Интернете, можно рассматривать как специфический феномен информационного общества. Помимо искажения реальных фактов, к ее недостаткам можно отнести политизацию и откровенную дегуманизацию информации, её агрессивность, навязчивость и манипулятивность, что, в частности, характерно для информации, распространяемой экстремистскими и террористическими организациями, прикрывающимися идеями и идеалами ислама.

Современность подтверждает пессимистический прогноз Р. Хатчинса об «образованных варварах». Проблема образования сегодня – не в отсутствии информации или её недостатке, а в её переизбытке. Погружение в море информации, представленной в Интернете, доступ к которой абсолютно ничем не ограничен, для неподготовленного студента не менее опасно, чем погружение в реальное море человека, не умеющего плавать. А отсутствие некоторых знаний гуманитарного профиля (в частности – религиоведческих) можно сравнить с феноменом «черной дыры» в сознании молодого человека, которая, как и её астрономический аналог, способна «втянуть» в себя абсолютно любую информацию: и религиозно-экстремистского толка, и псевдорелигиозной сектантской направленности.

«Информационная отравка» действует деструктивно на неподготовленного потребителя информации; она разрушает не биологическое, а социокультурное, мировоззренческое начало, трансформируя личность молодого человека, делая его лёгкой добычей для различного рода «ловцов душ».

В последние годы в России вновь активизировались тоталитарные религиозные и псевдорелигиозные организации самого разного плана. Пик их распространения пришелся на «лихие 90-е», когда наша страна после распада СССР находилась в состоянии глубокого политического, экономического, идеологического и духовного кризиса. Среди них особенно отличались «Белое братство», «Свидетели Иеговы», «Сайентологическая церковь», «Аум Синрикё», «Международное общество сознания Кришны». Успех этих религиозных движений объяснялся и тем обстоятельством, что они располагали довольно значительными денежными средствами для миссионерских целей и отработанной техникой внушения (в том числе – массовых внушений в состоянии коллективного гипноза), которая применялась во время проведения религиозных обрядов.

Миссионерская деятельность тоталитарных сект в тот период протекала в процессе непосредственного контакта с населением. Адепты «Белого братства», к примеру, выбирали на улице среди подростков лиц закомплексованных и неуверенных в себе, «обрабатывая» их столь успешно, что молодые люди отрекались от родителей и уходили из дома. «Свидетели Иеговы» активно агитировали не только на улицах, но и ходили по квартирам. Последователи кришнаитов танцевали в общественных местах, распевая «Харе, Кришна», а сторонники сайентологии открыто пропагандировали идеи Рона Хаббарта, продавая его главный теоретический труд «Дианетика – современная наука душевного здоровья» на книжных лотках около метро, в вагонах метрополитена и электричек.

Сегодня общественные наблюдатели вновь фиксируют повышенную активность тоталитарных религиозных организаций и сект. В Москве и Санкт-Петербурге под названием «Алеф» появилась почти забытая представителями старшего поколения и совершенно неизвестная современной молодёжи запрещенная в России секта «Аум Сенрикё» – экстремистская тоталитарная организация с террористическими наклонностями, устроившая в 1995 году в токийском метро террористический акт (распыление зарина).

Продолжают действовать, как выяснилось, почти ушедшие в «подполье» (секта в России официально запрещена), адепты «Сайентологической церкви», особенно опасной для образованных людей своей псевдоинтеллектуальностью и псевдонаучностью, маскирующей ее тоталитарную сектантскую сущность, раздавая карточки с телефонами и адресами для связи и сайтами в Интернете.

Нынешний «ренессанс» религиозной мистики – во многом закономерное порождение информационного общества, создавшего неограниченные возможности для информационной атаки. Интернет без ограничений позволяет внедрять в сознание людей (в основном – с низким уровнем гуманитарной подготовки, с ранимой или неокрепшей психикой) некую доминантную идею, которая как вирус постепенно трансформирует личность вплоть до отказа от реальной жизни в пользу новой системы ценностей. Студенты, особенно технических вузов, в этом аспекте также относятся к незащищенным от информационных атак слоям населения.

Настоятельная необходимость усиления общегуманитарной, в том числе религиозной, подготовки студентов технических вузов диктуется не только активизацией деятельности религиозных и псевдорелигиозных тоталитарных организаций. В современных вузах к традиционным проблемам воспитания добавляются задачи формирования толерантного сознания и мышления, умения и готовности к межкультурному диалогу с представителями иного этноса и религии [4].

Особенно остро проблема мировоззренческой и религиозной толерантности стоит в крупных столичных вузах, где контакты между студентами протекают на фоне контекста различных этнических культур, а, следовательно, и религий, обуславливающих специфические формы этнической ментальности. Современный крупный вуз – своего рода многонациональная и полирелигиозная страна в миниатюре, где на одной территории, объединенные общими целями и задачами, регулируемые единым сводом правил и законов, должны мирно сосуществовать представители различных культурных и религиозных традиций. Эффективность учебно-педагогического процесса в таком вузе во многом детерминирована наличием или отсутствием в нем духа межнациональной терпимости.

Поскольку в межэтнических столкновениях не последнюю роль играет религиозный фактор, в вузах возникает проблема преодоления у молодых людей сложившихся ранее негативных религиозных стереотипов, серьезно осложняющих межэтническое взаимодействие: каждая религия – не только вера в сверхъестественное, но и система идеалов и ценностей, критическое отношение к которым может восприниматься как оскорбительное.

В этой связи вновь хочется подчеркнуть особую значимость в современном техническом вузе такой дисциплины, как религиоведение. Знания, полученные студентами на занятиях (не в Интернете, ибо достоверности представленной там информации, как уже отмечалось, доверять нельзя) позволяют студенческой молодежи:

- противостоять агитации религиозных и псевдорелигиозных тоталитарных организаций и сект, овладев навыками критического анализа тоталитарных идей;
- преодолевать категоричность и безапелляционность в оценке представителей иного этноса, их религиозных убеждений;
- выработать формы бесконфликтного общения с представителями иной этнической и религиозной ментальности как в стенах вуза, так и за его пределами;
- сформировать умение принимать адекватные поведенческие решения в конфликте, возникшем на религиозно-этнической почве;
- существенно расширить систему своих ценностных ориентаций в духе толерантного, уважительного отношения к иной культуре, как светской, так и религиозной, её традициям, идеалам, что особенно важно в такой многонациональной и полирелигиозной стране как Россия.

* * *

Ценность образования тем выше, чем больше его способность ввести человека в иные информационные миры, отличные от его узкой специальности. Технократический мир информационного общества необходимо в технических вузах дополнить миром гуманитарного знания, в котором религиоведческая информация играет далеко не последнюю роль в формировании полноценной личности, способной ориентироваться в социальном хаосе современной информационной цивилизации, пронизанном экономическими, политическими и религиозными конфликтами.

Список литературы

1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.
2. Захаров И. В., Ляхович И. С. Миссия университета в европейской культуре. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1994. – 239 с.
3. Костина А. В. Культура информационного общества: тенденции и противоречия развития // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2009. – Вып. 24. – С. 72–98.
4. Селиверстова Н. А. Проблемы мировоззренческой толерантности студентов // Конфликтология. – 2016. – № 2. – С. 266–271.
5. Стёпин В. С. Цивилизация и культура. – СПб: СПбГУП, 2011. – 408 с.
6. Степин В. С. История и философия науки. – М.: Академический проект, 2014. – 424 с.

References

1. Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

2. Zakharov I. V., Lyakhovich I. S. The Mission of the University in European Culture. [*Missiya universiteta v evropeyskoy kulture*]. Moscow, Fond “Novoe tsysyacheletie”, 1994, 239 p.

3. Kostina A. V. Culture of the Information Society: Tendencies and Contradictions of Development [Kultura informatsionnogo obschestva: tendentsii i protivorechiya razvitiya]. *Vestnik ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* (Herald of Ryazan State University Named for S. Yesenin), 2009, Vol. 24, pp. 72–98.

4. Seliverstova N. A. Philosophical Problems of Tolerance of Students [Problemy mirovozzrencheskoy tolerantnosti studentov]. *Konfliktologiya* (Conflictology), 2016, № 2, pp. 266–271.

5. Stepin V. S. Civilization and Culture [*Tsivilizatsiya i kultura*]. Saint Petersburg, SPbGUP, 2011, 408 p.

6. Stepin V. S. History and Philosophy of Science [*Istoriya i filosofiya nauki*]. Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2014, 424 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 811.161.1; 374

Русская лексикография: история и перспективы *

Гребенников Александр Олегович – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра математической лингвистики, доцент; федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики», кафедра иностранных языков, доцент, кандидат филологических наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: agrebennikov@spbu.ru

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11,
тел: +7 (921) 300-02-91.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Лексикография любого национального языка, находящегося на высокой ступени развития, представляет собой разветвленную систему словарей различных типов. Бурное развитие переживает лексикография русского языка на рубеже XX–XXI вв.: словарь является формой систематизации и хранения самых разнообразных знаний и сведений не только о языке, но и о мире, играет важную роль в межнациональном общении, в повышении культуры речи и регулировании норм литературного языка.

Результаты: Хотя лексикографические работы в области русского языка прослеживаются с XI века, собственно оформление толковой лексикографии приходится на XVII – начало XVIII веков. Несмотря на то, что толковый словарь является ведущим типом словаря национального языка, на сегодняшний день сложилась развитая система словарей русского языка различных типов, созданных на основе многообразия подходов к систематизации и анализу языка. Русская лексикография активно использует новые идеи современной лингвистики, что приводит к расширению словарной типологии и способствует выработке новых подходов к составлению словарей.

Выводы: Одним из главных направлений будущего развития русской лексикографии становится анализ глубинных семантических изменений и процессов на всех уровнях языка со все более активным использованием корпусных методов.

* © А. О. Гребенников, 2017.

Ключевые слова: лексикография; русский язык; толковый словарь; частотный словарь; словарь языка писателя; словарь активного типа; ассоциативный словарь; корпус текстов.

The Lexicography of Russian: the History and Trends for Further Development

Grebennikov Alexander Olegovich – Saint Petersburg State University, Mathematical Linguistics Department, Associate Professor; Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, Foreign Languages Department, Associate Professor, Ph. D. (Philology), Saint Petersburg, Russia.

E-mail: agrebennikov@spbu.ru

11, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia,
tel: +7 (921) 300-02-91.

Abstract

Background: The lexicography of any language is a highly-developed system of dictionaries. At the turn of the century the lexicography of Russian is being developed rapidly: dictionary is considered as a form of systematizing and presenting various information both about the language and the world, it plays an important role in multinational communication, in standardizing culture of speech and literary language.

Results: The first lexicographic works in Russian are traced back as early as in the XI century. Nevertheless, an explanatory lexicography took its shape in XVII – the early XVIII centuries only. Despite an explanatory dictionary being the major type of dictionary for Russian at present there exist a widely developed system of dictionaries for different purposes based on the diversity of approaches to the task of analyzing the language. Russian lexicography makes active use of new ideas in modern linguistics that results in the development of new dictionary types and contributes to the new approaches to dictionary making.

Conclusion: One of the major trends for further development of Russian Lexicography is the analysis of underlying semantic changes and processes on all levels of language, with corpora methods playing an increasing role.

Keywords: lexicography; the Russian language; explanatory dictionary; frequency dictionary; author dictionary; active dictionary; associative dictionary; corpora.

На протяжении всей истории своего развития русская лексикография неразрывно связана с особенностями исторического развития России, многочисленные драматические повороты которого напрямую отражались на затухании или всплеске лексикографических работ. Традиционное русское стремление к критическому переосмыслению прошлого привело к тому, что вместо системы серий словарей, характерной сейчас для лексикографии

Западной Европы и Америки, мы чаще всего видим процесс создания новых отдельных словарей различных типов, основанных на самостоятельных теоретических принципах.

Первыми лексикографическими трудами стали дошедшие до нас с XI века глоссарии – неупорядоченные сборники глосс, авторских пояснений переписчиков богослужебных текстов на полях рукописей, применяемых, в основном, для иноязычных или же «непонятных» слов (т. н. «текстовая лексикография»). В дальнейшем, к XVII веку, упорядоченные по алфавиту глоссарии объединялись уже в азбуковники, используемые в школах для обучения грамоте. Одновременно появляются первые разговорники и то, что теперь мы бы назвали двуязычными словарями.

С начала XVIII века, с развитием реформ Петра, активным ростом международных связей России, учреждением Академии Наук и Университета, ростом книгопечатания наблюдается бурный рост словарных работ. В основной массе своей это словари двуязычные, специальные и словари иностранных слов. Первым словарем в современном понимании этого слова становится «Лексикон треязычный» Ф. Поликарпова-Орлова (славянско-греческо-латинский, 19 712 словарных статей) [10], которым пользовались вплоть до 70-х годов XVIII века. Одновременно, с момента своего учреждения, Императорская Академия наук неоднократно пытается создать толковый словарь национального языка, но только в 1789 году появился первый том «Словаря Академии Российской» [12] – первого нормативного толкового словаря русского языка, выработавшего нормы орфографии и заложившего основы системного многоаспектного описания лексики, созданного в период активного формирования единого литературного языка. Словарь содержал свыше 43 000 слов, большое фразеологическое собрание, множество цитат и уступал лишь немногим западноевропейским словарям того времени.

Со времени САР толковый словарь становится ведущим типом словаря национального языка. Одновременно метод создания словаря через выбор источников и создание картотеки карточек-цитат из них (бумажной или, уже в наши дни, электронной) для последующего анализа и упорядочивания является господствующим.

В XIX веке русская культура достигает своих классических высот, лексикография идет по пути отчетливого оформления словарей различных типов и создания новых толковых словарей, отражающих современное состояние языка. Постепенно вырабатывались принципы системного грамматического, стилистического и семантического описания лексики, которых, в основе своей, и придерживается русская академическая лексикография по сей день.

В 1847 году вышел из печати новый словарь – «Словарь церковнославянского и русского языка» [14], отразивший словарный состав не только живого русского языка, но и памятников письменности, причем как русского, так и церковнославянского языка.

С 1891 г. выходит «Словарь русского языка» под редакцией Я. К. Грота. Словарь включал общеупотребительную лексику, лексику литературного и

делового языка со времён Ломоносова, иноязычные заимствования, неологизмы, научно-техническую терминологию. Из церковно-славянских и древнерусских слов включались те, которые употреблялись в русском литературном языке XIX вв. После смерти Я. К. Грота редактором словаря стал А. А. Шахматов, полагавший, что в Словаре должно найти отражение всё, что имелось в прошлом и наличествует в настоящее время в языке, составители не могут предписывать что-либо языку, они могут лишь констатировать употребление какой-либо формы и её реальное предпочтение сравнительно с другой. Таким образом, первая часть словаря представляет собой тип толкового нормативного словаря, а вторая («шахматовская») – тип ненормативного словаря-тезауруса. Словарь издавался отдельными выпусками до 1937 г.

Говоря о лексикографии XIX века, невозможно не упомянуть «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [4], не имеющий аналогов уникальный памятник русской и мировой лексикографии. Построенный по алфавитно-гнездовому принципу, ненормативный словарь охватывает лексику письменной и устной речи 19 века, а также терминологию и фразеологию различных профессий и ремёсел. В основу словаря был положен живой народный язык с его областными видоизменениями. Он содержит более 200 000 слов и 30 000 пословиц, поговорок и т. п., служащих для пояснения смысла приводимых слов, а также, через толкование, огромное количество сведений о чертах и особенностях народного быта, традиций, праздников, верований и пр. Из них около 80 000 было единолично собрано автором в течении более чем 50 лет. Это самый большой по объёму словника словарь русского языка.

События революции 1917 года, наряду с реформой орфографии, привели к возможно крупнейшей в истории русского языка смене лексико-стилистической системы и языковой нормы. Во все сферы языка и, прежде всего, в язык художественных произведений с небывалой силой вторглась разговорная стихия. Ранее изданные и издаваемые словари, таким образом, утратили свою актуальность и не могли быть завершены. Перед академической лексикографией вновь встали задачи выработки языковой нормы. Результатом этого стало появление «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [18]. Данный четырёхтомный словарь (свыше 85 000 слов, основной состав общерусской лексики), охватывающий лексику литературного языка до 30-х гг. XX века, проникнут идеей нормативности на всех уровнях (отбор слов, многочисленные разъяснительные пометы касательно особенностей словоизменения, словоупотребления и даже произношения, демонстрация словоупотребления в образцовых текстах, подбор и разъяснение особенностей фразеологизмов и т. п.). Словарь стал эталонным и по сей день непревзойдённым по подробности разработки стилистической характеристики слова, как в устном, так и в письменном языке (около 30 стилистических помет). К сожалению, картотека словаря не сохранилась, и это снова привело к тому, что, когда после окончания второй мировой войны русский язык снова встал перед задачей лексикографической фиксации и оценки очередных языковых изменений, потребовалась разработка и создание нового словаря, во многом аналогичного по задачам словарю Ушакова. Им стал «Малый

академический словарь» [13]. Он создавался на основе той же картотеки, что и «Большой академический словарь» (БАС) [2], ставший вершиной русской толковой лексикографии, о котором пойдёт речь далее.

БАС является самым полным толковым и нормативным словарем, охватывающим словарный запас русского литературного языка от Пушкина до наших дней. Нижняя хронологическая точка была и остаётся обусловлена актуальностью литературы XIX века в настоящее время. Первое издание словаря насчитывало более 120 000 слов. Таким образом, БАС вычленяет и исчерпывает лексическое ядро национального языка.

С 2004 года началось осуществление издания нового многотомного «Большого академического словаря русского языка». На сегодняшний день издан 21 том словаря (до буквы П), ожидается еще около 10, общий объем словаря, вероятно, превысит 150 000 слов (см. ниже).

БАС, будучи нормативным словарем с алфавитным расположением лексики, включает общеупотребительную лексику современного русского языка; неологизмы конца XX – начала XXI в.; научно-технические термины, профессионализмы и областные слова, проникающие в художественную литературу; широкоупотребительные просторечные слова, свойственные разговорной речи, собственные имена в нарицательном значении; общеупотребительные аббревиатуры; устойчивые сочетания и фразеологизмы и т. п. Фразеологизмы (с указанием факультативности состава) приводятся, как правило, в конце словарной статьи, за знаком ◇ при первом по порядку компоненте, у остальных слов фразеологизма дается отсылка.

Таким образом, в XX веке в русской лексикографии окончательно сложилась и закрепились логически оправданная триада словарей, в целом сходная с общей системой толковых словарей в странах Западной Европы: однотомный – четырёхтомный – многотомный. Многотомный словарь, максимально широко представляющий все многообразие литературного языка и предназначенный прежде всего специалистам-филологам; средний, четырёхтомный словарь, представляющий стилистическое многообразие современного литературного языка; и краткий, однотомный словарь популярного типа, предназначенный максимально широкому кругу пользователей, представляющий общий актуальный лексико-фразеологический фонд языка, направленный на активную нормализацию современной речи.

Представителем последнего типа является единственный регулярно обновляемый и переиздаваемый «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, однотомный нормативный словарь, цель которого – способствовать повышению культуры речи самых широких кругов населения. Объем словаря вырос с 51 000 слов в первом издании до 80 000 слов – в последнем [9]. В отличие от таких словарей, как словарь Ушакова или БАС, стилистическая и семантическая характеристика в словаре сведена к необходимому минимуму, что следует из его популярного характера: семантизация максимально лаконична и выразительна, оставлены лишь самостоятельные значения; большое внимание уделяется показу различных ограничений, связанных с реализацией значений в отдельных конструкциях; речения, использующиеся в

качестве иллюстраций – минимальны и образцовы. Словарь не включает больше число профессиональной и областной лексики, грубое просторечие, неактуальные на момент выхода словаря слова.

В наше время, при составлении нового издания БАС, наряду с Большой словарной картотекой ИЛИ РАН, насчитывающей свыше 8 000 000 словоупотреблений, используется электронная база, появившаяся в конце 2008 года и насчитывающая в настоящее время 1,4 миллиарда словоупотреблений около 5 миллионов русскоязычных слов XVIII–XXI вв. Это открывает перед русской академической лексикографией в процессе подготовки к будущему изданию академического словаря, создаваемого с начала XXI века, перспективу лексикографии взаимосвязанных корпусов: корпус собственно БАС, корпус дополнений к БАС, корпус откликов и замечаний любого уровня, корпус источников, корпус истории фиксации слова в XII–XX веках, корпус исследований по истории и семантике отдельных слов и выражений [3].

Другим примером использования корпусных данных при создании словаря стал изданный в 2009 г. «Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)», доступный как в бумажном, так и в электронном виде [6]. Словарь является логическим продолжением существующего исключительно в электронном виде «Частотного словаря С. А. Шарова» [24], построенного, в свою очередь, на основе представительной выборки общим объемом около 40 млн. словоупотреблений (причем художественная проза представляет чуть более половины объема) из текстов 1970–2002 гг.; большинство между 1980 и 1995 (пресса 1997–1999). Основанный на текстах Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) объемом 100 млн. словоупотреблений, «Частотный словарь современного русского языка» включает наиболее употребительные слова современного русского языка (2-я половина XX – начало XXI вв.). Объем частотного списка – 20 000 наиболее употребительных лемм; алфавитного – около 50 000.

Интересно отметить, что помимо традиционной информации о частоте употребления той или иной леммы и ее ранге словарь приводит такие статистические показатели, как число текстов, в которых встретилось слово (число документов), коэффициент вариации, распределение употребления слова в текстах, созданных в разные десятилетия. Несомненным достоинством словаря является наличие большого числа приложений, в том числе: распределение лемм по функциональным стилям (включая список значимой лексики по жанрам), частотное распределение лексики по частям речи, частотность словоформ и букв и – что особенно ново и важно с лексикографической точки зрения – данные о частотности имен собственных и аббревиатур.

Так называемый «перестроечный» и «пост-перестроечный» периоды русской истории с 1985 года до наших дней явились свидетелями очередного драматического смещения лексических пластов русского языка и смены языковой нормы. Несметное количество заимствований для обозначения новых реалий общественно-политической, экономической и культурной жизни,

возвращение в обиход множества дореволюционных понятий, исчезновение многих реалий советского времени поставило перед лексикографами сложную задачу отражения и активной нормализации существующих процессов.

В результате под редакцией Г. Н. Скляревской в Санкт-Петербурге появляется «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» [17]. Целью словаря, как явствует из заглавия, было показать именно перемены, происходящие в русском языке с 1985 года. Для первого издания из созданной авторским коллективом Института лингвистических исследований РАН электронной картотеки объемом около 2 млн. словоупотреблений (материалы прессы, публицистической, научно-популярной и художественной литературы, в последующих изданиях – спонтанная речь на радио и телевидении) было отобрано около 5500 слов и выражений. Для показа динамики словоупотребления используется набор графических знаков, которые последовательно приводятся почти у каждого слова или значения, а также последовательно повторяются подстрочным текстом на каждой странице словаря. Таких знаков пять, они квалифицируют различные типы языковых изменений: первая лексикографическая фиксация; зафиксировано в словарях последнего десятилетия; возвращение слова в актив; актуализация; уход в пассив; возможна и комбинация этих символов.

Словарь, имеющий нормативный характер, даёт обширную и разнообразную информацию о слове в традициях академической лексикографии: ударение, варианты написания, орфоэпическую и этимологическую характеристику (при необходимости), стилистическую характеристику, разбиение на значения, устойчивые сочетания (причем выделяются даже семантические сдвиги в предложениях), богатый иллюстративный материал, ассоциативные связи. Словарная статья заканчивается справочным отделом, который содержит разные виды информации о слове: сведения из предшествующих словарей, системные связи и соотношения, энциклопедические сведения о слове. В последующих изданиях фиксируется даже комбинированное (латиницей и кириллицей) написание сложносоставных слов и слова, которые образованы от иноязычных по словообразовательным моделям русского языка.

Во второй половине XX века получает полноценное развитие зародившаяся на рубеже XIX–XX веков писательская лексикография. Одной из вершин в этом жанре стал «Словарь языка А. С. Пушкина» [16], что не случайно, учитывая главенствующее положение Пушкина в русской поэзии и литературе (аналогичное Шекспиру в английской) и выбор его периода как отсчетного при составлении академических толковых словарей русского языка.

«Словарь языка А. С. Пушкина» – это толковый, алфавитный словарь, который охватывает словарный состав различных текстов писателя (поэзии, прозы, драматургии, литературно-критических статей, писем и др.). Словарь полон по реестру слов (словнику) (кроме имен собственных, из которых фиксируются только мифологические), по грамматическим сведениям, по цитации (за несущественными и оговоренными исключениями, в нем учтены и указаны все случаи употребления каждого слова у Пушкина), но

дифференциален в описании значений и дефектен по стилистическим сведениям. Семантические определения не даются при однозначных словах, а при словах многозначных намечены только те значения, каких нет у данного слова в современном (т. е. на момент выхода словаря) литературном языке; неописанные значения показываются (иллюстрируются) цитатами и некоторыми другими приемами (указаниями, к чему слово относится, от чего произведено, с каким еще словом сопоставимо и т. д.). От стилистической квалификации слов составители Пушкинского словаря совсем отказались. В словаре указывается частота употребления слова и распределение этой частоты употребления по значениям, в конце словарной статьи приводятся и объясняются устойчивые словосочетания, завершает статью свод форм слова, встретившихся в сочинениях Пушкина, с указанием произведений и страниц.

Наряду с этим выдающийся русский лингвист Б. А. Ларин выдвинул альтернативную идею т. н. стилистического словаря языка автора. Главной задачей Ларин считал разработку значений и употреблений слова, так как в преобразовании и усложнении семантики языковых единиц видел проявление сущности художественной речи, «стиля языка» писателя. В результате этого в СПбГУ был создан «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» [11], являющийся началом полного словаря М. Горького – полного 1) по словнику; 2) по разработке значений и употреблений слов; 3) по цитации; 4) по грамматической и стилистической квалификации.

В настоящее время растет количество писательских частотных словарей [19–23], на фоне которых особняком стоит «Словарь языка Достоевского» [16], использующий методы частотного анализа для выделения так называемых *идеоглосс*, т. е. лексических единиц, являющихся повторяющимися ключевыми словами в текстах разных жанров (в словаре выделяются художественная проза (с разбивкой на отдельные произведения); публицистика; личные письма; деловые письма и документы) и выражающих основные для творчества писателя понятия, т. о., воспроизводя авторское видение мира.

Среди множества идей, питающих развитие русской лексикографии при создании словарей самых различных типов, безусловного упоминания заслуживают идеи академика Ю. Д. Апресяна. Стоит отметить, что в 1960-х – 1970-х гг. XX века Апресян активно сотрудничает с создателями теории «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчуком и А. К. Жолковским. Велась работа по составлению одного из главных компонентов теории – «Толково-комбинаторного словаря», призванного стать словарём нового типа, отражающим прежде всего нетривиальную сочетаемость лексем. Семантика слов в этом словаре описывается в виде развёрнутых формализованных толкований, использующих ограниченный набор единиц; семантически более сложные элементы толкуются через более простые, пока не доходит до использования неразложимых далее элементов – так называемых «семантических примитивов» [7]. Однако в настоящее время идеи Мельчука не разрабатываются в чистом виде при составлении словарей русского языка.

В 1979 г. под руководством Апресяна создаётся «Англо-русский синонимический словарь» [1]. Словарь содержит около 350 синонимических

рядов английского языка. В каждой словарной статье дается толкование общего значения ряда на русском языке и его перевод, подробная характеристика сходств и различий между синонимами, анализ условий, в которых синонимы способны заменять друг друга, а также описание структуры синонимического ряда. Синонимические ряды иллюстрированы цитатами из классической и современной литературы на английском языке. Важное отличие данного словаря от обычных синонимических словарей состоит в том, что в нем описываются не только семантические и стилистические свойства синонимов, но также их конструктивные и сочетаемостные особенности, причем каждый из этих аспектов синонимического ряда описывается в особой зоне словарной статьи. Авторы стремились фиксировать не только все различия, но и все сходства синонимов в области стиля, значений, грамматических конструкций и лексико-семантической сочетаемости.

«Англо-русский синонимический словарь» послужил прообразом для составленного на основе машинного корпуса текстов «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» [8]. Во втором издании Словаря публикуются 354 синонимических ряда, представляющих основные разряды антропоцентрической лексики русского языка и – эпизодически – некоторые другие пласты лексики.

В основу создаваемого словаря положены три принципа лингвистического описания: 1) активность (систематизация средств выражения определённого смысла); 2) интегральность (максимально полный и согласованный учёт всех типов лингвистической информации, заключённой в слове); 3) системность (отношения между лексемами на основе тех или иных общих свойств). Новый объяснительный словарь синонимов – это словарь активного типа, реализующий принципы системной лексикографии и ориентированный на отражение языковой, или «наивной», картины мира. В Словаре последовательно отражаются семантические, референциальные, прагматические, коннотативные, коммуникативные, синтаксические, сочетаемостные, морфологические и просодические сходства и различия между синонимами, а также условия нейтрализации различий. Каждому подобному аспекту посвящена отдельная зона словарной статьи. Для выделения зон в тексте словаря разработан специальный метаязык. Условия употребления синонимов показываются на обширном материале цитат и речений. Все словарные статьи содержат также и обширные справочные зоны (до 10), в которых перечисляются фразеологические синонимы, аналоги, точные и неточные конверсивы, конверсивы к аналогам, точные и неточные антонимы и дериваты (включая семантические) к элементам данного синонимического ряда. В некоторых случаях указываются специальные лингвистические работы, посвященные одной или нескольким лексемам, входящим в данный ряд. Каждая словарная статья по содержащейся в ней разнообразной информации, по объёму (несколько страниц) представляет собой отдельное научное исследование.

Еще одним примером нетрадиционного лексикографического подхода является «Ассоциативный словарь русского языка», существующий также и в

компьютерной версии в виде базы данных [5]. В первом томе – от стимула к реакции – содержится около 7 тыс. стимулов, а во втором – от реакции к стимулу – более 100 тыс. реакций. Общий массив материала – более миллиона словоупотреблений. Словарь строился по результатам массового эксперимента с носителями русского языка (студентов от 17 до 25 лет).

Как пишут авторы, «Ассоциативный словарь русского языка» не имеет аналогов в отечественной лексикографии, отражает живое словоупотребление, стихийный литературно-разговорный язык и в конечном итоге – речемыслительный портрет «усреднённого» носителя русского языка, его взгляд на мир, передающий особенности национального менталитета. В словарной статье прямого ассоциативного словаря после заголовочного слова-стимула приводятся слова-ассоциаты, расположенные по мере убывания их частоты, которая указывается в скобках после ассоциатов. В конце статьи приводятся цифры: первая – общее число реакций, вторая – число разных реакций, третья – число отказов испытуемых и четвёртая – число единичных реакций. Таким образом, словарная статья, наряду с типовыми ассоциативными отношениями, дает информацию о полисемии и сочетаемостных свойствах слова, об устойчивости тех или иных сочетаний и т. д.

Разумеется, данный обзор не может быть исчерпывающим. За его пределами остаются, например, исторические словари (хотя полного исторического словаря русского языка, такого как OED, не существует, словари отдельных периодов успешно создавались и продолжают создаваться); фразеологические, идеографические, терминологические, учебные и прочие виды словарей. Мы видим, что на протяжении своей истории русская лексикография накопила колоссальный опыт создания словарей самых различных типов, выработала систему многоаспектного описания и анализа слова. Каковы же, на наш взгляд, перспективы лексикографической деятельности в XXI веке? Лексикографические исследования последних лет, такие как новое издание БАС, словари под редакцией Г. Н. Складневской или Ю. Д. Апресяна, показывают, что:

1) Русский язык должен рассматриваться в неразрывном единстве от Пушкина до современности.

2) Главным направлением лексикографии может и должно стать отражение не столько лексических, сколько глубинных семантических изменений и процессов в языке, будь то анализ современных лексических сдвигов, языка произведений автора, диалектов или терминосистем.

3) Национальные корпуса и корпуса отдельных словарей, рассматриваемые совместно с имеющимися и создающимися традиционными картотеками, будут играть все большую роль в процессе создания словарей различных типов; как уже отмечалось выше, академическая лексикография должна стать лексикографией системы корпусов.

4) При этом роль корпусных методов, позволяющих не только быстрее и отчетливее зафиксировать новые слова, значения и словосочетания, но и глубже проникнуть в природу и характер коллокаций, будет увеличиваться и в отраслевых лексикографиях, например – в писательской, в частности, при

анализе стилеобразующих факторов, что ценно не только само по себе, но и в качестве источника для академических словарей.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д., Ботякова В. В., Латышева Т. Э., Мосягина М. А., Полик И. В., Ракитина В. И., Розенман А. И., Сретенская Е. Е. Англо-русский синонимический словарь. – М.: Русский язык, 1979. – 544 с.
2. Большой академический «Словарь современного русского литературного языка». В 17 т. – М.: Издательство АН СССР, 1948–1965.
3. Герд А. С. Академическая лексикография как система корпусов // Труды международной научной конференции «Корпусная лингвистика – 2013». СПб.: СПбГУ, 2013. – С. 247–248.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1863–1866.
5. Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. – М.: АСТ-Астрель, 2002.
6. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009. – 1112 с.
7. Мельчук И. А., Жолковский А. К., Апресян Ю. Д. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. – Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1984. – 992 с.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. – 968 с.
10. Поликарпов-Орлов Ф. П. Трехязычный лексикон. – М., 1704.
11. Словарь автобиографической трилогии М. Горького с приложением Словаря имён собственных. Вып. 1–6. – Л.: ЛГУ, 1974–1990.
12. Словарь Академии Российской. В 6 т. – СПб: Императорская Академия Наук, 1789–1794.
13. Словарь русского языка: В 4 т. Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. – М: Русский язык, 1981–1984.
14. Словарь церковно-славянского и русского языка. В 4 т. – СПб.: Императорская Академия наук, 1847.
15. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта // Под. ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2001. – 566 с.
16. Словарь языка Пушкина // Под. ред. В. В. Виноградова. В 4 т. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956–1961.
17. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения // Под. ред. Г. Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

18. Толковый словарь русского языка: В 4 т. // Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Государственный научный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
19. Частотный словарь рассказов Л. Н. Андреева // Авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. – СПб: СПбГУ, 2003. – 396 с.
20. Частотный словарь рассказов И. А. Бунина // Авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. — СПб: СПбГУ, 2011. – 296 с.
21. Частотный словарь рассказов А. И. Куприна // Авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. – СПб: СПбГУ, 2006. – 551 с.
22. Частотный словарь рассказов А. П. Чехова // Авт.-сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. – СПб: СПбГУ, 1999. – 172 с.
23. Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова // «Лермонтовская энциклопедия». – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 717–774.
24. Шаров С. А. Частотный словарь русского языка. // Сайт «Российский НИИ искусственного интеллекта» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.artint.ru/projects/frqlist.asp (дата обращения 28.02.2017).

References

1. Apresyan Yu. D., Botyakova V. V., Latysheva T. E., Mosyagina M. A., Polik I. V., Rakitina V. I., Rozenman A. I., Sretenskaya E. E. English-Russian Dictionary of Synonyms [*Anglo-russkiy sinonimicheskiy slovar*]. Moscow, Russkiy yazyk, 1979, 544 p.
2. Great Academic “Dictionary of the Modern Literary Russian Language” [*Bolshoy akademicheskii “Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka”*]. In 17 vol. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR, 1948–1965.
3. Gerd A. S. Academic Lexicography as a System of Corpora [*Akademicheskaya leksikografiya kak sistema korpusov*]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya “Korpusnaya lingvistika – 2013”* (Proceedings of the International Conference “Corpus Linguistics – 2013”). Saint Petersburg, 2013, pp. 247–248.
4. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language [*Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka*]. In 4 vol. Moscow, 1863–1866.
5. Karaulov Y. N., Cherkasov G. A., Ufimceva N. V., Sorokin Y. A., Tarasov E. F. Russian Associative Dictionary [*Russkiy assotsiativnyy slovar*]. In 2 vol. Moscow, AST-Astrel, 2002.
6. Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Frequency Dictionary of Contemporary Russian based on the RNC Data [*Chastotnyy slovar sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka)*]. Moscow, Azbukovnik, 2009, 1112 p.
7. Melchuk I. A., Zholkovsky A. K., Apresyan Y. D. Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian. Semantico-syntactic Studies of Russian Vocabulary [*Tolkovo-kombinatornyy slovar sovremennogo russkogo yazyka. Opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoy leksiki*]. Wien, Wiener Slawistischer Almanach, 1984, 992 p.

8. Apresyan Y. D. (Ed.) New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms [*Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka*]. Moscow, Wien, Yazyki slavyanskoy kultury, Venskiy slavisticheskiy almanakh, 2004, 1488 p.
9. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian Language. [*Slovar russkogo yazyka*] Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1949, 968 p.
10. Polikarpov-Orlov F. P. Trilingual Lexicon [*Treyazychnyy leksikon*]. Moscow, 1704.
11. Dictionary of the Autobiography Trilogy by Maxim Gorky with Dictionary of Proper Names. [*Slovar avtobiograficheskoy trilogii M. Gorkogo s prilozheniem Slovara imen sobstvennykh*]. Issue 1–6. Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1974–1990.
12. Dictionary of the Russian Academy [*Slovar Akademii Rossiyskoy*]. In 6 vol. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1789–1794.
13. Evgeneva A. P. (Ed.) Dictionary of the Russian Language [*Slovar russkogo yazyka*]. In 4 vol. Moscow, Russkiy yazyk, 1981–1984.
14. Dictionary of the Church Slavonic and Russian Language [*Slovar tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka*]. In 4 vol. Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk, 1847.
15. Karaulov Y. N. (Ed.) Dictionary of Dostoevsky's Language. Lexical Structure of Idiolect [*Slovar yazyka Dostoevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekta*]. Moscow, Azbukovnik, 2001, 566 p.
16. Vinogradov V. V. (Ed.) Dictionary of Pushkin's language [*Slovar yazyka Pushkina*]. In 4 vol. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1956–1961.
17. Sklyarevskaya G. N. (Ed.) Explanatory Dictionary of the Russian Language of the End of XX Century. Language Changes. [*Tolkovyy slovar russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya*]. Saint Petersburg, Folio-Press, 1998, 700 p.
18. Ushakov D. N. (Ed.) Explanatory Dictionary of the Russian Language [*Tolkovyy slovar russkogo yazyka*]. In 4 vol. Moscow, Gosudarsvennyy institut "Sovetskaya entsiklopediya"; OGIZ; Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1935–1940.
19. Grebennikov A. O., Martynenko G. Ya. (Ed.) Frequency Dictionary of the Short Stories by I. A. Kuprin [*Chastotnyy slovar rasskazov A. I. Kuprina*]. Saint Petersburg, Izdatelstvo Sankt Peterburgskogo universiteta, 2006, 551 p.
20. Grebennikov A. O., Martynenko G. Ya. (Ed.) Frequency Dictionary of the Short Stories by A. P. Chekhov [*Chastotnyy slovar rasskazov A. P. Chekhova*]. Saint Petersburg, Izdatelstvo Sankt Peterburgskogo universiteta, 1999, 172 p.
21. Grebennikov A. O., Martynenko G. Ya. (Ed.) Frequency Dictionary of the Short Stories by L. N. Andreev [*Chastotnyy slovar rasskazov L. N. Andreeva*]. Saint Petersburg, Izdatelstvo Sankt Peterburgskogo universiteta, 2003, 396 p.
22. Grebennikov A. O., Martynenko G. Ya. (Ed.) Frequency Dictionary of the Short Stories by I. A. Bunin [*Chastotnyy slovar rasskazov A. I. Bunina*]. Saint Petersburg, Izdatelstvo Sankt Peterburgskogo universiteta, 2011, 296 p.

23. Frequency Dictionary of Lermontov's Language [*Chastotnyy slovar yazyka M. Yu. Lermontova*]. *Lermontovskaya entsiklopediya* (Lermontov's Encyclopedia). Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1981, pp. 717–774.

24. Sharov S. A. Frequency Dictionary of the Russian Language. [*Chastotnyy slovar russkogo yazyka*]. Available at: www.artint.ru/projects/frqlist.asp (accessed 27 February 2017).

УДК 101.8

Диалектический подход В. С. Дерябина к рассмотрению учения о прогрессивном параличе*

Забродин Олег Николаевич – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации», кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8,
тел.: 8 950 030 48 92.

Авторское резюме

Предмет исследования: Рассмотрение В. С. Дерябиным эволюции во взглядах на нозологию и этиологию прогрессивного паралича и тормозящего влияния на неё формальной логики, осуществленные им в статье «Ошибки формальной логики в истории учения о прогрессивном параличе».

Результаты: На примере учения о прогрессивном параличе хорошо видно, какое тормозящее влияние на развитие научных знаний об этом заболевании оказала формальная логика, связанная с умозрительным, не опирающимся на опыт, образом мышления. Метафизическое мышление не может понять вариативность патологических процессов и рассматривает существующие представления о той или иной болезни как абсолютно полные, законченные и неизменные.

Выводы: На основании проведенного анализа эволюции взглядов на прогрессивный паралич как на отдельное заболевание, вызываемое сифилисом, автор приходит к выводу о том, что методом научных исследований в медицине должен быть диалектический метод единства теории и практики.

Ключевые слова: формальная логика; прогрессивный паралич; нозология; этиология; диалектический метод исследования.

The Dialectical Approach of V. S. Deryabin to the Consideration of the Doctrine of Progressive Paralysis

Zabrodin Oleg Nikolaevich – The First Saint Petersburg State Medical University Named after Academician Pavlov, Ministry of Public Health of Russian Federation, Anesthesiology and Resuscitation Department, Senior Researcher, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

6–8 Lew Tolstoy st., Saint Petersburg, 193232, Russia,

* © О. Н. Забродин, 2017.

tel: +7 950 030 48 92.

Abstract

Subject of research: V. S. Deryabin's consideration of the progress in views on nosology and etiology of progressive paralysis and the inhibitory effect of formal logic given in his article "The Errors of Formal Logic in the History of the Doctrine of progressive paralysis".

Results: Using the doctrine of progressive paralysis as a specific example, the author convincingly shows that formal logic associated with a speculative, theoretical way of thinking has had an inhibitory effect on the development of scientific knowledge about the disease. Metaphysical thinking is not able to understand the variability of pathological processes and considers the existing knowledge of a particular disease as being absolutely full, complete and unchanged.

Conclusion: On the basis of the analysis of the evolution of views on the progressive paralysis as a separate disease caused by syphilis, the author comes to the conclusion that in medicine the research method should be the dialectical method of the unity of theory and practice.

Keywords: formal logic; progressive paralysis; nosology; etiology; dialectical method of investigation.

В архиве профессора В. С. Дерябина сохранилась рукопись его статьи: «Ошибки формальной логики в истории учения о прогрессивном параличе». Этой неопубликованной работе автор придавал значение, включив ее в общий список своих работ. По-видимому, время написания этой статьи следует отнести к 1934 г., когда в Восточно-Сибирском медицинском институте была развернута работа по изучению частоты сифилиса у больных психическими заболеваниями среди местного населения. В итоге был опубликован сборник работ института «Сифилис при душевных болезнях», под общей редакцией профессора В. С. Дерябина [2].

Приверженность методологии диалектического материализма В. С. Дерябин продемонстрировал в 1931 г. заключительными словами статьи «Задачи Восточно-Сибирского краевого научно-медицинского общества»: «Диалектический метод мышления должен лечь в основу научной и практической работы членов общества» [1].

Предлагаемая читателю статья состоит из трех частей. В первой подробно изложены положения формальной логики и их отличия от логики диалектической. Во второй части представлена история формирования взглядов на прогрессивный паралич как на отдельное заболевание. В третьей части изложены противоречивые данные об этиологии этого заболевания. Автор отмечает, что прогресс научных знаний был ограничен метафизическим, основанным на умозрении, образом мышления.

С внешней стороны представлялось, что неврологические проявления паралича наслаиваются на уже имеющиеся психические расстройства, являющиеся проявлением отдельного заболевания. Выделение Бейлом прогрессивного паралича в виде отдельной нозологической единицы встретило

многочисленные возражения исследователей с позиций формальной логики, склонной видеть проявления болезни в неизменной форме.

В связи с этим В. С. Дерябин пишет: «Представление о болезни как об однотипно протекающем процессе долго было препятствием к выделению основных нозологических единиц в психиатрии. Потребовалось много времени, прежде чем убедились, что в области душевных болезней более, чем, может быть, при других заболеваниях, одна и та же болезнь имеет разное течение и выявляется в чрезвычайно разнообразных формах».

Таким же тормозом метафизический образ мышления был и при решении вопроса об этиологии прогрессивного паралича. Автор приводит многочисленные противоречивые данные статистики частоты сифилиса у «прогрессивных паралитиков», отмечая, что в течение 40 лет статистика не приблизила вопрос к решению ни на шаг. При этом он приводит ряд аргументов против сифилитической этиологии прогрессивного паралича, базировавшихся на сложившихся представлениях о том, что между началом действия этиологического фактора – бледной спирохеты – и развитием заболевания проходит зачастую 15–20 лет, что намного превышает инкубационный период инфекционных заболеваний. Зависимость между действием этиологического фактора и патогенетического, связанного с поражением не только половой сферы, но и внутренних органов, включая головной мозг с его психической деятельностью, в течение длительного времени не усматривалась не только из-за недостаточности научных знаний, но и вследствие отсутствия диалектического образа мышления.

Статью ученый завершает следующими словами. «Каков же должен быть метод научного искания? Ответ один: метод, вытекающий из диалектического принципа «единства теории и практики». Критерием правильности логических построений является наблюдение, эксперимент и практическая применимость теории...».

И в настоящее время можно привести немало примеров одностороннего, недиалектического подхода к изучению патогенеза многих заболеваний.

Характерным в этом отношении представляется взгляд на патогенез у человека острых стрессиндуцированных поражений слизистой оболочки (СИПСО) гастродуоденальной зоны (то есть зоны желудка и двенадцатиперстной кишки. – отв. ред.). Эти повреждения возникают вследствие т. н. стресс-реакции на различные чрезвычайные воздействия, в частности, после операций, проводимых в условиях неадекватной анестезии. Патогенез СИПСО сложен и включает ряд факторов агрессии и защиты. При рассмотрении упомянутого патогенеза авторы делают упор на решающую роль факторов агрессии. Это – повреждающее действие на СО желудка и двенадцатиперстной кишки кислого желудочного сока высокой переваривающей силы [4]. Вторым фактором, а, по мнению других авторов, первым по значению, является нарушение кровообращения в СО [5]. Односторонность такого распространенного взгляда может быть связана с особенностями психики человека: принимать во внимание наиболее простые объяснения, которые легко мысленно представить. Действительно,

механистические объяснения – действия фактов агрессии – ацидопептического и нарушения кровообращения, микроциркуляции в СО желудка и двенадцатиперстной кишки, легко себе представить.

Факторы же резистентности тканей, в частности, желудка, авторы обычно представляют главным образом защитным слоем слизи, нейтрализующим кислый желудочный сок. Согласно учению о нервной трофике, такая резистентность определяется в первую очередь интенсивностью трофических (пластических и энергетических) процессов в тканях, в частности, в стенке желудка [3]. Эти биохимические механизмы могут быть сложны для понимания, зачастую требуют специального образования и поэтому, видимо, не привлекают внимания исследователей.

Таким образом, недиалектический, односторонний метод рассмотрения патогенеза СИПСО гастродуоденальной зоны состоит в абсолютизации факторов агрессии и недооценке факторов защиты.

Список литературы

1. Дерябин В. С. Задачи Восточно-Сибирского краевого научно-медицинского общества // Советская медицина Восточной Сибири. – 1931. – № 4. – С. 3–7.
2. Дерябин В. С. Сифилис при душевных болезнях. Под общей редакцией профессора В. С. Дерябина. Вступление. Труды Восточно-Сибирского медицинского института. В.1. – Москва – Иркутск, 1934. – С. 3–12.
3. Забродин О. Н. Фармакологические и медицинские аспекты учения о нервной трофике в свете исследований С. В. Аничкова и его школы // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. – 2004. – № 1–2. – С. 208–216.
4. Кубышкин В. А., Шишин К. В. Эрозивно-язвенное поражение верхних отделов желудочно-кишечного тракта в раннем послеоперационном периоде. – Consilium Medicum. – 2004. – № 1. – С. 29–32.
5. Spirt M. J. Stress-Related Mucosal Disease: Risk Factors and Prophylactic Therapy. Clinical Therapeutics. – 2004. – Vol. 26. – № 2, pp. 197–213.

References

1. Deryabin V. S. Problems of the East Siberian Regional Scientific and Medical Society [Problemy vostochno-sibirskogo nauchno-meditsinskogo obschestva]. *Sovetskay medicina Vostochnoy Sibiri* (Soviet Medicine of Eastern Siberia), 1931, № 4, pp. 3–7.
2. Deryabin V. S. Syphilis with Mental Illnesses. Entry. [Sifilis pri dushevnyh boleznyah. Vstuplenie]. *Trudy Vostochno-Sibirskogo medicinskogo instituta. V. 1.* (Proceedings of East-Siberian Institute of Medicine. Vol. 1). Moscow–Irkutsk, 1934, pp. 3–12.
3. Zabrodin O. N. Pharmacological and Medical Aspects of the Doctrine of the Trophic Nervous in the Light of Studies of S. V. Anichkov and His School [Farmakologicheskie i meditsinskie aspekty ucheniya o nervnoy trofike v svete issledovaniy S. V. Anichkova i ego shkoly]. *Rossiyskiy mediko-biologicheskiy vestnik*

imeni akademika I. P. Pavlova (I. P. Pavlov Russian Medical Biological Herald), 2004, № 1–2, pp. 208–216.

4. Kubyshkin V. A., Shishin K. V. Erosive-Ulcerative Lesions in the Upper Gastrointestinal Tract in the Early Postoperative Period [Erozivno-yazvennoe porazhenie verkhnikh otdelov zheludочно-kishechnogo trakta v rannem posleoperatsionnom periode]. *Consilium Medicum*, 2004, № 1, pp. 29–32.

5. Spirt M. J. Stress-Related Mucosal Disease: Risk Factors and Prophylactic Therapy. *Clinical Therapeutics*, 2004, Vol. 26, № 2, Pp. 197–213.

УДК 101.8

Профессор В. С. Дерябин. Ошибки формальной логики в истории учения о прогрессивном параличе*

(Публикация О. Н. Забродина)

В обыденной жизни на основе практического опыта наряду с наблюдениями изменчивости явлений и предметов образуется представление о постоянстве их, и наряду с мнением, что «человеку свойственно ошибаться», создается вера в незыблемость вечных истин, добрый запас которых имеется у каждого гражданина. Петр Петрович есть Петр Петрович. Дом № 1 на Большой улице есть один и тот же дом. Сотни раз сотни людей видят Петра Петровича и дом № 1, и это все те же неизменные объекты. Представление о постоянстве предметов соответствует примитивному опыту. Черты тождества при повторных восприятиях выдвигаются на первый план, а медленно совершающиеся изменения остаются незамеченными или даже при примитивности наблюдения не могут быть восприняты.

Лишь немногие могут наблюдать метаморфозы, которые представляет в своей жизни Петр Петрович и имеют возможность убедиться, что в 30 лет он имеет более сходных черт с другими тридцатилетними мужчинами, чем с самим собой в 8 лет, что жизнь его была постоянным, хотя и медленным изменением, которое также незаметно и несомненно, как движение часовой стрелки. Время деформирует не только дом № 1, но и гранитные горы, но этого нельзя заметить ни сегодня, ни завтра.

На такой же ступени примитивного мировоззрения стояла наука при низком уровне своего развития. Предметы и мир считались неизменными, раз навсегда данными, как бы отлитыми в постоянную форму. Ф. Энгельс писал в «Диалектике природы» о том, что согласно этому взгляду, природа, каким бы путем она не возникала, раз она уже имеется налицо, остается всегда неизменной, пока существует. Планеты и спутники их, приведенные в движение таинственным «первым толчком», продолжают кружиться по предназначенным им орбитам во веки веков и до окончания всех вещей. Звезды покоятся навсегда неподвижные на своих местах, удерживая друг друга, благодаря «всеобщему тяготению». Земля остается от века (или от дня своего творения) одинаковой, неизменной. Теперешние 5 частей света существовали всегда, имели всегда те же самые горы и долины, те же реки, тот же климат, ту же флору и фауну, если не говорить об изменениях, внесенных рукой человека. Виды растений и животных были установлены раз навсегда при их возникновении. Гегель этот способ рассмотрения явлений и мира в целом неизменным назвал метафизикой.

Кроме учения об абсолютной неизменности природы метафизическая философия считала, что можно путем умозрительного познания достичь абсолютного, законченного знания мира, абсолютной истины. На основе

* © О. Н. Забродин, 2017.

метафизического мировоззрения возникла формальная логика как наука о формах и законах мышления. Понятия в суждениях формальной логики неподвижны и постоянны, как постоянны с метафизической точки зрения предметы. Первый же закон формальной логики – «закон тождества», гласит: $a=a$ – Петр Петрович есть Петр Петрович. Другой закон – «закон исключенного третьего» формулируется так: a есть b или не b . Петр Петрович добр или не добр. Но ведь нет людей только добрых или только злых. В одном человеке уживаются противоположные качества, но формальная логика берет каждую логическую категорию изолированной и противоположной другим, исключая единство противоположностей.

Учение об абсолютной неизменности природы и вера в силу умозрения господствовали до XVIII столетия включительно. Учение Дарвина об изменчивости видов и об эволюции организмов было сильнейшим ударом, нанесенным метафизическому мировоззрению. Маркс и Энгельс обосновали учение о социальных явлениях в их движении и нашли объяснение причин их происхождения и развития в движении производительных сил. Идея эволюции получила признание в самых различных областях знания как система рассмотрения мира в постоянном движении, оказалась тем методом, который наиболее соответствует научному рассмотрению явлений. Так, на смену отжившего метафизического мировоззрения и формальной логики явился диалектический материализм и диалектическая логика.

Неподвижность предметов оказалась фикцией. Но, если нет неизменных предметов, а есть вечно текущие процессы, то для адекватности понятий объективной реальности так же подвижны должны быть и понятия. Законы формальной логики оказываются действительны лишь в обыденной жизни, когда отвлекаются от факта изменчивости предметов. Но как только формальная логика прилагается к исследованию предметов в их развитии вследствие борьбы противоположностей, так законы ее могут оказаться ложными. При изучении явлений в развитии единственно правильным методом мышления является диалектическая логика, которая, по определению Ленина, есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития всех материальных, природных и духовных вещей.

Вместе с крушением взгляда на абсолютную неизменность природы оказалась подорвана и метафизическая вера в возможность путем одного умозрения постичь абсолютные истины. Стремительное развитие научного знания в XIX в. показало временное, ограниченное значение научных положений, кажущихся незыблемыми. Слова байроновского Манфреда: «наука – обмен одних незнаний на другие» могут иллюстрироваться историей любой науки. Одни гипотезы и теории сменяют другие. В настоящее время подвергаются сомнению даже законы Ньютона, просуществовавшие незыблемо 300 лет и казавшиеся окончательной истиной. Пределы истины каждого научного положения относительны, как говорил Ленин. Теории гибнут, факты остаются, а идущие на смену новые теории все более и более приближаются к пониманию объективных процессов.

Таков ход человеческой мысли.

Энгельс писал о том, что суверенность (самостоятельность, независимость – О. З.) мышления осуществляется в ряде крайне несуверенно мыслящих людей; познание, притязающее на безусловную истину, находится в ряде относительных заблуждений; как эта суверенность, так и это познание могут быть осуществлены лишь в процессе бесконечного существования человечества. Кроме того, человеческое мышление суверенно и неограниченно по своим задаткам, по своему назначению, по своим возможностям, по своей исторической цели; но оно не суверенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности.

Несмотря на опыт, проделанный научной мыслью за последнее столетие, метафизический образ мышления жив. Представление о постоянстве предметов и явлений, переоценка преходящих «истин» данного момента, вера в силу умозрения встречаются на каждом шагу. Операции с ложной предпосылкой, принимаемой за аксиому вследствие возведения ложного взгляда или положения, имеющих относительное значение, в абсолютную истину представляет старый и вечно новый источник ошибок.

В науке по-прежнему нередко переоценивается возможность умозрительным путем найти истину. Методом рассуждения теперь, как и прежде, часто является старая, домарксистская формальная логика, законы которой возникли на основе метафизического воззрения на мир.

Отличительной иллюстрацией опасностей, кроющихся в формальной логике, могут служить ошибки, сделанные в истории учения о прогрессивном параличе¹. Еще в 1814 г. Эскироль [2] писал, что когда паралич «осложняет» душевные расстройства, то сначала затрудняется речь, затем появляется неловкость в движениях, далее следует непроизвольное выделение мочи и пр. (в последующем изложении взглядов на прогрессивный паралич В. С. Дерябин приводит авторов из книги Ю. В. Каннабиха, издания 1928 г. [2] – О. З.). В 1822 г. Бейль впервые описал прогрессивный паралич как самостоятельную болезнь, установив связь между экспансивной его формой и находимым на вскрытии воспалением паутинной оболочки. Его мысль встретила резкую критику. Общее настроение было против мнения Бейля. Прошло тридцать с лишним лет, пока мысль о нозологической² самостоятельности прогрессивного паралича одержала верх над дуалистической теорией, ведущей начало от Эскироля – теорией, по которой прогрессивный паралич есть лишь комбинация паралича с разными душевными болезнями, а не особая болезнь, и что Бейль, следовательно, принял за одну болезнь сочетание двух.

Бейарже, например, указывал, что паралич может быть без психических нарушений в виде бредовых идей или эмоционального расстройства, но при этом во всех случаях наблюдается слабоумие. По его мнению, слабоумие – не помешательство – «это вещи различные, которые не следует смешивать». Теперь мы знаем, что он наблюдал дементную (характеризующуюся

¹ Прогрессивный паралич – психоорганическое заболевание сифилитического происхождения, характеризующееся прогрессирующим (неуклонным или с ремиссиями) нарушением психической деятельности с формированием стойкого дефекта вплоть до деменции (слабоумия).

² Нозологический – относящийся к конкретной форме патологии.

слабоумием – О. З.) форму прогрессивного паралича и свое наблюдение пустил в ход как аргумент против мнения о нозологической самостоятельности этой болезни. В данном случае, как не раз было в истории психиатрии, сказалось стремление под болезнью понимать то, что выявляется в одной и той же неизменной форме.

Представление о болезни как однотипно протекающем процессе долго было препятствием к выделению основных нозологических единиц в психиатрии.

Потребовалось много времени, прежде чем убедились, что в области душевных болезней более, чем, может быть, при других заболеваниях, одна и та же болезнь имеет разное течение и выявляется в чрезвычайно разнообразных формах. Фикция простых, постоянных, неподвижных форм, свойственная метафизическому мировоззрению, препятствовала пониманию наблюдаемых явлений и была тормозом к поступательному движению научной мысли. Потребовалось более тридцати лет, чтобы мысль Бейля получила общее признание. Еще больше времени потребовал своего решения вопрос об этиологии болезни.

В 1863 г. шведский ученый Кбельберг впервые высказал взгляд, что сифилис есть единственная причина прогрессивного паралича. Но еще в 1897 г. вопрос не считался решенным. На международном съезде психиатров в Москве Крафт-Эбинг выступил с докладом, в котором он приводил как доказательство сифилитической природы прогрессивного паралича тот факт, что прививка сифилиса паралитикам дала отрицательный результат. Лишь с введением в 1906 г. реакции Вассермана как диагностического метода спор был кончен, а в 1913 г. Ногуши и Мор установили наличие спирохет в мозгу сифилитиков.

Против сифилитической этиологии прогрессивного паралича выдвигался целый ряд аргументов.

1. Анамнез о частоте инфекции в прошлом давал крайне разноречивые данные. Так, вскоре после заявления Кбельберга датчанин Исстерсен нашел сифилис в анамнезе (истории болезни – О. З.) паралитиков в 77 %, а по статистическим данным, опубликованным в 1900 г. Шпренглером, число установленного в анамнезе сифилиса у таких больных колебалось от 1,6 % до 93 %. Сам он получил положительные данные в 46,2 %. По опубликованным в том же году исследованиям Баера эта цифра равнялась 29,7 %. По данным Аптекмана, сифилис отмечался в анамнезе у 14,7 %, а алкоголизм – у 50,4 % паралитиков [1]. По цифрам последнего гораздо более оснований было ставить прогрессивный паралич в связь с алкоголизмом, чем с сифилисом. Таким образом, в течение 40 лет статистика не приблизила вопрос к решению ни на шаг. Как и всегда оказалось, что в науке важен не только метод, но и тот, кто им пользуется.

2. Говорилось, что какая же связь может быть между сифилисом и параличом, если между инфекцией и началом совершенно своеобразной болезни прошло 15–20 лет.

3. Ртутное лечение (лечение препаратами ртути – О. З.) при прогрессивном параличе не помогает. Отсюда делалось такое рассуждение: если ртуть при

прогрессивном параличе не помогает – следовательно, это не сифилитическое заболевание.

4. Патологоанатомическая картина отличалась от наблюдавшейся при сифилисе мозга.

5. Частота прогрессивного паралича в разных местностях и странах не соответствует частоте распространения сифилиса.

В некоторых странах сифилиса много, а прогрессивного паралича мало или совсем нет [1]. Так, в Абиссинии сифилизация населения составляет 80 %, а прогрессивного паралича нет. Так же нет прогрессивного паралича и в Исландии, несмотря на наличие сифилиса. В Австрии «прогрессивные паралитики» составляли у венгров 17 % всех душевных заболеваний, у румын – 11 %, у саксов – 7,5 % при одинаковой сифилизации этих народностей. В Москве такого рода паралитики составляли 25 % всех душевнобольных мужчин и 12 % женщин, а в Ленинграде – только 10 % мужчин и 3 % женщин.

Отсюда делается вывод: как можно утверждать, что прогрессивный паралич вызывается сифилисом, если нет никакой пропорциональности между сифилизацией населения и частотой прогрессивного паралича.

Таким образом, целый ряд весьма основательных мотивов приводился против предположения, оказавшегося верным.

Формальная логика говорила за то, что сифилис не мог быть причиной прогрессивного паралича. Все аргументы сводились к тому, что предположение о люэтической (вызываемой сифилисом – О. З.) этиологии отвергалось на основании имевшихся представлений о сифилисе, которые считались за окончательную абсолютную истину. Появление своеобразного заболевания через 10–15 лет после инфекции настолько противоречило обычным представлениям, что казалось не только маловероятным, но невозможным. Имеющиеся знания о болезни рассматривались как уже окончательные. Если патологоанатомическая картина не соответствует обычно наблюдавшейся при сифилисе, если ртуть не помогает при прогрессивном параличе, то заключали – это не сифилис. Мысль о том, что может быть болезнь, отличающаяся от обычных форм, и что при этом неизвестном виде сифилиса может существовать особая патологоанатомическая картина и ртуть может быть бессильной, не появлялась, потому что к исследованию подходили с догмой, казавшейся несомненной истиной.

Ожидание пропорциональности между частотой сифилиса и прогрессивного паралича было также результатом влияния обычных представлений, по образцу которых мыслились все новые возможности. Так имевшиеся знания о болезни, принимаемые за полную и окончательную истину, и толкование фактов на основании привычных представлений вставали препятствием на пути научного исследования.

Тенденция переоценивать имеющиеся знания и принимать их за абсолютные истины сказывается в науке очень часто. Вместо многообразия процессов и изменчивости явлений последние мыслятся упрощенными. Текущие явления оказываются фиксированными в неподвижных формулах. Оценка новых мыслей с точки зрения переоцениваемого научного багажа вела

и ведет к тому, что мысли, гармонирующие с общепризнанными, находят благоприятную встречу и высокую оценку, а чем более высказанная мысль отклоняется от обычного круга представлений, чем более идет в разрез признанной догме, тем более сильные возражения она встречает от людей, вооруженных «здравым смыслом» – формальной логикой.

История мысли показала, что мысли гения, опередившие понятия современников, получают отпор и признаются только после долгой борьбы, спустя много лет, иногда десятилетий. Достаточно вспомнить, сколько насмешек в свое время вызвала «нелепая» мысль, что земля шарообразна. Представление противоречило «здравому смыслу» и опровергалась целым рядом основательных аргументов.

Формальная логика для пользующихся ею создает «горе от ума». Прилипание мысли к проторенной тропе выхолащивает ее и делает бесплодной. Но в то же время необходимо помнить, что не всякая смелая мысль есть верная мысль. Новизна и оригинальность мысли не гарантирует ее правильности. Вера в возможность достичь знания умозрительным путем терпела и терпит жестокие удары, в частности, в медицине. Математика развивает свои логические построения, отправляясь от аксиом. Медицина обладает незыблемыми аксиомами, отправляясь от которых она могла бы развиваться путем логического построения, а понятиями, имеющими ценность лишь относительного приближения к объективной истине.

Каков же должен быть метод научного искания? Ответ один: метод, вытекающий из диалектического принципа «единства теории и практики». Критерием правильности логических построений является наблюдение, эксперимент и практическая применимость теории. Великий мастер эксперимента И. П. Павлов, являющийся стихийным диалектиком, в разговоре с одним из учеников, доказывавшим правильность своего предположения, сказал приблизительно следующее: «Вы рассуждаете, и умно рассуждаете, но это доказывает только, что вы не сумасшедший. Правильность же понимания фактов доказывается не рассуждениями, а другими фактами». Сознание относительной ценности наших знаний должно делать нас осторожными в критике новых мыслей. К новым теориям нужно подходить не с самоуверенностью, основанной на формальной логике, а поверять их новыми фактами.

Без дерзания мысли нет движения науки вперед, но новые идеи должны испытываться критерием единства теории и практики.

Список литературы

1. Дерябин В. С. Сифилис при душевных болезнях. Под общей редакцией профессора В. С. Дерябина. Вступление. Труды Восточно-Сибирского медицинского института. В.1. – Москва-Иркутск, 1934. – С. 3–12.
2. Каннабих Ю. В. История психиатрии. Л.: Государственное медицинское издательство, 1928. – 520 с.

References

1. Deryabin V. S. Syphilis with Mental Illnesses. Entry. [Sifilis pri dushevnyh boleznyah. Vstuplenie]. *Trudy Vostochno-Sibirskogo medicinskogo instituta. V. 1.* (Proceedings of East-Siberian Institute of Medicine. Vol. 1). Moscow-Irkutsk, Gosudarstvennoe meditsinskoe izdatelstvo, 1934, pp. 3–12.
2. Kannabikh Y. V. The History of Psychiatry [*Istoriya psikiatrii*]. Leningrad, Gosudarstvennoe medicinskoe izdatelstvo, 1928, 520 p.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Круглый стол в редакции журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

12 апреля 2017 г., кафедра истории и философии ГУАП, Санкт-Петербург,
ул. Гастелло, д. 15, ауд. 14-11.

Редакция журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» проводит теоретический семинар в форме круглого стола по теме «Концепция виртуальной реальности». Цель круглого стола – обсудить различные подходы к проблеме виртуальной реальности, ее философский статус и влияние на современное общество. Приглашаем к участию преподавателей, студентов и аспирантов Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП) и других вузов города, в заочной форме – из других городов. Продолжительность выступлений – до 10 минут, реплик – 3 минуты. Тексты выступлений или развернутые статьи по ним, одобренные редколлегией журнала, будут опубликованы. Для заочного участия предлагается подавать тексты выступлений объемом 1–3 стр. Их содержание будет доведено до сведения участников семинара. Все одобренные редколлегией тексты выступлений включаются в обзор материалов конференции, который будет опубликован в № 2 журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» за 2017 г.

О своем участии желательно сообщить заранее по одному из электронных адресов:

orlov5508@rambler.ru Орлов Сергей Владимирович,
korobrova@hf-guap.ru Коробкова Светлана Николаевна.

Контактные телефоны:

8 (812) 708-42-13, 708-42-05, кафедра истории и философии ГУАП;
+7-921-390-31-82, Орлов Сергей Владимирович.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf
- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет

- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся авторское резюме (обычно 100–250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно

иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109–116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3 – 5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском

языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать

употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложен подход к концепции информационного общества, требующий ее построения с учетом переосмысления фундаментальных понятий материального и духовного, проведенного на основе анализа виртуальной реальности и трудовой деятельности в сфере информационных технологий.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Желательно эти рисунки также прикреплять к письму отдельными файлами.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной

строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «Ph. D.» «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph. D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2017.